

С.С. БАЛМАСОВ

**БЕЛОЭМИГРАНТЫ
НА ВОЕННОЙ
СЛУЖБЕ В КИТАЕ**

Россия забытая и неизвестная

Сергей Балмасов

**Белозэмигранты на
военной службе в Китае**

«Центрполиграф»

Балмасов С. С.

Белоэмигранты на военной службе в Китае / С. С. Балмасов —
«Центрполиграф», — (Россия забытая и неизвестная)

Исследование, основанное на архивных разысканиях, представляет участие русских белоэмигрантов в драматических событиях 1920–1945 гг. в Китае, гражданской и японо-китайских войнах. Книга является 67-й по счету в книжной серии, выпускаемой издательством «Центрполиграф» совместно с Российским Дворянским Собранием под названием «Россия забытая и неизвестная». Как и вся серия, она рассчитана на широкий круг читателей, интересующихся отечественной историей, а также на государственных и общественно-политических деятелей, ученых, причастных к формированию новых духовных ценностей возрождающейся России.

© Балмасов С. С.

© Центрполиграф

Содержание

Введение	5
Глава 1	8
Русские на китайско-монгольской военной службе в XIII–XVI вв.	8
Албазинцы	10
Ситуация в Китае к моменту формирования отряда Нечаева	13
Белогвардейцы в Китае в 1920–1923 гг. Первые попытки создания русских отрядов на китайской службе	15
Глава 2	20
Боевые операции	26
Кампания сентября 1924 г. – марта 1925 г.	26
Перемирие (март – октябрь 1925 г.). Операции против хунхузов	34
Кампания октября 1925 г. – апреля 1926 г.	37
Перемирие (май 1926 г. – февраль 1927 г.). Дело Малакена и Карлова	50
Возвращение Нечаева	54
Кампания февраля – декабря 1927 г.	63
2-й Особый конный полк и операции против хунхузов и хун-чен-хуев («красные пики»)	64
Битва за Нанкин и Шанхай	66
Попытки контрнагруппания (апрель – июнь 1927 г.)	72
Русская группа без Нечаева (июнь – декабрь 1927 г.)	78
Последние успехи	82
Катастрофа бронепоездов у Сучжоуфу	91
Действия конной бригады В. С. Семенова	94
Кампания января – сентября 1928 г. Расформирование отряда	96
Конец ознакомительного фрагмента.	105

Сергей Балмасов

Белоэмигранты на военной службе в Китае

Яне Морару посвящается

*В китайской земле есть дорога на юг
Через сопки и горы крутые.
По дороженьке той шел отряд боевой,
Добровольцы, орлы боевые.
Они шли по горам, по сыпучим пескам,
Через трясины и реки Китая,
Меткой пулей ружья и штыком-молодцом
Себе путь от врагов расчищая.
Вдоль дороженьки той тот отряд храбрецов
Разбросал по сторонкам могилы,
И курганы земли с деревянным крестом
Говорят, что здесь русские были.
И никто не придет, кроме ветра, туда,
Над могилами теми поплакать.
Лишь утрами роса, вниз сползая с креста,
Будет капля за каплею капать¹.*

Введение

Китай... Что мы знаем об этой стране? И откуда в ней русские? На протяжении веков эта сказочная страна, несмотря на соседство с Россией, была для нас недоступна. Первое знакомство русских с Китаем происходит во второй половине XIII в. после монголо-татарского погрома, когда Русь, став вассалом завоевателей, вынуждена была поставлять им десятки тысяч воинов и ремесленников. Многие из них попали именно в Китай, откуда потомки Чингисхана продолжили завоевание Азии вплоть до Индонезии. Постепенно эти люди растворились в китайском населении. Так русские породнились с китайцами, вернее, горе их породнило. И тех и других терзал один и тот же ненавистный завоеватель. Приход первых русских в Китай сравнительно быстро забылся.

В XVII в., после разгрома Русью Золотой Орды и ее «осколков» – Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, русские принялись осваивать земли к востоку от Урала. Первопроходцы достигли Амура, перешли его и основали Албазинский острог-крепость, центр новых владений. Маньчжуры, жившие за Амуром, были недовольны приходом чужаков. После неравной борьбы маньчжуры одолели горсть казаков. Около сотни попавших в плен казаков пошли на службу к завоевателям и составили элитную гвардию, охранявшую маньчжурского правителя. Как ни странно, фактически 300 тысяч маньчжуров завоевали огромный трехсотмиллионный Китай, установив там свою власть. Однако всего лишь за триста лет Поднебесная «переварила» завоевателей, но с приходом маньчжуров и уничтожением Албазина на сотни лет оказалась закрыта для нас. Новые правители Китая приняли курс на самоизоляцию страны, ставший для нее губительным. В результате на века заторможенный заурядными завоевателями Китай в XIX столетии стал легкой добычей европейских колонизаторов. К ним на дележ «китайского пирога» устремились новые «акулы» – США и Япония, и в середине XIX в. Китай был разделен на сферы влияния.

Японцы упрямо продвигались к российскому Дальнему Востоку, и, чтобы создать буфер между ним и японцами, Россия также вошла в Китай, заняв его северную часть. Понятно, что захват Маньчжурии не может быть объяснен только стремлением защитить себя от хищных японцев, но, с другой стороны, земли у России тогда было так много, что и свою территорию она тогда еще как следует не освоила, особенно на востоке. В связи с этим стремление России к дополнительным приобретениям в Китае в то время нельзя однозначно трактовать как агрессию против суверенного государства. Не успей Россия занять Маньчжурию – там были бы японцы, а японская оккупация была, по общему признанию, гораздо жестче русской. И хотя русские порой могли уничижительно называть китайцев «ходьками», но они никогда не уничтожали массы китайского населения, как это делали европейские и американские «либералы» и «демократы», которых превосходили японцы. Даже при подавлении Боксерского восстания в 1900 г., которое считается черной страницей в истории отношений Китая и России, русские войска не совершали тех гнусных бесчинств, которые творили японцы, американцы и европейцы. Еще более важно то, что русские развивали экономику Северного Китая: основали город Харбин, ставший впоследствии столицей Маньчжурии, и провели Китайско-Восточную железную дорогу (КВЖД), связавшую огромную территорию жизненной артерией, вокруг которой ключом забила жизнь. Русские в целом развили инфраструктуру этого края и оставили все сделанное хозяевам этой земли. Неудивительно, что на китайской земле к 1917 г. выросло целое поколение русских, жившее в дружбе с местным населением.

С падением империи и с окончанием активной фазы Гражданской войны в России в начале 1920-х гг. в отношениях китайцев и русских начались новые процессы. Приход на китайскую землю десятков тысяч русских беженцев и установление прав Китая над Харбином, где жило не меньше 100 тысяч русских, еще больше оживили взаимоотношения двух наций. Но теперь ситуация изменилась. Россия после революции потеряла свое прежнее влияние в Китае, и господами положения стали китайцы. Русские в основной своей массе не обижали китайцев, когда были в силе, и теперь, когда ситуация изменилась, за редким исключением отношение к пришельцам с севера осталось прежним. При сравнении, например, отношений китайцев с англичанами получается совершенно иная картина. Когда войска Чан Кайши в 1926 г. взяли Ханькоу, английская концессия этого города подверглась разгрому, а часть ее населения была экспроприирована, избита и даже убита. При этом русское население почти не пострадало.

Отношение к русским в Китае испортилось после прихода к власти Хрущева. Мао, поклонник Сталина, был недоволен отходом СССР от сталинизма. По политическим причинам отношения русских и китайцев были испорчены на десятилетия, и не обошлось без вооруженных столкновений у Джаланашколя и на острове Даманский. Но очень скоро выяснилось, что дружба между двумя странами приносит намного больше выгоды, чем вражда. И улучшение наших взаимоотношений произошло благодаря самому Китаю, подобному мудрому семитысячелетнему дракону. Сегодня он является одним из самых надежных партнеров России. В отличие от «западных друзей» Китай по любому вопросу поддерживает нас, будь то проблемы терроризма или дело Ходорковского. И не случайно, что с японцами мы не хотим даже обсуждать «проблему северных территорий», а Китаю, как знак доброй воли, сами передали ряд островов на Амуре.

Данная книга посвящена почти неизвестной странице истории отношений двух стран, связанной с драматическими событиями 1920–1945 гг. в Китае, гражданской и японо-китайской войнами, а именно участию в них тысяч русских. В свое время было много написано об участии советских специалистов в этих событиях, но почти ничего не было известно о том, что на другом фланге самоотверженно бились тысячи белогвардейцев. Естественно, что факт участия русских в китайской гражданской войне неоднократно упоминался, но до сих пор эти упоминания носили отрывочный и порой ошибочный характер, не говоря уж о том, что обобщающих работ по данной теме еще не было. Немецкий агент в Китае Кунст писал: «В 1924 г.

население территории, на которой происходила китайская гражданская война, пришло в изумление от появления бородатых людей в китайской форме. «Ламеза» – волосатые – так называли их китайцы, и это название осталось за русскими войсками Шаньдунской армии»². В Китае русским, белогвардейцам и коммунистам, снова пришлось скрестить друг с другом шашки. Их участие в китайских событиях кардинально изменило ход истории Китая.

Обращаю внимание читателя на то, что при написании данной книги я не стремился затушевать какие-то факты, показывающие русских с негативной стороны. Не изучив явление жестокости во время войны, мы не поймем причины того или иного варианта развития событий. Вспомнив в этой книге, опираясь на документы, подобные прискорбные факты, мы должны признать их и повиниться за деяния тех наших соотечественников с той и другой стороны, кто чем-либо обидел китайский народ. Проявления жестокости во время китайской гражданской войны отчасти были вызваны и «подвигами» тысяч китайских «интернационалистов» на российской земле. Как известно, «интернационалистов», в том числе и китайцев, привлекали к приведению в жизнь красного террора, для подавления народных выступлений против кровавой советской власти.

Но одновременно хочется всем дружески напомнить, что не по этим людям надо судить русских, оказавшихся на китайской службе. Тысячи наших соотечественников своим трудом оказали неоценимую пользу и даже принесли в жертву за свободу Китая самое ценное, что у них было, – свою жизнь. О них-то и надо помнить сегодня всем нам, как русским, так и китайцам.

Это будет способствовать лучшему развитию отношений двух стран. Надо помнить об этом, и ничто не сможет помешать нашей дружбе.

² Пурин А. История и конец русско-китайского иностранного легиона // ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1.

Глава 1

Русские в Китае

Русские на китайско-монгольской военной службе в XIII–XVI вв.

Русские попадали на военную службу в Китай задолго до прихода белогвардейцев в эту страну. Примером может служить история службы тысяч наших соотечественников при дворе китайского императора.

Во второй половине XIII в. Хубилай-хан, один из Чингисидов, прославленный победами наследник великого Чингисхана, основал в Китае Монгольскую династию. Это время было зенитом славы монголов – Хубилай-хан правил тогда едва ли не третьей частью мира. В его столице Пекине были расположены и иностранные полки, составившие его личную гвардию. Их набрали из населения покоренных стран. Особенно много здесь было жителей Кавказа, Крыма и Руси. Самыми многочисленными были аланы, предки нынешних осетин. Их в полках Хубилай-хана насчитывалось 30 тысяч человек. По данным известного синолог Лео Вигера, тысяча из них входила в личную охрану хана. Бенедикт Полон отмечал здесь армян и «грузин-христиан греческой веры», а главное – корпус из русских в 10 тысяч человек. Другой корпус состоял из крымчаков-несториан, набранных из числа жителей, принадлежавших ранее Антиохийской патриархии. Русские и христиане-кавказцы построили здесь свои церкви, но несториан они пускали в них только после нового «крещения».

Пришельцы очень быстро ассимилировались с местным населением или гибли в походах на дальнем юге, в Индокитае и Индонезии. Проходит половина столетия – и русский синолог Бретшнейдер констатирует, что русских в Китае осталось мало. Однако их положение при дворе монгольского хана было очень высоким. В первой половине XIV в. вблизи Пекина, к северу от него, для русских выстроили специальное поселение. Для этого у крестьян выкупили значительную земельную территорию. Посаженные на землю русские были снабжены земледельческими орудиями, и их обязали поставлять к столу хана дичь, рыбу и хлеб. Кроме того, император династии Юань Выныцзун, или по-монгольски Тоб-Тимур, правивший в 1329–1332 гг., правнук Хубилай-хана, сформировал в 1330 г. полк из русских. Он получил название «навечно верная русская лейб-гвардия» и непосредственно был подчинен Военному совету.

В 1332 г. князь Джанги, происходивший, скорее всего, из Средней Азии, подарил китайскому богдыхану 170 русских пленников и получил от него за это денежную награду. В том же году отмечается в анналах династии Юань, что «тысяче русских было выдано зерно и одежда». Видимо, правитель Китая имел пристрастие к русским воинам и, чтобы угодить ему, его вассалы часто дарили их ему. Русских уводили с родины монгольские князья, правившие в Средней Азии и Поволжье, где они несли воинскую службу и откуда попадали в Китай. В том же 1332 г. князь Янь-Тимур подарил богдыхану полторы тысячи русских пленников, а другой князь, Аргиашвили (возможно, грузин), доставил в Пекин 30 русских пленников.

В биографии военачальника времен династии Юань, Бояна, за 1334 г. сообщается, что он в этом году был назначен командиром личной охраны императора из монголов, половцев и русских. Из числа аланов многие здесь достигли больших высот, но таких достижений у русских тогда не наблюдалось. Их в это время слали на юг Китая, где продолжались монгольские завоевания.

С ослаблением позиций монголо-татар на Руси уменьшается и число русских в Китае. Так, в XVI в. они здесь становятся уже большой редкостью, и в 1543 г. португальский пират

и авантюрист Пинто с удивлением описывал визит в один из шэньсийских городов среднеазиатского хана со свитой, в составе которой были русские пленные, попавшие на его службу.

Так или иначе, уже на этом этапе русские сыграли значительную роль в истории Китая. Они, общей численностью несколько десятков тысяч, растворились в китайском населении, и, таким образом, можно утверждать, что «русский и китаец – братья по крови» в прямом и переносном смысле.

Албазинцы

О русских вспомнили в Китае в середине XVII в. Это были казаки, которые остались в Китае после взятия маньчжурскими войсками острога Албазин в XVII в. История их достойна экранизации. В XVII в. сотни казаков проникали из европейской части России на Дальний Восток, еще практически не освоенный ни Россией, ни Китаем. Среди них было много беглых, находящихся не в ладах с законом в России. Они-то и стремились уйти подальше от царских воевод и зажить вольной жизнью³. Особенно популярным у них стало селиться за Амуром. Там они на реке Албазин основали одноименный острог.

С 1644 г., когда первые русские вышли к Тихому океану, начались их столкновения с маньчжурами. Первые казаки на службе китайского императора появились в 1649 г. При дворе китайского монарха тогда оказались несколько казаков, старшим среди которых был человек по имени Иван. Они были взяты в плен или перешли к китайцам добровольно. Отношения сторон еще больше ухудшились в 1667 г., когда тунгусский князь Гантимур ушел из Китая и принял российское подданство и православие. Во многом поэтому первое посольство России в Китае в 1675 г. не было удачным⁴. Маньчжуро-китайский император сначала считал, что отряды вольницы, приходящие из России, посылаются царем для захвата китайской территории, и опасался вступать с ними в бой. Он направил против них большую армию, когда русский царь заявил, что эти казаки ему не подчиняются и преследуются на Родине. Поэтому он дал китайцам зеленый свет на действия против них, отказываясь от Албазина. Царь Алексей Михайлович опасался столкновения с Китаем, так как русская армия на восточной окраине России была слишком слабой, а отвлекать силы из центра было опасно, так как в это время велись войны против Польши и Турции. Если бы не это обстоятельство, китайцы вряд ли бы решились на штурм Албазина.

В 1678 г. были взяты в плен китайцами на реке Сунгари 33 казака во главе со старшим Григорием Мыльниковым. Еще 72 казака перешли на китайскую службу в конце XVII в. Их взяли в плен в Албазине и других казачьих поселениях на среднем Амуре. Атаманом их был Гаврила Флоров⁵. Многотысячная маньчжурская армия не раз осаждала Албазин, упорно обороняемый его героическими защитниками. Эта борьба велась с переменным успехом. Однако албазинцы, не имея почти никакой поддержки «из центра», уступали более многочисленному противнику. После ожесточенных боев Албазин сжигали. Но казаки еще не раз приходили на разоренные пепелища и восстанавливали Албазин и другие поселения. Однако их было слишком мало, чтобы бросить вызов огромной китайской армии, и они были побеждены. Как и раньше, китайцы пленных казаков не убивали, а принимали на службу. Для восточных нравов это было необычно, ведь традицией было побежденных убивать или продавать в рабство. Но император Кан Си проявил уважение к людям, которые героически бились против превосходящих их во много раз по численности маньчжуров, и пожелал видеть таких храбрецов на своей службе. Зная, что на Родине их ждет смерть, Кан Си мудро решил, что лучше принять такую вольницу на свою службу и поселить у себя, чем бесконечно с ней воевать. Албазинцы были зачислены в китайскую императорскую гвардию в Пекине, для которых специально создали Русскую сотню в составе особо элитной части «Знамени с желтой каймой». Эта часть считалась самой аристократической. Она пополнялась только из рядов лучшей и верной монархии маньчжурской молодежи и русских. Китайцев здесь не было⁶.

³ Петров В. Албазинцы в Китае. Вашингтон, 1956. С. 16.

⁴ Серебренников И. И. К истории Азии. Тяньцзинь, 1941. Т. 1. С. 393.

⁵ Pavlovsky M. Chinese-Russian Relations. New York, 1949. P. 157.

⁶ Ibid. P. 159.

В июне 1685 г. 450 казаков героически оборонялись от пятнадцатитысячной маньчжурской армии, но сдались после того, как китайцы отвели от Албазина воду и часть албазинских казаков – от 25 до 45 перешли на китайскую службу. В числе первых казаков, перешедших на китайскую службу, были Иван и Михаил Молодые⁷.

Из пленных албазинцев лишь 12 человек не пожелали стать китайскими гвардейцами и решили вернуться в Россию. Всего же в китайские войска перешли не менее 100 казаков, или, как их называли китайцы, «ло-ча». Это были наименее лояльные русскому царю элементы⁸.

Это говорит в пользу того, что казаки ценились китайским монархом очень высоко и были поставлены в самые лучшие условия. Они получали очень хорошее жалованье, денежные подарки, земли в вечное пользование и дома. Первое время во главе Русской сотни при дворе китайского императора были лишь русские, что делалось, как и само создание этой части, с пропагандистской целью. Но с заключением между Россией и Китаем Нерчинского договора в 1689 г. политическое значение этой сотни стало падать, и впоследствии она стала регулярной частью гвардии под командованием одного из принцев Маньчжурской династии⁹.

Так как русских женщин с ними почти не было, казаки быстро стали смешиваться с маньчжурами. Те оказывали на них свое влияние, и постепенно албазинцы, поколение за поколением, стали утрачивать православную веру, смешивая ее с идолопоклонством маньчжуров. Негативное влияние оказывало на них и то, что русский царь отступился от них, и потому даже последующее направление православного священника в Пекин долго не могло исправить ситуацию со все большей китаизацией албазинцев. В третьих поколениях албазинцев в XVIII в. русские свидетельствовали, что у них почти ничего не осталось из русских черт. Лишь дома они держали, скорее как фетиши, нательные кресты и иконки, оставшиеся от их героических дедов и прадедов¹⁰.

Вспомнили в России об албазинцах, когда решили открыть в Пекине Духовную миссию. Чтобы открыть такое учреждение, нужно было доказать китайцам, что для такой миссии есть паства и что миссия нужна для обслуживания религиозных нужд этой паствы, а не для шпионажа. Сначала пытались обосновать наличие Духовной миссии тем, что она нужна для торговцев, но китайские власти это отклонили, так как русских купцов тогда в Китае было немного. Поэтому албазинцев в Китае представили ревностными православными христианами. В это время русские посланники постоянно напоминали албазинцам, что они – потомки славных казаков, геройски бившихся против врага, несших в сердце православную веру. В то же время в донесениях Центру албазинцев представляли как почти ассимилированных маньчжурами, причем многие из них «были лишены нравственных устоев»¹¹. После долгих переговоров и проволочек Россия в 1716 г. открыла в Пекине Духовную миссию.

По данным православного священника Пекина, уже в середине XVIII в. албазинцы «считали всякое занятие недостойным их, создав свой особый тип жителей Пекина как наследственно принадлежащих к императорской гвардии. Заносчивые в своем поведении, гордые своим привилегированным положением, не знающие, что им делать со своим свободным временем, они бродили по улицам, посещая чайные и гостиницы, рестораны и театры, и стали предаваться опиекурению. Постепенно они стали духовно и физически вырождаться, впав в долги и попав в руки ростовщиков»¹². В 1896 г. священники и просто русские, попадавшие в

⁷ Ibid.

⁸ Ibid. P. 157.

⁹ Ibid. P. 160.

¹⁰ Петров В. Албазинцы в Китае. Вашингтон, 1956. С. 35.

¹¹ Там же. С. 39.

¹² Китайский Благовестник. Пекин. 1936. № 3. С. 3; Pavlovsky M. Chinese-Russian Relations. New York, 1949. P. 164.

Китай, писали, что албазинец «в нравственном отношении в лучшем случае – тунеядец, живущий подачками, а в худшем – пьяница и плут»¹³.

Но под действием православных миссионеров в конце XIX в., начавших особенно активную работу с албазинцами, последние быстро «переродились и стали большими приверженцами православия». В то время в Пекине и других крупных городах их насчитывалось около тысячи человек. Уже тогда они, из-за связи с православными священниками, попали в «черный список» китайской ксенофобской организации «Большой кулак», добивавшейся изгнания иностранцев из Китая и устранения их влияния. Тогда многие албазинцы работали при Русской духовной миссии. В 1900 г. сотни их, в том числе женщины, дети и старики, мученически расстались с жизнью во время Боксерского восстания. При этом православные священники, вовлекшие их в работу, из-за которой они погибли, бежали в Посольский квартал Пекина, где укрылись за штыками международных войск. В те дни погибло не менее 300 албазинцев. Другие, оказавшись перед выбором – отречение от веры или смерть, – выбрали первое и сохранили себе жизнь¹⁴.

К приходу белогвардейцев в Китай албазинцы носили китайскую одежду, «имели китайский облик», плохо говорили по-русски, но исповедовали православие. Уже во второй половине 1920-х гг. многие албазинцы работали в русских эмигрантских газетах, хорошо владея пером, отлично зная китайскую специфику и имея множество полезных для своей работы контактов. После прихода к власти в Китае коммунистов албазинцы с конца 1950-х гг. стали быстро ассимилироваться с китайцами. Этому содействовала политика Мао Цзэдуна на искоренение всего иноземного, что особенно ярко проявилось во время культурной революции. Сегодня поэтому вряд ли уже кто-то в Китае ассоциирует себя с албазинцами.

В XIX в. в Китае стали появляться и официальные представители России, принятые там на службу. Примером может служить работа Ю. А. Рединга, русского внештатного консула и военного советника в Китае, отметившегося у китайцев в 1880 г.¹⁵

Но массовый наплыв русских на китайскую службу произошел после окончания активной фазы Гражданской войны в России.

¹³ Волгин Ф. Амур. СПб., 1896. С. 14.

¹⁴ Петров В. Албазинцы в Китае. Вашингтон, 1956. С. 40, 41.

¹⁵ Муратов В., Сманевский А. Русский след в Шанхае // Международная жизнь. 1995. № 10. С. 116.

Ситуация в Китае к моменту формирования отряда Нечаева

К приходу белогвардейцев в Поднебесную положение в стране было нестабильным. Китай находился в состоянии гражданской войны, раздираемый стремлениями разных «маршалов» взять центральную власть в свои руки. Смута началась еще в 1911 г., когда произошла Синьхайская революция, уничтожившая старую Маньчжурскую династию. В 1912 г. отрекся от престола император Тзинге. Китай был объявлен республикой. С этого года началась борьба двух китайских партий – северян и южан. Первые, «маньчжуры», пытались опереться на Пекин, а вторые, которых тогда называли «голубыми», концентрировались у Кантона. Это не была борьба двух разных «Китаев» по своему духовному укладу, как считали многие. Это была лишь борьба двух политических противников, стремящихся к власти во всем Китае. Эта борьба отличалась от прежних схваток в этой стране между севером и югом, когда правители Южного Китая пытались освободиться от центральной власти императора. Теперь «север» и «юг» выступали с равными претензиями на власть¹⁶.

В то время в Китае с презрением относились к профессии военного, считалось, что в армию идут неудачники, неспособные проявить себя в мирной жизни. На эту тему в Китае, стране ремесел и искусства, даже бытовала пословица: «Как из хорошего железа не делают гвоздей, так и хороший человек не станет военным». Но китайцы забывали, что рядом, на островах, живут хищные японцы, любимая пословица которых была: «Нет прекрасней цветка сакуры и военного человека, подобного ему». Следствием китайского подхода к военной службе стало то, что армия Китая стала к XIX в. отсталой во всех отношениях, а японцы к концу того же века обладали одними из лучших вооруженных сил в мире, что доказали своими победами как над Китаем, так и над Россией.

Скоро в события вмешался «генерал-поэт» У Пэйфу, базировавшийся в Центральном Китае. Он быстро набрал силу и вырос из регионального лидера в одного из претендентов на центральную власть. Каждый из маршалов-«гигантов» представлял свой вариант объединения страны. Все это еще больше усложняло китайскую смуту. В начале 1920-х гг. особую силу в Китае представлял именно У Пэйфу, которому совсем немного не хватало для того, чтобы взять в свои руки центральную пекинскую власть. Фактически У Пэйфу, поддерживавший императора «без войска и денег» Цао Оукуна, некоторое время являлся правителем Китая. Он так и рассчитывал – править за спиной слабого царька. Другого мнения придерживался Чжан Цолин, маньчжурский диктатор, считавший У Пэйфу слишком слабым для этой роли¹⁷. Поэтому он отказывался признать власть Цао Оукуна. Смерть Сунь Ятсена на время отстранила юг Китая от участия в борьбе за объединение страны.

Гражданская война в Китае шла фактически с 1912 г. и между лидерами отдельных провинций. В отличие от Чжан Цолина, выражавшего интересы севера, и Сунь Ятсена, защитника интересов юга, большинство из них хотели лишь захвата власти в самых доходных частях Китая, где были расположены арсеналы оружия, богатые города и пр.¹⁸ Кроме того, действовали и маршалы вроде Фын Юйсина, не выражавшие идей «объединителя» Китая, но претендовавшие на свою значительную роль в будущем устройстве страны и блокировавшиеся то с одной, то с другой группировкой. В один момент Чжан Цолин был ближе всех к объявлению себя главой Китая, но по «непонятным причинам» делать этого не стал и даже вынужден был

¹⁶ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 103, 104.

¹⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 2.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 107.

оставить страну. Однако ничего непонятного тут нет: он вынужден был отступить под нажимом иностранцев, главным образом японцев, не заинтересованных в создании сильного Китая.

Русские военные эксперты так оценивали китайских маршалов: Чжан Цзолин не был лишен военных дарований, что доказывал регулярно, даже в самых тяжелых условиях, когда на него со всех сторон надвигались враги, при этом в тылу против него вспыхнуло восстание, поддержанное даже ближайшими сподвижниками. Однако он сильно зависел от японцев, которые не давали ему возможности занять Пекин, так как боялись укрепления Китая.

Ближайший союзник Чжан Цзолина, Чжан Цзучан, был обязан своим возвышением ему. По мнению генерала Лукомского, «по всем данным, это хороший военный, разбирается в обстановке, смело и умело действует. Крайне жаден до денег, но это качество присуще всем китайским генералам». По сравнению с другими китайскими войсками его солдаты и офицеры были более дисциплинированы, обучены, снаряжены и лучше снабжались провиантом и деньгами, по причине чего реже других мародерствовали¹⁹.

По данным Лукомского, «Пей Фу как военный – полное ничтожество. Зависит от американцев и англичан»²⁰. Однако это «ничтожество» всякий раз било «способных» Чжан Цзолина и Чжан Цзучана, пока в дело не вмешались русские.

Сун Чуанфан, властвовавший к югу от этих маршалов за «Голубой» рекой Янцзы в районе Нанкина – Шанхая, опирался на богатейшие китайские провинции, главный доход которых был от крупных таможенных и торговых портов. Но иностранцы не рассматривали его серьезно и мало поддерживали оружием и деньгами. Как и большинство других китайских маршалов, он когда-то был хунхузом, никогда не был в армии и не разбирался в военном искусстве. По мнению Лукомского, он был «никуда не годным генералом»²¹.

Фын, «северный генерал с южным уклоном», представлял серьезную угрозу правому флангу Чжан Цзолина. Но он был в сильной зависимости от поставок из СССР, которые не были стабильными, и по этой причине ему не хватало ресурсов для того, чтобы нанести Чжан Цзолину решающий удар²².

Серьезное влияние на события в Китае оказывало наличие иностранных концессий или колоний, опираясь на которые зарубежные державы распространяли свое влияние. Этим для разжигания смуты успешно пользовались коммунисты.

¹⁹ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 108, 109.

²⁰ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 110.

²¹ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 110.

²² ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 111.

Белогвардейцы в Китае в 1920–1923 гг. Первые попытки создания русских отрядов на китайской службе

В конце 1920 г., после отступления из Забайкалья, в Китае оказались десятки тысяч чинов белых армий. Многие из них в 1921–1922 гг. продолжили борьбу против коммунистов в Приморье. Но силы были неравны, и в октябре 1922 г. армия генерала Дитерихса также отступила в Китай. Накануне падения белого Приморья Николай Меркулов, бывший министр белого Приамурского правительства, договорился с Чжан Цзолином о пропуске беженцев и их последующем обустройстве. Кроме того, по международным правилам предусматривалось, что при переходе границы белогвардейцы должны были просто сдать оружие китайцам. Однако Чжан Цзолин купил военные грузы, складированные в 22 железнодорожных вагонах, у Дитерихса. Бывшие белые министры братья Меркуловы продали Чжан Цзолину 3 подводные лодки, 10 тысяч винтовок, 1 тысячу маузеров и другое военное имущество²³. За счет этого оружия маньчжурский диктатор полностью перевооружил свою армию²⁴. Это располагало маршала к расширению сотрудничества с русскими.

Возможно, что причина такого поведения кроется в том, что Чжан Цзолин не хотел повторения событий 1920 г., когда при попытке разоружения отходящих в Китай белых отрядов происходили настоящие бои, стоившие китайцам сотен убитых.

Заботе Чжан Цзолина многие русские беженцы обязаны своей жизнью. Так, в ноябре 1922 г. границу с Китаем только в районе Ново-Киевска и Хунчзы перешли тысячи русских гражданских беженцев, среди которых было 700 женщин и 500 детей. Они были без средств к существованию, и им негде было жить в условиях жуткого холода. По распоряжению Чжан Цзолина, им была оказана помощь, и они были размещены в городе Гирин, откуда через год в основном перебрались в Харбин, где существовала большая русская колония. Но устроить одновременно десятки тысяч беженцев было невозможно, они оказались за границей в тяжелой ситуации: без жилья, без денег, без работы. На улицах китайских городов тогда можно было встретить немало нищих русских. Многие не имели жилья, жили подаянием, некоторые становились уличными грабителями, женщины занимались проституцией. Нередкими были случаи, когда бывшие офицеры подходили к гуляющим парочкам и требовали у молодого человека денег, если он не хочет, чтобы ему набили физиономию в присутствии его девушки²⁵. Тяжелее всего было положение чинов отряда атамана Анненкова, попавших в Синьцзян на западе Китая. Они часто не имели даже верхней одежды и, чтобы выжить, продавали за бесценок – за несколько ланов – женщин и детей. Многие из анненковцев вошли в «синдикаты убийц», за скромную плату выполняя «заказы». В Шанхае нищие русские пытались организовать «союз белых рикш», но это запретили англичане, игравшие главную роль в его управлении. Они опасались, что появление русских рикш подорвет авторитет белых и вызовет беспорядки среди китайцев. Такие меры англичане приняли и для того, чтобы лишний раз ущемить белых русских и заставить их уехать из Шанхая²⁶.

Ситуация в Китае в то время была далека от стабильности. Китайские генерал-губернаторы, или «маршалы», начали ожесточенную борьбу за власть. К этому примешивалось соперничество разных держав мира, которые «ставили» на разных маршалов и стремились максимально использовать сложившуюся ситуацию в своих интересах. В этих условиях десятки

²³ ГА РФ. Ф. 391. Оп. 1. Д. 11. Л. 491; *Чжунго сяньдай чжэнчжи или цзымо цуй-бянь*: Материалы по современной политической истории Китая. Нанкин, 1958. Т. 12. Документы 2, 4–6.

²⁴ *Сонин В.* Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987. С. 16.

²⁵ *Золотарева Т.* Маньчжурские были. Сидней, 2000. С. 108.

²⁶ *Сонин В.* Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987. С. 24.

тысяч военных людей, ушедших из России, имевших огромный боевой опыт как минимум двух войн, представляли собой лакомый кусок для сражающихся между собой не на жизнь, а на смерть китайских маршалов. Большинство эмигрантов оказались в Маньчжурии, в зоне маршала Чжан Цзолина.

В молодости Чжан Цзолин был известен под кличкой Корявый как главарь хунхузов, китайских бандитов. Его банда оперировала в районе Харбина. Как и другие хунхузы, он то официально, «тихо» и «мирно» работал, то уходил в леса и горы с маузером. За свои деяния он был заочно приговорен властями к смерти. Деяния Корявого проявлялись не только в уголовщине. Еще до Русско-японской войны на него выходила японская разведка, желая подкупить Корявого. Но он не очень любил японцев и во время Русско-японской войны собрал тысячную банду и явился в штаб командующего Алексеева. Там он предложил свои услуги в борьбе против японцев, обещая за копейки разрушить их тылы диверсионными операциями. Привели Корявого к Алексееву разведчики, понимавшие важность союза с готовыми для работы диверсантами. Но Алексей приказал выгнать Корявого. «Не хватает нам еще с бандитами союзы заключать!» – объяснил свой поступок командующий.

Японцы оказались гораздо дальновиднее Алексеева, и скоро Корявый своими лихими налетами на русские тылы доказал, как недооценивал его русский адмирал. Чжан Цзолин со своей бандой совершал рейды по русским тылам, выводя из строя коммуникации и нанося нашим войскам большой урон. Заслуги его были таковы, что после войны японцы добились того, чтобы правительство Китая его не только помиловало, но и назначило губернатором родной Корявому провинции Фэнтянь²⁷. Русские после таких рейдов спохватились, пытались завести у себя «своих» хунхузов, но обиженного Корявого вернуть не удалось. Пришлось ограничиться бандой главаря Чжан Цзучана, которая хоть и была меньше, чем у Корявого, но сильно помогла нашим войскам. Русская разведка без особого труда склонила Чжан Цзучана к результативному сотрудничеству.

Видя, что тысячи русских военных нищенствуют, Чжан Цзолин решил исправить ситуацию. Уже в 1921–1922 гг. он стал приглашать их к себе на службу инструкторами пулеметчиков, инженеров, кавалеристов и других специалистов²⁸. Позднее он решил создать своего рода иностранный легион из бывших белогвардейцев.

Нахождению точек соприкосновения помогало здесь и то, что ряд русских девушек и женщин вышли замуж за влиятельных китайских военных. Так, племянница бывшего царского министра Щегловитова, «белая китаянка», вышла замуж за генерала Ма.

Еще в 1919 г. от атамана Г. М. Семенова Чжан Цзолину поступило предложение о создании смешанных русско-китайских частей. В качестве ответного шага Чжан Цзолин в декабре 1920 г. гарантировал, что Маньчжурия станет плацдармом для боевых действий против коммунистов в России²⁹. В начале 1921 г. в Мукдене между Чжан Цзолином, Семеновым и японским консулом состоялись переговоры, на которых было решено создать Лигу по борьбе с коммунизмом. Силы этой организации, поставившей себе целью недопущение проникновения коммунизма в Китай, состояли из японских частей, белогвардейцев и отрядов Чжан Цзолина. Предусматривались даже превентивные удары по советской территории³⁰. Стороны были заинтересованы в создании буферного государства между Советской Россией и Китаем. Оно должно было стать непреодолимым барьером для проникновения коммунистов в Восточную

²⁷ Белоусов С. Дважды перевербован // Проблемы Дальнего Востока, 1991. № 4. С. 135.

²⁸ Еленевский А. Военные училища в Сибири // Военная быль. № 66. 1964. Март. С. 21.

²⁹ *Papers relating to the foreign relations of the United States*. Washington, 1921. Vol. 2. P. 705.

³⁰ Ibid. P. 706; Каретина Г. Китайский милитаризм и иностранная интервенция на Дальнем Востоке (1917–1931 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток, 2000; Павлович М. Японский милитаризм на Дальнем Востоке // Новый Восток, 1922. № 2. С. 55.

Азию³¹. Поэтому привлечение на китайскую службу русских «силовиков» стало одним из проявлений соглашения по Лиге борьбы с коммунизмом.

На 15 июля 1922 г. в войсках Чжан Цзолина в качестве инструкторов числились несколько десятков бывших военных из России. К ноябрю того же года был образован авиационный отряд. Инструктором по кавалерии устроился ротмистр Арнаутов. В числе счастливых, попавших на хорошо оплачиваемую службу, были генералы Петухов и Томашевский, полковники Завьялов, Сполатбок³² и другие³³. В прошлом видный каппелевец, генерал Барышников, меркуловский представитель в Харбине, стал инструктором пулеметных частей³⁴.

Среди инструкторов особое место занимал бывший генерал Ставки Колчака Г. И. Клерже³⁵, успевший послужить военным советником не только Чжан Цзолину, но и его сыну, приемнику Чжан Сюэяну. В начале 1920-х гг. у Клерже было высокое положение среди русских на китайской службе. Он сначала именовался «советником по охране общественного спокойствия» при Чжан Цзолине³⁵. Однако уже тогда между русскими начались интриги. Так, советник Грегори смог дискредитировать Клерже, из-за чего ему даже пришлось уйти со службы. Грегори был полковником Генерального штаба и профессором Мукденской военной академии. Он нанял к себе на работу тайным осведомителем бывшего генерала Загоскина³⁶. Тот за 50 долларов в месяц составлял для Грегори сводки о положении в Харбине. Естественно, что данными таких осведомителей Грегори пользовался для сведения личных счетов. Грегори выставил Клерже японским агентом и ставленником атамана Семенова. Но сам он недолго наслаждался «победой» и покончил с собой, будучи разоблачен как советский шпион. Журналист Ильин так писал об интригах, творившихся среди пока немногочисленных на китайской службе русских: «В Мукдене наиболее скверную роль играют Томашевский, Клерже и Грегори. Первый – прирожденный интриган, человек, ничем не гнушающийся. Он недаром сдружился с Грегори, который отлично знает китайский язык и приближен к Чжан Сюэяну, сыну Чжан Цзолина. Через него Томашевский почти свалил Клерже. Но Клерже не зевает. А за грызней этих «китов» грызутся и более мелкие»³⁷.

Другими крупными военными советниками у Чжан Цзолина и Чжан Цзучана служили бывший начальник Академии Генерального штаба в России генерал-лейтенант Андогский³⁸ и генерал китайской службы, бывший полковник колчаковской армии А. Кудлаенко. Таким образом, уже в начале 1920-х гг. некоторые русские стали китайскими генералами. Это опровергает высказывание историка О कोरोкова, считающего, что первым русским, ставшим китайским генералом, был Юрий Романович Лариков, эмигрировавший из России в 1921 г. и поступивший в армию Китая. Его карьера реально состоялась уже в 1930-х гг., когда он служил в академии Генерального штаба Китая у Чан Кайши. Дослужился он до чина генерал-майора лишь в 1946 г.³⁹

³¹ Сяндао. 1922. № 4. С. 33.

³² Томашевский, Завьялов и Сполатбок – по артиллерии.

³³ Наша речь. 1922. 9 мая.

³⁴ ГА РФ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 11. Л. 264.

³⁵ ГА РФ. Ф. 391. Оп. 2. Д. 11. Л. 138.

³⁶ Большевики подослали к нему агента, который умело представился белым партизаном, одной из ключевых фигур в белогвардейском подполье на территории Советской России. «Партизан» попросил у него денег на организацию восстания в СССР. В итоге коммунисты, предъявив компромат, раздули скандал о том, что-де Загоскин является организатором «контрреволюционных банд» на территории Советской России, и потребовали его ареста. Загоскин попал в тюрьму, лишившись из-за авантюры с «белыми партизанами» последних денег.

³⁷ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 181.

³⁸ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 72.

³⁹ Во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. сражался против китайских коммунистов и эмигрировал на Тайвань. Там до 1968 г. возглавлял научно-исследовательский институт военного министерства. Умер 10 июня 1989 г. в Тайбэе.

Кудлаенко стал в маньчжурских войсках во главе авиации и организовал там русский авиаотряд. Впоследствии, в 1926 г., таких отрядов стало два, и в их составе было не менее 40 летчиков. Летали они на русских, английских, французских и немецких самолетах. На этом поприще они заслужили «самую похвальную оценку». Не обходилось, правда, и без потерь. Среди убитых к лету 1927 г. были отмечены летчики-офицеры – Абакуменко и Портнов. Последний был одним из немногих уральских казаков, оказавшихся в эмиграции⁴⁰. Говоря о том, что уже в 1921–1922 гг. среди русских, находившихся на службе китайцев, отмечались вредившие делу интриги, журналист Ильин говорит: «Зато у летчиков все хорошо и нет никаких интриг, они сплочены и дружны. Был у них, они показывали гаражи, мастерские, школу, где обучают китайских офицеров, чертежную. Среди них выделялся симпатичный летчик Можевитинов – говорят, смелый и прекрасный авиатор»⁴¹.

В то же время не все русские генералы служили в армии. Так, генерал Бурлин служил в Ханькоу инструктором стрелкового дела по обучению полиции на бывшей русской концессии, а теперь территории англичан и других европейцев⁴².

Уже в 1922 г. русские участвовали в Чжили-фэнтяньской войне⁴³ против маршала У Пэйфу, отношения с которым у Чжан Цзолина резко испортились из-за стремления обоих взять Пекин. Есть данные, что после перехода границы в конце 1922 г. войсками Дитерихса соратник Чжан Цзолина Чжан Цзучан стал вербовать из них не только инструкторов, но и боевые части. На начало 1923 г. их численность достигла тысячи человек⁴⁴. Скорее всего, именно они и участвовали в боевых действиях.

В 1923 г., во время эскалации конфликта Чжан Цзолина и Фын Юйсяна, первый вспомнил о предложении Семенова. Формирование Русского легиона поручили генералу М. М. Плешкову. Этот отряд должен был состоять из трех батальонов с хозяйственной частью. На приглашение Плешкова откликнулись более 300 эмигрантов, работавших в исключительно тяжелых условиях на лесозаготовках. Поступивший в отряд подписывал шестимесячный контракт с правом его нового возобновления. Наемнику гарантировалась выплата жалованья, единовременная денежная помощь семье в случае его смерти, выдача полного жалованья в случае прекращения службы не по его вине до истечения срока. Но когда русские прибыли на службу, китайцы временно замирились, и эмигрантам с трудом удалось добиться выплаты жалованья за месяц, после чего они разошлись по домам⁴⁵.

Некоторых русских перевели в специальные полицейские отряды по охране КВЖД и «особые» отряды, предназначенные для охраны стратегических объектов и подавления мятежей. Из казаков, обосновавшихся в Трехречье, были созданы отряды, подавлявшие выступления китайских рабочих и крестьян⁴⁶. Некоторое время начальником охраны КВЖД был генерал Володченко. Железнодорожную полицию возглавил бывший полицмейстер Владивостока полковник Шкурник. Цицикарский генерал У также сформировал из русских свой вооруженный отряд⁴⁷.

В том же 1923 г. еще до 75 русских белых офицеров перешли на службу к У Пэйфу и были отправлены на дополнительное обучение в китайскую военную академию в Циндао.

⁴⁰ Возрождение. Париж, 1927. 31 июля.

⁴¹ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 181.

⁴² ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 138.

⁴³ Название получила по названию провинций, в которых велась, – Чжили и Фэнтянь.

⁴⁴ Каретина Г. Китайский милитаризм и иностранная интервенция на Дальнем Востоке (1917–1931 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток. С. 65.

⁴⁵ Балакишин П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958. Т. 1. С. 265.

⁴⁶ Сонин В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987. С. 18.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 137. Л. 180.

После этого они были назначены на командные должности в его армии⁴⁸. Атаман Семенов в это время был на службе у Чжан Цзолина консультантом по формированию конницы. Китайские источники говорят, что на военную службу в 1923 г. поступило всего 3 тысячи русских⁴⁹.

Чжан Цзолин приглашал на службу и технических специалистов. Так, уже в 1921 г. в Мукден из Тяньцзиня по его приглашению прибыл профессор Тарле и бывший войсковой инженер армии Колчака В. М. Невский. Тарле возглавил постройку химического отделения Мукденского арсенала и в дальнейшем стал его директором, а Невский его помощником по технической части. На этом посту они пробыли до прихода в Маньчжурию японцев в 1931 г.⁵⁰

В 1924 г. после неудачного восстания на Амуре, вызванного тяжелым налогообложением в СССР, в Китай перебрались сотни и тысячи новых беженцев, казаков и крестьян. Они просили Чжан Цзолина дать им земли в Китае в обмен на несение пограничной службы, и им пошли навстречу⁵¹.

Генерал Лукомский свидетельствовал, что многие белогвардейцы на Дальнем Востоке горели идеей создания русских отрядов на китайской службе. Среди них и бывший начальник штаба Колчака генерал Лебедев, который «считал, что надо сначала помочь кому-то из китайских генералов в войне созданием армии, а потом он должен будет помочь русским»⁵². Лебедев со своим отрядом попал после эвакуации в Корею, в порт Гензан. По данным его бойцов, японцы впустили их любезно, не потребовав выдачи оружия и не интернировав. Но кормить их всю жизнь тоже не собирались, предложив строить дороги и рыть каналы. Гостям это не понравилось, и в 1923 г. они отплыли на судне «Эльдорадо» в Нинпо, соблазненные авантюристом-посредником, предложившим им от имени одного китайского генерала горы золота. В самом Нинпо их встретил вооруженный китайский катер, потребовавший сдачи оружия. В ответ лебедевцы навели на город пулеметы. Китайский генерал сконфузился и попросил продать ему это оружие. Продали – все равно оно было ни к чему – и ушли в Шанхай⁵³.

⁴⁸ Сонин В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987. С. 18.

⁴⁹ У Нань Линь. Проблемы адаптации русских эмигрантов в Китае. 1920–1930-е гг. XX в. М., 2001. С. 6.

⁵⁰ Смирнов С. Русские эмигранты в китайской армии (1920–1928 гг.) // Белая армия. Белое дело. 2003. № 13. С. 86.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 138. Л. 166.

⁵² ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 55.

⁵³ Крузенштерн-Петерс Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто, 1999. № 6. С. 197.

Глава 2

Нечаевский отряд

Неудачный опыт Плешкова по созданию в китайских войсках русских отрядов не обескуражил белогвардейцев. В 1924 г. гражданская война в Китае вспыхнула с новой силой. Эскалация конфликта происходит 18 сентября 1924 г., когда «южане», интересы которых тогда выражал У Пэйфу, объявили войну северянам⁵⁴. Тогда Чжан Цзолин и вспомнил о русских. Создать русский отряд на китайской военной службе он предложил маршалу Чжан Цзучану ^[2], своему соратнику. И хотя в прошлом они были хунхузами⁵⁵, выбирать русским военным было не из чего. Было здесь и *особое* обстоятельство: за Русско-японскую войну Чжан Цзучан получил чин ротмистра русской армии, что облегчило переход к нему наших соотечественников. Он неплохо говорил по-русски, так как долго жил в России, 13 лет дружил с Николаем Меркуловым⁵⁶ и даже имел эскадрилью русских самолетов⁵⁷. По данным журналиста Ильина, «еще в мирное время Чжан Цзучан был мелким подрядчиком у Меркулова. Потом разбогател, купил себе офицерский чин и стал быстро возвышаться»⁵⁸. Тогда в Китае покупка должностей была нормальным явлением. Во время Гражданской войны в России Меркулов перепродавал снаряды на станции Пограничная Чжан Цзучану, тогда комдиву у Чжан Цзолина. Так они вместе «делали деньги», и это впоследствии отразилось на судьбах русских наемников на китайской службе. Белое командование давало этому китайскому маршалу характеристику «человека с огромной волей и энергией»⁵⁹.

По данным самих русских, они шли в этот отряд и потому, что видели подрывную работу коммунистов и опасались, что с Китаем может произойти то же, что и с Россией, и весь мир может попасть под власть «красной заразы». Они объясняли свое участие в китайской гражданской войне не только желанием заработать денег, но и проявлением «инстинкта самосохранения». Кроме того, было и желание вновь скрестить шашку с противником, которому они проиграли раунд борьбы в России⁶⁰. Они искренне верили, что, победив ставленников коммунистов в Китае, Чжан Цзолин вместе с ними пойдет на красную Москву. Активным проводником этой идеи был Н. Меркулов. Но неизвестно, что больше руководило им – интересы России или оставленная под Владивостоком на станции Седанка спичечная фабрика⁶¹.

Среди русских наемников также бытовало мнение, что на китайской земле они будут сражаться против тех китайцев, которые дрались против них во время Гражданской войны в России и теперь прибыли в Китай, чтобы его революционизировать⁶².

Переход русских в армию Чжан Цзолина осложняло отрицательное отношение к этому Японии. Ее настроение удалось переломить лишь к осени 1924 г. Кроме того, руководство Русского общевойскового союза (РОВС) отрицательно относилось к участию русских в китай-

⁵⁴ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 106.

⁵⁵ Крузенштерн-Петерс Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто, 1999. № 6. С. 266.

⁵⁶ Меркулов Николай Дионисьевич (10.12.1869, Благовещенск – 1945, Циндао) – окончил благовещенскую классическую гимназию и речное училище. Капитан парохода «Муравьев-Амурский». С 1903 г. – купец 1-й гильдии. Владелец пароходства на Амуре и спичечной фабрики под Владивостоком. Член Владивостокского биржевого комитета и Приморской торгово-промышленной палаты. Член Приамурского Временного правительства. В Китае вел активную политическую деятельность. Старший советник Чжан Цзучана (1924–1928 гг.). Спонсор Русской фашистской партии.

⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 10 (2). Л. 18; Там же. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

⁵⁸ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 259.

⁵⁹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 188.

⁶⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 1.

⁶¹ Крузенштерн-Петерс Ю. Воспоминания // Россияне в Азии. Торонто, 1999. № 6. С. 271.

⁶² Возрождение. 1927. 17 мая.

ской гражданской войне и указывало лидерам белоэмиграции на Дальнем Востоке на недопустимость этого, так как не хотело терять силы в чужой борьбе.

Лукомский так выразил отношение европейской белоэмиграции к этой идее помощи китайцам в ожидании того, что они потом будут содействовать свержению коммунистов в России: «Фантастический и дикий проект»⁶³.

Он отмечал, что в Китае тогда было много маршалов, почти все они были для Белого дела непригодны по политическим соображениям и из-за их продажности.

Но для желающих стать наемниками не было непреодолимых барьеров. Ситуацию упрощало еще и то, что между лидерами белоэмиграции Дальнего Востока не было единства. Если большинство каппелевцев, в том числе и генерал Вержбицкий, четко следовало указаниям РОВСа, то атаман Семенов и его окружение игнорировали их. РОВСу тяжело было контролировать ситуацию не только из-за географической удаленности Дальнего Востока от европейских центров белоэмиграции, где эта организация была сильна, но и из-за того, что среди каппелевцев не было единства в вопросе об отношении к наемничеству.

В числе тех, кто положительно относился к переходу русских на китайскую военную службу, был один из близких соратников генерал-лейтенанта Каппеля, генерал-майор Константин Петрович Нечаев. В Первую мировую войну он командовал эскадрой. Во время Гражданской войны выдвинулся как командир Волжской кавалерийской бригады Каппелевского корпуса, отличившись при взятии Казани в августе 1918 г. и захвате золотого запаса России. Нечаев резко разошелся после смерти Каппеля с руководством, пришедшим ему на смену. В Чите, после отхода каппелевцев из Сибири в Забайкалье, он не сошелся во взглядах с генералами Лохвицким и Вержбицким и принял «ориентацию атамана Семенова». Кое-кто ошибочно считал, что здесь и были корни будущей вражды Меркулова и Нечаева, которая-де относится еще ко времени Колчака, когда якобы Меркулов служил полковником в армии Верховного Правителя, а Нечаев – в армии Г. М. Семенова⁶⁴. На деле Меркулов никогда вообще не служил в армии и был гражданским человеком. Нечаев же как раз служил у Колчака комбригом в корпусе Каппеля и к Г. М. Семенову попал уже в 1920 г. В отношении Меркулова существует еще одна ошибка, что он якобы по 1931 г. был «старшим советником Шаньдунской провинции Чжан Цзучана»⁶⁵. На деле Чжан Цзучан, после своей неудавшейся авантюры в Квантуне, в 1929 г. окончательно сходит с политической арены Китая и теряет все свои прежние достижения, а Меркулов лишается всех бывших постов на китайской службе еще раньше.

Каппелевцы не желали подчиняться Г. М. Семенову, которого они не без оснований считали одним из виновников поражения Белого движения. Своими действиями он разжигал партизанское движение в белом тылу, творя зверства по отношению к населению, из-за чего большая часть забайкальских казаков в конце концов даже восстала против него. Он регулярно задерживал и захватывал стратегически важные грузы для Белой армии и ценности для оплаты за них. Г. М. Семенов не послал на фронт против большевиков ни одного казака, когда армия Колчака истекала кровью. Но Нечаев, несмотря на это, принял его сторону. Дело в том, что лидер Белого движения в Сибири Колчак незадолго до своей гибели передал полноту власти забайкальскому атаману, и это стало одной из причин лояльного отношения к нему Нечаева.

На момент ухода белых в эмиграцию Нечаев не был одним из ее вождей, поскольку из-за его отношений с Г. М. Семеновым влияние Константина Петровича на каппелевцев снизилось. Ситуация изменилась с уходом белых в Китай, где они оказались перед угрозой голодной гибели. Сам Нечаев работал простым извозчиком в Харбине. В это время он «политикой не интересовался и в ней не разбирался, но с нетерпением ждал времени, когда можно будет вновь

⁶³ Там же.

⁶⁴ Окороков А. Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. М., 2004. С. 184.

⁶⁵ Там же. С. 229.

начать борьбу с большевиками»⁶⁶. По данным журналиста Ильина, «Нечаев и его жена сами работали, ухаживая за своими конями. Его супруга – настоящая жена кавалериста – она проделала весь Сибирский поход на лошади, бранится, как хороший вахмистр, ездит, как гусар»⁶⁷. Лукомский писал о Нечаеве как о «разгульном и доблестном генерале»⁶⁸.

Поражения в войне против У Пэйфу вынудили Чжан Цзолина ускорить формирование русских частей. Летом 1924 г. китайцы обсуждали кандидатуру начальника Русского отряда, Кудлаенко предложил на эту роль несколько имен и в их числе – Нечаева и Глебова. По всем показателям они считались лучшими белогвардейскими генералами на востоке России⁶⁹. Для привлечения большего числа русских в наемники требовалось авторитетное имя. Это имя было у того и у другого. По мнению видного русского наемника, полковника Н. Николаева, «назначение Нечаева произошло случайно»⁷⁰, так как Кудлаенко назвал его в числе других «боевых генералов» наобум, а китайцам было из кого выбрать. Глебов был занят делами обустройства шанхайской группы беженцев и заявил о том, что он станет во главе наемных русских войск лишь в случае, если командование этим отрядом будет всецело находиться в его руках. При этом Глебов, не участвуя сам в китайской гражданской войне, сыграл потом очень важную роль в противодействии акциям коммунистов против Нечаевского отряда.

Новый отряд из русских наемников поручили сформировать полковнику В. А. Чехову⁷¹, а возглавить – генерал-майору К. П. Нечаеву⁷². Возможно, Чжан Цзолин не хотел снова вверять это дело Плешкову, так как это имя стало для многих белогвардейцев одиозным после неудачи 1923 г. и маньчжурский диктатор опасался, что русские теперь в его отряд не пойдут. Кроме того, Плешков тогда испытывал проблемы со здоровьем, и это ограничивало возможность использования его как начальника отряда. С другой стороны, в Маньчжурии было много генералов, обладающих большим, чем у Плешкова, боевым опытом: он просидел всю Гражданскую войну в Маньчжурии, вдали от боев. Поэтому Нечаев был более предпочтителен.

Константин Петрович в качестве извозчика командира отряда развозил пассажиров по Харбину и неожиданно для себя получил телеграмму от Кудлаенко, с приказом немедленно выезжать в Мукден для командования русским отрядом. Это был достойный выбор, позволивший решить вопросы, которые не были под силу другим генералам. Кудлаенко представил Нечаева маршалу Чжан Цзучану, при войсках которого решили формировать Русскую бригаду, и тот сразу дал Нечаеву чин полковника. Решили сначала сформировать отряд в 400–500 человек пехоты при двух орудиях. Некоторые историки, в том числе А. В. Окроков, ошибочно считают, что русский отряд был создан в ноябре 1924 г., а сам Нечаев был «организатор и командующий Шаньдунской армией»⁷³. На самом деле уже к концу сентября 1924 г. ядро отряда было сформировано, и он был принят под командование Нечаевым. Сам Константин Петрович, хотя и достиг больших высот в армии Чжан Цзучана, никогда выше командира дивизии и Русской группы не поднимался. Командующим Шаньдунской армией был Чжан Цзучан.

Сами китайцы к организации русского отряда относились халатно. Так, за первыми пополнениями для своего отряда Нечаеву пришлось ехать в Харбин на собственные деньги, а затем и за свой счет отправлять их к месту назначения, так как китайцы «забыли» профинансировать эту поездку. Такое начало наводило на грустные мысли, но долго думать не приходилось, и нужно было исправлять ситуацию. Нечаев быстро нашел нужное число людей, так

⁶⁶ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 67.

⁶⁷ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 259.

⁶⁸ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 147.

⁶⁹ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 76 об.

⁷⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

⁷¹ Подполковник русской армии, в эмиграции – совладелец автогаража.

⁷² ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 147.

⁷³ Окроков А. Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. М., 2004. С. 178, 229.

как недостатка в бедствующих русских не было, да и многих привлекала его фигура, но возникла другая проблема – с вооружением. Негативным моментом при формировании русских наемных частей было то, что его поставщики сбывали на китайском рынке «всякую дрянь», без должного количества патронов⁷⁴.

Призыв Нечаева вступить в наемники нашел самый широкий отклик у безработных или работающих на тяжелых работах, в том числе на лесозаготовках, белогвардейцев, так как найти любую, даже самую тяжелую и низкооплачиваемую работу в Китае тогда было почти невозможно. Положение осложнялось тем, что у многих были с собой семьи. Запись в наемники поэтому служила для многих русских единственным выходом из положения. При этом многие, даже младшие офицеры белых армий, делали в китайской армии карьеру. Так, поступивший 2 ноября 1924 г. туда фельдфебелем Карманов за три года стал полковником⁷⁵.

Содействовал записи в наемники и Н. Меркулов, который стал военным советником при Чжан Цзолине еще до создания этого отряда, преуспел в китайских интригах и сколотил крупный капитал, позволивший ему профинансировать создание первых русских фашистских организаций и их органов печати⁷⁶. Меркулов даже пытался конкурировать с Нечаевым в главенстве над русскими наемниками. Но, хотя он и располагал крупными суммами денег, делать это ему было трудно, поскольку соперник был прославленным генералом, в свое время близким к человеку-легенде Каппелю, а Меркулов всего лишь «гражданским», не имевшим такого авторитета.

Несмотря на то что отряды русских белых на военной службе в Китае в то время отметились практически у всех, даже «красных» маршалов, большинство их все же оказалось под знаменами Чжан Цзучана⁷⁷, заявившего открыто о своем антикоммунизме и привлекшего тем самым лучших русских военных. Параллельно отряду Чжан Цзучана, у Чжан Цзолина также был русский отряд братьев офицеров Меншиковых, достигавший, впрочем, по некоторым данным, 3 тысяч человек⁷⁸.

Реально первые шаги в создании русского отряда сделали полковники русской службы Чехов и Макаренко. В Мукдене, в местности Императорская Могила, сформировали 1-ю роту в 90 штыков поручика Наумова, пулеметную команду из 3 пулеметов ротмистра Делекторского, бомбометную команду из 3 бомбометов ротмистра Букаса⁷⁹ и легкую батарею из 2 легких орудий калибра 75-мм полковника Кострова. В пулеметчики, бомбометчики и артиллеристы набрали много людей из тех, кто первоначально записался в пехоту. Оказалось, что многие из пехотинцев отлично управляют с пулеметами и артиллерией, овладев ими за несколько лет войны в совершенстве. Все эти части были готовы к 23 сентября. Их погрузили в вагоны и направили к городу Шаньхайгуаню. На полпути к нему к имевшимся русским частям присоединилась 2-я пехотная рота.

Формирование отряда облегчалось тем, что Нечаев имел связи не только с каппелевцами, но и другими антисоветскими формированиями на Дальнем Востоке. Поэтому в его отряде присутствовали семеновцы и переехавшие из Западного Китая в Маньчжурию анненковцы, лидерами которых были офицеры Михайлов⁸⁰, Размазин, Карманов, Иларьев, вскоре достигшие заметных высот в Нечаевском отряде. Михайлов, будучи зятем Меркулова, сделал

⁷⁴ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 65.

⁷⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 28. Л. 9, 9 об.

⁷⁶ Политическая история русской эмиграции (1920–1940 гг.): Документы и материалы. С. 304.

⁷⁷ ГА РФ. Ф. 5961. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.

⁷⁸ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 277.

⁷⁹ Убит 27 ноября 1925 г.

⁸⁰ Михайлов Михаил Афанасьевич (1885—?) – в 1910 г. окончил Одесское пехотное юнкерское училище, служил в 7-й Сибирской стрелковой дивизии. Участник Первой мировой войны, кавалер ордена Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом. После участия в гражданских войнах в России и Китае служил в Главном полицейском управлении Тяньцзиня.

на китайской службе быструю карьеру. Не успел он прийти на службу к Чжан Цзучану «офицером для поручений» в чине майора, как стал полковником и затем генерал-майором. Журналист Ильин писал: «Михайлов ездит с телохранителем, китайским солдатом, вооруженным «маузером» и обвешанным патронами»⁸¹.

Среди командиров отряда было много казаков. Большую роль здесь играли амурские казаки – начальник конвоя Чжан Цзучана есаул Танаев и один из начальников русской кавалерии есаул Пастухин. Много было здесь и забайкальских казаков. Среди них выделялся генерал И. Ф. Шильников^[3], имевший с Чжан Цзолином старые связи и которого маньчжурский диктатор знал как руководителя одной крупной офицерской организации, связанной с белыми партизанскими отрядами в России⁸². Среди других забайкальцев – генерал-майор китайской службы Куклин, генерал русской службы Маковкин, офицер Трухин и другие. Были и сибирские казаки, среди которых особую роль играл видный офицер Г. П. Люсилин. На видных постах среди русских наемников были офицеры Приморского драгунского полка, в том числе будущие начальники частей Русской группы В. С. Семенов^[4] и А. А. Тихобразов⁸³, П. П. Квятковский и другие⁸⁴.

В наемники подались и люди, не бывшие в Белой армии: «зеленая молодежь», харбинские реалисты и др⁸⁵. Был и почти негодный элемент – морально разложившиеся солдаты и офицеры, или, как их называли эмигранты, «ночлежники»⁸⁶. При этом сами они нередко относились к такому своему поступку просто как к поступлению на работу⁸⁷. Естественно, этот элемент не был ценным приобретением для русского отряда, и приходилось тратить немало сил и времени, чтобы сделать из них боеспособные части.

Поступавшие в китайскую армию подписывали выгодный контракт, по которому после окончания боевых действий можно было остаться в армии на положении уже китайского военнослужащего, а по увольнении выбрать для жительства любое место. В контракте была обозначена особая плата за взятие трофеев: 1) винтовка – 50 долларов; 2) маузер или пулемет – 100 долларов; 3) пушка – до 10 тысяч долларов; 4) батарея – 20 тысяч долларов. За взятие в плен: 1) строевого офицера – 1000 долларов; 2) штабного офицера – 3000 долларов; 3) генерала – 5000 долларов. За взятие укреплений противника или городов участникам боевых действий выдавалось особое вознаграждение. «Заключивший контракт, в свою очередь, обязывался служить в иностранном легионе, принимать участие в военных действиях и **БЕСПРЕКОСЛОВНО** исполнять все распоряжения и приказания НАЧАЛЬСТВА»⁸⁸.

По данным коммунистов, «в подавляющем большинстве своем – это люди, почти со школьной скамьи попавшие на фронт империалистической или гражданской войны и затем в течение долгих лет непрерывно воевавшие и не знавшие никакого другого дела и никакой другой обстановки, кроме старой вонючей походной казармы. В этой казарме они опустили и одичали, утратив человеческий облик, превратившись в каких-то профессионалов войны, не умеющих ни ориентироваться, ни существовать в мирной обстановке. Это те кадры, которые может в любой момент завербовать какая угодно военная авантюра. Это те люди, которые готовы по сходной цене продать свою застарелую привычку к походу и к сидению в окопах в любые руки, лишь бы вербующий их авантюрист написал на своем знамени какой-нибудь

⁸¹ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 8. Л. 260; Там же. Д. 9. Л. 280.

⁸² Смирнов С. Русские эмигранты в китайской армии (1920–1928 гг.) // Белая армия. Белое дело. 2003. № 13. С. 86.

⁸³ Адьютант генерала Плешкова в 1918–1919 гг. в Харбине, преподавал в русско-японском институте там же.

⁸⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 28; Там же. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 1.

⁸⁵ ГА РФ. Ф. 5878. Оп. 1. Д. 102. Л. 2.

⁸⁶ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

⁸⁷ Петров В. Участие русских в китайской междоусобице // Русская жизнь. 1981. 8 декабря. Т. LIX. № 9729. С. 7.

⁸⁸ Дневник И. И. Штина // ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 555.

самый затасканный антисоветский лозунг. Ненависть ко всему большевистскому впитана их организмами годами, и от этого яда они уже никогда не смогут освободиться»⁸⁹.

Такая пестрота русских наемников была отрицательной стороной, так как это не способствовало их сплочению. Нечаев в беседе с Лукомским не скрывал проблем отряда и прямо говорил ему, что «вообще, офицеры и солдаты очень опустились. Есть, конечно, известный процент вполне сохранивших воинский облик и дисциплину, но главная масса – развращена и распущена. Чтобы создать значительную прочную силу, нужно много поработать и расправиться беспощадно с негодным элементом. Солдат подобрать к рукам не будет особенно трудно, с офицерами же гораздо труднее. Даже в моем маленьком отряде мне стоит громадного труда поддерживать строгую дисциплину среди офицеров. Многих пришлось выгнать из отряда»⁹⁰.

По данным самих наемников, даже в самые лучшие времена Нечаевского отряда в его составе никогда не было больше 3 тысяч человек⁹¹.

Русские офицеры и вахмистры на китайской службе получали служебное оружие, которое они имели право носить и вне службы, – автоматический или полуавтоматический пистолет «маузер» с 40 патронами⁹².

До самого конца существования Русской группы в ее составе были китайцы. Ими разбавляли русских из-за их малочисленности и стремления в то же время создать побольше подразделений, чтобы всем честолюбивым дать командирские места.

Наемники зачислялись на денежное, приварочное и провиантское довольствие. Это относилось и к животным. Они зачислялись на службу и получали фуражное довольствие. Так, например, в феврале 1928 г. согласно акту комиссии «выбракованных коня, кобылицу, мула и осла приказано считать с фуражного довольствия»⁹³. Таких животных тут же продавали.

⁸⁹ Полевой Е. По ту сторону китайской границы. М.; Л., 1930. С. 7.

⁹⁰ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 67.

⁹¹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 144.

⁹² ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 3. Л. 2 об.

⁹³ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 10 об.

Боевые операции

Кампания сентября 1924 г. – марта 1925 г.

После создания отряда русских наемников гражданская война в Китае разгорелась с новой силой. Чжан Цзолин успешно опробовал их боевые качества в китайских условиях. По данным полковника Н. Николаева, китайцы плохо вооружили отряд: выданное оружие часто было негодным, боеприпасов было мало. Несмотря на это, Нечаев повел отряд на «непобедимого» У Пэйфу к Великой Китайской стене: «Слух о движении в числе мукденских армий Русского отряда быстро докатился в преувеличенном виде до противника, и неприятельские войска были охвачены трепетным ужасом»⁹⁴.

Первый бой русские дали 28 сентября 1924 г.⁹⁵ К началу сражения винтовки имел только каждый третий боец. Патронов было по двести на ствол и на каждого бойца – по две ручные гранаты. Больше 130 километров к Шаньхайгуаню русский отряд шел по испорченной и тяжелой дороге. Особенно тяжело было тащить по ней повозки и орудия.

В это время продолжалось формирование других русских рот, которые вскоре присоединились к своим собратьям.

По данным полковника Н. Николаева, «в первом же бою горсть русских разбила многочисленный отряд из армии У Пэйфу и после этого началось победное шествие маленькой Русской бригады»⁹⁶.

По данным участников того боя, «войска У Пэйфу, 9-я дивизия, занимали сильно укрепленные позиции, имея перед ними еще речку⁹⁷ и чисто выкошенное поле. Когда китайские войска Чжан Цзучана ничего не могли с ними сделать и все их попытки двинуться в наступление были сейчас же пресекаемы, в бой двинули русских, которые до этого составляли лишь охрану его штаба. Русский отряд вместе с японской ротой из добровольцев-офицеров в 47 человек, участвовавшей совместно с нашим отрядом во всех боях до Тяньцзина, выступил против врага при поддержке своих пулеметчиков и артиллерии. Не обращая внимания на ураганный огонь своего многочисленного противника, имевшего также артиллерию, он двинулся в наступление и, перейдя речку, частью по мосту, частью вброд, сбил врага, который в беспорядке отступил через горы, преследуемый нашими и китайскими частями. После этого боя Чжан Цзучан нашел Нечаеву генеральские погоны»⁹⁸.

Во время этого боя атакующие русские под бешеным огнем замешкались, но ситуацию и репутацию русского имени спас полковник Костров, лично возглавивший атаку всех 200 человек. Наумов во время боя оказался «несоответствующим своему назначению» и был заменен подполковником Стекловым, тогда капитаном китайской службы. Уже через несколько боев Стеклов собственным героизмом «восстановил» свой настоящий чин, а вскоре стал и подполковником армии Чжан Цзучана. За этот первый бой русские наемники потеряли 10 человек.

Русский отдельный добровольческий отряд при 3-й дивизии мукденских войск имел тогда 310 человек с нестроевыми чинами. Уже 3 октября 1924 г. русские догнали отходящего противника у деревни Цапынь, где тот пытался задержаться на позициях, «но был опять сбит». По данным командования, «2-я рота ходила в атаку, забыв, что у нее было всего 6 винтовок со

⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

⁹⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 197.

⁹⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

⁹⁷ Это была река Теминхэ.

⁹⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 3, 4.

штыками, но, благодаря общей растерянности противника, тот даже не принял атаки. Заняв деревушку с боя, 1-я рота Стеклова захватила 12 человек пленных и пошла наперерез отступающему противнику, оказав большую поддержку «доблестному 55-му Китайскому полку». Вместе с ним русские захватили свыше полутора тысяч пленных, 6 орудий и несколько пулеметов. Русские при этом потеряли лишь одного раненым»⁹⁹.

После этого у белогвардейцев был вынужденный десятидневный отдых, так как они сильно оторвались от войск Чжан Цзучана. В это время русский отряд стал «14-й бригадой 2-й армии». Питались русские наемники в это время очень своеобразно – свиной без хлеба. Тогда они ожидали подхода новых русских частей – 3-й роты майора Квятковского в 110 человек и Фушуньской роты капитана Мозановского. Эти части сосредоточились 16 октября в Мукдене в полуразрушенном здании на соломе, ожидая отправки на фронт. Среди них был российский генерал Золотарев, кореец по национальности¹⁰⁰. Вскоре эти роты отправились на соединение с главным русским отрядом.

Русские 18 октября двинулись на фронт с таким же безоружным китайским пополнением. Неожиданно их конный дозор на полпути к Шаньхай-гуаню наткнулся на части У Пэйфу. Несмотря на то что при русско-китайских войсках был обоз, где находились пулеметы, «при первых выстрелах китайцы в панике ринулись обратно к дороге, поднялся крик и шум. Русские, шедшие в хвосте отряда, оказались впереди. Тогда Золотарев обратился к китайскому генералу с требованием оружия, но тот отказал»¹⁰¹, и полковник Попов сказал этому генералу, что для своей защиты они разоружат его конвой. Напуганный генерал выдал русским два разобранных пулемета. Через полчаса они были готовы к бою. Как вспоминали русские, «один пулемет потащили на сопку правее дороги, второй – левее ее, а на самой дороге, между сопками, залегли наши стрелки с винтовками, с большой охотой отданными им китайцами-обозниками. Часть русских, таким образом, оказалась вооруженной, и все повеселели. В это время по сопкам бежали люди противника и изредка постреливали в нашу сторону. Как только с нашей стороны был открыт пулеметный огонь и русские двинулись вперед, противник побежал с сопки, подаваясь вправо, в горы»¹⁰². Из опроса пленного выяснилось, что русские наткнулись на войска У Пэйфу, оторвавшиеся от своих при отходе.

После этой неожиданной победы, одержанной почти без оружия, русские двинулись дальше, делая в день, несмотря на удивительную для октября жару, переходы больше 40 километров¹⁰³.

По данным русских, «противник в дальнейшем своем отступлении занял сильно укрепленные им позиции в сопках близ деревни Лу-ту-ми (ши), где 17 и 18 октября произошли крайне ожесточенные бои. В бою 18-го числа 2-я рота, вследствие отхода действующего севернее и левее ее 28-го китайского полка, была окружена противником. Выручать ее ходила 1-я рота. В обход противнику был направлен и 55-й Китайский полк, и в результате он, все та же 9-я дивизия, был сбит с позиций и отступил далеко к Лан-чжоу. В этих боях Русский отряд потерял 27 человек»¹⁰⁴.

После этого русские захватили стратегически важный город Шаньхай-гуань. Говорили, что Нечаев здесь «повторил известный маневр генерала Ренненкампа в Русско-японскую войну»¹⁰⁵. Произошло это, по данным Н. Николаева, так. «Перейдя с боем Великую Китайскую Стену западнее Шаньхайгуаня, бригада, в составе всего двух рот при пулеметной и бомбомет-

⁹⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 4.

¹⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 6.

¹⁰¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

¹⁰² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

¹⁰³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 8.

¹⁰⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

¹⁰⁵ Балакишин П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958. Т. 1. С. 266.

ной командах и двух орудиях, зашла в тыл противника на линию железной дороги около города Лан-чжоу, захватив составы, массу пленных, орудия и большие интендантские запасы. Вскоре сюда подошла на пополнение 3-я рота из Харбина. В командование образованным таким образом батальоном вступил генерал-майор русской службы Мельников. Здесь же был создан на скорую руку в течение суток первый русский бронепоезд ротмистра Букас¹⁰⁶. Трофейные орудия, бомбометы и пулеметы были поставлены на платформы, их обложили мешками с песком, и «бронепоезд» был готов. Он был вооружен 1 орудием, 1 бомбометом и 4 пулеметами.

По данным русских, Шаньхайгуань взяли так: «27 и 28-го октября бои велись под Великой Китайской Стеной, где противник занимал горный проход, загородив его засекой, оплетенной колючей проволокой. После двухдневного боя, 28-го числа утром, проход был нами занят и противник в панике бежит, бросая по дороге арбы, груженные продуктами, снарядами, патронами и т. п. В эти два дня по фронту 1-й армии нами было взято в плен более 10 тысяч человек. Преследуя 30 октября противника, русский отряд занял станцию Лан-чжоу, где было захвачено много трофеев, снаряжения, вооружения и амуниции, три платформы с аэропланами, два вагона с серебряной валютой. В плен был взят начальник штаба 9-й дивизии, которому Чжан Цзучан приставил к голове револьвер и заставил передать на станцию Шаньхайгуань, чтобы части противника, стоявшие там, сдались. Взятые нами пленные передавались китайцам, которые по регистрации их освобождали на все 4 стороны. Многие из них поступали служить Чжан Цзучану. За время похода жителей приходилось встречать очень мало. Они при нашем приближении или уезжали в Тяньцзинь, или прятались из-за боязни. Те же, которые оставались в деревнях, были настроены к нам очень доброжелательно»¹⁰⁷.

Русский бронепоезд был направлен в Шаньхайгуань, где «было много неприятельских эшелонов с войсками и куда было передано из Ланч-жоу требование о сдаче. Когда бронепоезд подошел к станции, то кем-то сзади его были испорчены стрелки, и когда он, маневрируя, подался назад, то задняя платформа соскочила с рельс. Не смущаясь этим, его начальник Букас предложил командирам четырех стоящих на станции эшелонов сдаться. У них началось продолжительное совещание и, в конце концов, они сдались одному импровизированному бронепоезду без всякого участия наших пехотных частей и были доставлены им в Ланч-жоу»¹⁰⁸.

Так Русская бригада численностью меньше батальона была полностью укомплектованные китайские дивизии. Известие о боевых качествах русских облетело весь Китай, и они стали популярны у всех китайских маршалов.

«Немного отдохнув¹⁰⁹, бригада двинулась на Тяньцзинь, опрокидывая части У Пэйфу, вселяя бодрость и уверенность в соседние мукденские полки. Перед Рождеством был занят Тяньцзинь, где Нечаев был представлен Чжан Цзолину. Все русские получили денежные награды. Тут же к Чжан Цзучану прибыл Меркулов и был назначен при нем старшим советником»¹¹⁰.

По данным участников боя за Тяньцзинь, русские двинулись в эшелонах в его сторону. Впереди их был русский бронепоезд, «который накануне выезжал за три станции вперед и имел перестрелку с противником, потеряв убитым корнета Филиппова. У могилы убитого эшелоны остановились, помолились, хотя священника у нас не было, и двинулись дальше. Не доезжая одной станции до Тяньцзина, с нами произошла заминка. Находившиеся в городе иностранцы воспротивились нашему входу туда, но мы это сделали, и наши эшелоны вошли на станцию Тяньцзинь-главный, где стояло много составов с частями противника, которые нам сдались.

¹⁰⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

¹⁰⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 5.

¹⁰⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

¹⁰⁹ Отдых составил два дня.

¹¹⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

Здесь же стояли части Фына, которые изменили У Пэйфу и перешли к нам. Консульский корпус заявил протест: на каком основании в китайской армии иностранные части, русские и японские. Генерал Чжан Цзучан ответил им, что «русских войск у него нет, а есть китайские войска русской национальности, японцев же совсем нет». Но японцы, по требованию своего консула, покинули отряд, который запретил им участвовать в китайской гражданской войне под страхом уголовного преследования и лишения японского гражданства»¹¹¹.

Уже в первых боях русские столкнулись с непониманием китайского командования. Как красные, так и белые вспоминают «характерный сюжет из 1924 г. Войска Нечаева занимают фронт. В один прекрасный день части У Пэйфу идут на них в атаку. Почти сразу же Нечаев получает приказ: «Стреляй!» По примеру каппелевцев нечаевцы молчат. Серые шеренги противника медленно продвигаются вперед. Приказ повторяется: «Огонь!» Русские окопы молчат. Штаб в третий раз командует: «Стреляй!!! Скорее!» Молчание. И только когда храбрецы У Пэйфу подходят совсем близко, нечаевцы открывают беглый огонь. Большинство нападавших уложены на месте, остальные обращаются в паническое бегство. Из штаба немедленно появляется конный ординарец: «Шэма ваша не исполняй приказ? Шэма раньше не стреляй?!» Нечаев отвечает: «Да потому, что раньше стрелять не имело смысла. Наша тактика – подпустить противника как можно ближе и расстрелять его почти в упор. Это дает наибольший эффект. Нужна только выдержка, но это – дело тренировки». Штаб отвечает на это: «Ваша ничего не понимай! Твоя не можешь слишком много убивай! Убивай не надо, мало-мало пугай надо!»¹¹²

Несколько дней до 11 ноября русские отдыхали. Потом их свели в 1-й батальон и двинули дальше на юг. Дойдя до станции Ченг-Сиен Тяньцзинь-Пукоуской железной дороги, они остановились для укомплектования. С 20 ноября они стали 1-й бригадой 2-й армии. Тут же был сформирован 1-й эскадрон Конного дивизиона и прибыл из Тяньцзиня 2-й эскадрон сибирских казаков полковника Размазина. Из-за отсутствия коней эскадроны были пешие. Дивизион принял полковник Барتنев, офицер 13-го гусарского Нарвского полка¹¹³. Уже 27 ноября у русских был создан Технический батальон, в который вошли пулеметная и бомбометная роты и команда связи.

Сюда же, в Ченг-Сиен, прибыл в самом начале 1925 г. вызванный из Харбина Чжан Цзучаном «полковник Генштаба» М. А. Михайлов, будущий начштаба Русской группы. В начале 1925 г. командование решило начать операции на Нанкин и Шанхай. В Пукоу 16 января 1925 г. в обстановке полной секретности – запрещено было разводить огонь и курить – их погрузили на катера, шаланды и баржи, двинув вниз по течению Желтой реки для выхода в тыл противнику, генералу Чи Бинвену, чтобы обойти город Чикианг. Шли в ночной тьме, без огней вдоль берега, занятого противником, а места высадки никто хорошо не знал. Сведений о силе врага не было, как «не знали глубины у берегов, где бы можно было пристать судам». Из-за этого русский десант всю ночь проплутал. На рассвете 17 января, после трудного пути, в том числе и по каналам, без лощмана, они увидели идущие по реке плоты с лесом у самого Чикианга и высадились по ним около города не замеченными врагом. Первым высаживался дивизион Бартенев, «лихо заскочив на берег», по которому охранение сделало несколько выстрелов. Под его прикрытием высадился весь отряд. После этого они атаковали противника, охваченного паникой, отбросив его от берега. Пехота русских пошла на деревеньку впереди, а конники – вдоль берега. За деревенькой был канал шириной 50 метров, перейти который было невозможно, и тогда русские заставили китайскую полицию дать им лодки. Пока пехота зани-

¹¹¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 9.

¹¹² *Полевой Е.* По ту сторону китайской границы. М.; Л., 1930; *Белоусов С.* Дважды перевербованный // Проблемы Дальнего Востока. 1992. № 1–3. С. 137.

¹¹³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

малась этим, Бартенев преодолел канал вплавь, заняв деревеньку, откуда бежали в панике враги, сбрасывая с себя при этом, по свидетельству десантников, «все, вплоть до туфель»¹¹⁴.

Русские пошли к городу по тропинкам через залитые водой рисовые поля. Перешли неглубокий вязкий канал шириной 20 метров и ринулись к железной дороге. В этом бою был убит генерал Мельников. Вместо него Нечаев назначил полковника Стеклова, молодого офицера. По донесению младших офицеров, это случилось так: когда русские пошли в атаку на полотно железной дороги, «во фланг нам был открыт сильный ружейный огонь. Командир батальона Мельников лично вел два взвода к семафору. За валом засели китайцы, которые стреляли, не целясь, больше вверх, так что поражений наших не было. Шагов за 100 до вала эти два взвода, сбросив скатки и передохнув минуту, бросились с Мельниковым в атаку. Противник частью бежал из-за вала, залег в канаве за ним и был взят в плен. Во время атаки был тяжело ранен полковник Гуськов (Гульков). Ранил его сзади умирающий китаец. Ранен был в грудь навывлет и поручик Филиппович»¹¹⁵. Русские продвинулись за вал, но залегли «из-за меткого ураганного огня. Выяснилось, что стреляли европейские колониальные войска, принявшие нас за хунхузов и прекратившие бой, когда они разобрали, в чем дело. В это время и был смертельно ранен Мельников»¹¹⁶. Тогда же в нашем тылу была слышна оружейная стрельба и временами видны взрывы»¹¹⁷. Это помогал десанту русский бронепоезд «Чан-Чжен» поручика Булычева, подошедший с другого направления.

Не выдержав сильного артиллерийско-ружейного огня, русские роты отошли за вал. Большую часть раненых не успели забрать. «На следующий день они были найдены с отрубленными головами»¹¹⁸.

В ночь с 17 на 18 января 1925 г. противник оставил Чикианг. Утром 18 января он был занят русскими. Успехи белогвардейцев сильно взволновали коммунистов. Так, нарком иностранных дел СССР Чичерин 16 января того же года сообщал одному из чекистов, возглавлявшему проведение операций против белоэмиграции, что Нечаевский отряд «белых кондотьеров безнаказанно разгуливает по всему Китаю и, пользуясь своей высокой военной квалификацией, одерживает победы». Далее он указывал на необходимость ликвидации отряда с помощью официального дипломатического давления и на разложение его через каналы ГПУ¹¹⁹.

Во время этой кампании, по данным самих китайцев, русские особенно отличились при взятии города Чжэньцзян¹²⁰.

В следующих боях у крепости Каоинь был убит генерал Золотарев, штаб-офицер для поручений отряда и были ранены несколько офицеров. Особенно тяжела для белогвардейцев была потеря старых кадровых офицеров Золотарева и Мельникова¹²¹.

Уже 20 января русские высадились с десантных судов менее чем в 10 километрах от крепости Кианинг, где были войска противника генерала Чи Бинвена. При этом менее чем в 5 километрах от крепости уже шел бой – это войска генерала Пи, шедшие впереди, выбивали врага из городских предместий. При этом весь день шел сильный дождь. Накануне этого боя майор Штин пишет: «Делал смотр полку. Нечаев сказал, что скоро выступаем на юг. Слава Богу, а то надоело тут стоять. Тоска зеленая, кроме как пить, ничего, кажется, и не остается

¹¹⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 10, 11.

¹¹⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 11.

¹¹⁶ По другим данным, Мельников во время последующего за атакой отхода был «забыт» на поле боя и попал в плен, где ему отрубили голову.

¹¹⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

¹¹⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

¹¹⁹ АВП РФ. Ф. 0100. Оп. 9. П. 114. Д. 1. Л. 99.

¹²⁰ *Гонимые бурей. Русские эмигранты в Китае (1917–1945); Ли Сингэн и другие // Фэнчюй фупин. Эго цяоминь цзай Чжунго (1917–1945).* Пекин, 1997. С. 164.

¹²¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 3.

делать. Утром – занятия, потом – обед, ну, выпьешь. Потом часа два спишь, опять немного в роте занятий, потом – ужин, снова выпьешь, и так все время»¹²².

Видя, что китайские части не могут овладеть крепостью Кианинг, Чжан Цзучан назначил Нечаева командующим фронтом на этом участке. По данным русских, «21-го января вечером слышна была сильная орудийная стрельба, причем подходивший неприятельский пароход освещал нас прожектором»¹²³. К ночи генерал Пи попросил Нечаева помочь его выдохшимся войскам. Тот, не желая рисковать, это делать ночью отказался и повел свои силы в бой ранним утром, подойдя с ними почти к самой крепости. Перед крепостью оставались последние укрепления, заняв которые можно было приступить к операции по овладению пригородами, а потом и центром. «Противник занимал вал, насыпанный в чистом поле. Не прошло и полчаса, как громкое «ура!» заставило противника бежать в пригород перед крепостью. Вскоре враг был выбит и оттуда. Он заперся в крепости, разбив все магазины». Русские спокойно подошли к ней и, отдохнув перед штурмом, заняли пригород и окопы вокруг него.

Нечаев не стал брать крепость в лоб, опасаясь больших потерь, а набрал взвод из самых метких стрелков 3-й роты и отправился с ними к господствующей над городом горе, на которой был монастырь. Туда же затащили взятые в пригороде «малые клиновые орудия». С горы крепость была видна как на ладони. Нечаев приказал стрелкам рассыпаться между камнями на горе и выбить огнем всех врагов, бывших в пределах досягаемости их винтовок. Солдат противника, рассыпанных по всему периметру крепости, особенно хорошо было видно на западной и южной ее стенах. Началась меткая стрельба. Русские снайперы, как в тире, выбивали солдат противника. И вот враги сначала забегали по стенам, а потом и вовсе побежали с них. В ответ из крепости по горе был открыт сильный орудийный огонь, но стрелять снизу вверх неудобно и малопродуктивно, и поэтому нечаевцы со своим командиром не пострадали. Нечаев лежал между ними, стрелками и телефонистами, среди камней и продолжал руководить боем.

В это время нечаевцам стало известно, что накануне этого боя в город Кианинг, не зная о начавшихся здесь событиях, прибыли из Шанхая восемь русских купцов с материей. Их заподозрили в шпионаже и обезглавили. По данным участника штурма Кианинга, «почти вся бригада пылала жадной мести, и если бы добрались до крепости, то никого бы в живых не оставили, что и было известно противнику»¹²⁴. Иностранные историки пишут, что отряд Нечаева «сеял, где проходил, ужас. Дрались русские отчаянно, зная, какая участь ждет не имеющих гражданства пленных. Их называли «джентльменами удачи», и немного можно найти других примеров, когда люди столь храбро бились ради столь чуждой им идеи»¹²⁵.

Спасло гарнизон этой крепости Кианинг то, что он после пятидневного боя 29 января все же сдался. Одновременно с ее штурмом 26 января русскими наемниками был с боем взят город Уси, чему очень сильно содействовал своим огнем русский бронепоезд.

Всего за время боев 17 и 25–29 января русские потеряли 62 человека.

В это время в 1925 г. был создан второй русский бронепоезд, вошедший в броневой дивизион полковника-артиллериста Кострова.

По данным документов, «в короткое время своей доблестью Нечаевцы затмили славу даже знаменитой Китайской бригады хунхузов, которой командовал легендарный генерал Чу Ю-Пу, сподвижник Чжан Цзолина»¹²⁶.

¹²² Гонимые бурей. С. 164.

¹²³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 12.

¹²⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 13.

¹²⁵ Стефан Д. Русские фашисты. Трагедия и фарс в эмиграции (1924–1945). М., 1992. С. 55.

¹²⁶ Там же.

В то время, по оценкам Лукомского, численность русских наемников составляла 800 человек¹²⁷ и, несмотря на потери, неуклонно увеличивалась.

К сожалению, некоторые русские пытались продвинуться на китайской службе, не считаясь ни с чем и шагая по трупам своих же русских. Среди них был полковник Макаренко, вскоре ставший генералом. Другие, вроде Чехова, получали такие чины за то, что вовремя присоединились к славе Нечаева. Впоследствии Чехова поставили во главе броневых сил, в составе которых были прославившиеся позже бронепоезда «Пекин», «Шаньдун», «Чендянь» и др. Сначала «бронепоездами» были небольшие железнодорожные составы из простых платформ, обложенных мешками с песком вместо броневых плит. За два следующих года число русских бронепоездов дошло до 17 и они вошли сначала в состав особой бригады, а затем дивизии бронепоездов. Но одновременно никогда такого количества бронепоездов у русских не было. Просто на смену разбитым в бою и захваченным противником бронепоездам впоследствии строились новые.

В январе – марте 1925 г. русские одержали целый ряд побед над врагом в районе Нанкина – Шанхая, которые были даже отмечены в информационной сводке Разведывательного управления Красной армии¹²⁸. По другим данным, «в последних боях под Шанхаем большую роль сыграли русские отряды, служащие в армии маршала Лу-Юнг-Сяна. Русские находятся под командой одного из начальников армии генерала Чан-Цу-Лина. Они приняли китайское подданство. При наступлении русских китайские войска Чи-Тси-Хуана (Чи Сиюаня), несмотря на огромный численный перевес, буквально растаяли и разбежались, так что, например, 600 китайских солдат, защищавших железнодорожную станцию, отступили перед тремя русскими»¹²⁹.

В результате русские разбили противника по течению реки Янцзы уже в январе. По данным источников, по сравнению с прошлым годом, благодаря русским наемникам у Чжан Цзучана, роли китайских командиров поменялись. Чи защищал теперь ту линию, которую оборонял от него генерал Чжан Цзучан Лю (Лу). Лу же вместе с Чжан Цзучаном вели на Чи наступление по тому пути, по которому на них он наступал год назад. По данным коммунистов, «на сей раз войска Лу победили. При этом немалую роль сыграла здесь кучка белогвардейцев, состоявшая в рядах Мукденской армии и наводившая на китайские войска панику»¹³⁰.

Бронедивизион Кострова «в конце января 1925 г. занял Шанхай, высадив там десант. Последний союзник У Пэйфу – генерал Чи-би-вен бежал в Японию. Бронепоезда, закончив свои действия, 3 февраля 1925 г. заняли город У-Си в 250 километрах от Шанхая, где и остановились для приведения себя в порядок и укомплектования». Огромный Шанхай с трехмиллионным населением был взят двумя русскими бронепоездами! Ожидалось столкновение с Сун Чуанфаном, но Чжан Цзучану удалось договориться с ним миром, и столкновение было отсрочено¹³¹. Но войскам Чжан Цзучана, в том числе русским, пришлось покинуть занятый ими район.

Об успешности действий русских говорит то, что уже в начале 1925 г. коммунисты не раз выражали протест «по поводу нахождения на китайской территории белогвардейского отряда, известного под именем «1-й Русской смешанной бригады», оперировавшего между Шанхаем и Нанкином»¹³².

¹²⁷ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 66.

¹²⁸ РГ ВА. Ф. 460. Оп. 1. Д. 129. Л. 22.

¹²⁹ ГА РФ. Ф. 5853. Оп. 1. Д. 19. Л. 587.

¹³⁰ Современный Китай. Б. м. Б. г. С. 23.

¹³¹ Там же.

¹³² Внешняя политика СССР: Сборник документов. М., 1945. Т. 3. С. 10.

Чжан Цзучан тогда всем наемникам предписал принять китайское гражданство, о чем известил коммунистов, «которые назвали это незаконным, а принятие бывших граждан России в китайскую армию – прямым нарушением советско-китайского соглашения»¹³³. По нему русские не должны были допускаться на службу в китайских силовых структурах.

До 15 февраля большая часть русских находилась в районе Кианинга, после чего перешла в Чанчжоу. На фронте было затишье, чем наши наемники воспользовались для переформирования и пополнения, в том числе за счет прибывших из Шанхая казаков генерала Глебова. Были на их основе созданы и военно-административные органы. В этот момент возник среди русских первый серьезный конфликт. Видя легкие победы, молодые офицеры стали уклоняться от рутинной работы по бригаде, без которой невозможно поддержание подразделения на боевом уровне – обучение солдат, каждодневная работа с ними и т. п.¹³⁴ Наряду с этим проявились интриги, направленные на то, чтобы занять лучшее место. Они были во многом направлены против Нечаева. За его спиной стали расти неизвестные ранее Чехов и Макаренко, участвовавшие в формировании первых частей Русского отряда. Очень быстро бесталанный Чехов стал начальником штаба бригады Нечаева и тем не менее интриговал за спиной Константина Петровича¹³⁵. По данным Н. Николаева, «в этом отношении выгодно отличался доблестный и серьезный командир Конного дивизиона полковник Бартенев. К этому времени у него был только один конный взвод, остальные, за исключением офицеров, были пешими. Горная батарея не имела орудий. Инженерные силы бригады полковника Макаренко представляли собой лишь одну маленькую команду для связи»¹³⁶. Поэтому решили набрать еще полторы тысячи русских и командировали для этой цели в Мукден полковника Генштаба Л. Л. Ловцевича.

Тогда же произошла встреча Нечаева с Лукомским. Последний вспоминает: «Однажды днем ко мне пришел неизвестный русский офицер, передавший письмо от Нечаева. Он писал, что с отрядом дошел до Шанхая, и просил разрешения приехать ко мне ночью на свидание, которое я дал. После 11 часов вечера приехал Нечаев на автомобиле. Мы познакомились и беседовали почти до утра. Он рассказал, на каких условиях и как был создан отряд. Нечаев сказал, что они смотрят на свое участие в китайской смуте как на временное явление, чтобы ценой его купить право иметь в Маньчжурии постоянный русский отряд, который потом можно будет увеличить и употребить на борьбу с большевиками. Он рассказал о бедствиях отряда, идущего в авангарде Маньчжурского корпуса, сказав, что главная тяжесть боев лежит на русских. Несколько раз он сталкивался со скрытым наружным влиянием и руководством со стороны японцев. Смеясь, рассказал, что, подходя к Нанкину как-то под вечер, его отряд, численностью тогда около 2500 человек¹³⁷, натолкнулся на невероятно упорное сопротивление китайцев. Начальник его авангарда доносит, что продвинуться дальше не может. Нечаев, ничего не понимая и привыкший к тому, что китайцы сразу отступают, когда выясняют стремление противника «дойти до штыка», решает сам проверить, в чем дело. Он пробирается вперед. Неприятель стреляет метко и спокойно. Нечаев ползет в цепь. Впечатление такое, что противник готовится к контрудару. Огонь – очень сильный. Нечаев ничего не может понять, но видит, что сделать ничего не может. Приказывает отряду, как только стемнеет, отползти в тыл. Ночью в тылу отряд Нечаева занимает приличную позицию. Он решил ему дать день отдыха. Днем Нечаеву докладывают, что его хотят видеть два японских офицера. Он их принимает, угощает, беседует с ними. Японцы рассказывают, что у них тут рядом небольшая концессия

¹³³ Там же. С. 11.

¹³⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

¹³⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 2.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 4.

¹³⁷ Нечаев сознательно завышал численность своего отряда, чтобы показать его большую значимость в глазах Лукомского. На тот момент его силы вряд ли превышали тысячу человек.

и из-за опасения, что китайцы ее разграбят, с военных судов свезли на берег две роты и они заняли у нее позицию и что накануне на них наступали китайцы, но китайский отряд был странным. Они никогда не видели, чтобы китайцы так спокойно наступали под огнем и так стреляли. Сошлись почти до штыкового удара, чего они, японцы, очень боялись, считая, что многочисленные «китайцы» их опрокинут. Положение их, японцев, было очень тяжелым, но, к их счастью, «китайцы» ночью отступили. Нечаев понял, какой «китайский» отряд преградил ему путь, но ничего японцам не сказал. Ничего не сказали ему и японцы, но просили его передать, «кому надо», что лучше на Нанкин не наступать, чтобы японские концессии не пострадали... Поговорили, выпили и разошлись. Нанкин тогда наступлением не брался. Его просто «обтекли», направляясь на Шанхай. Но и там было приказано не оставаться и в бои не ввязываться. Нечаев сказал, что на другой день они отступают на север, к Тяньцзину»¹³⁸.

Таким образом, всего полгода понадобилось горстке белогвардейцев, чтобы в корне изменить положение в Китае, разбить «непобедимого» У Пэйфу и возвысить Чжан Цзолина, сделав его главным кандидатом в правители Китая.

Перемирие (март – октябрь 1925 г.). Операции против хунхузов

В течение апреля – сентября 1925 г. на фронте было перемирие. Май – август того же года 1-я Русская бригада провела в городке Таянфу, по данным самих наемников, «в красивой и здоровой горной местности». Однако русским приходилось стрелять и в этот период. Так, 30 мая, по данным коммунистов, «бывшие царские жандармы и белые контрразведчики приняли активное участие в подавлении всеобщей антиимпериалистической стачки в Шанхае»¹³⁹. Русские также участвовали в экспедициях против хунхузов. Еще в октябре 1924 г. они в первый раз на китайской службе и довольно успешно участвовали в подобной операции. Теперь же, менее чем в 50 километрах от места расположения русских, в деревне Ванянзонцзы появилась банда хунхузов численностью до 450 человек. Так, 20–28 мая 1-я и 2-я роты Стеклова участвовали вместе с китайским полком в их преследовании. В это время был создан 2-й русский батальон подполковника Гурулева, в который вошла и Юнкерская рота. Уже 23 мая он был также брошен на преследование хунхузов. Они прорывались из окружения в район Таянфу. Несмотря на то что хунхузов настигли и изрядно потрепали, ликвидировать их не удалось во многом из-за того, что почти половина русских конников не имела лошадей и не могла поэтому принять участия в преследовании. В результате бандитам удалось прорваться.

Преследование хунхузов ознаменовалось серьезным происшествием. «Отличились» в этом анненковцы, которые зарекомендовали себя в Китае не лучше хунхузов. Кровавые приемы своего атамана они перенесли из России в Китай. Так, отряд Иларьева, подойдя во время преследования хунхузов к огороженному стеной селению Людянлу, приказал его жителям открыть ворота, но жители отказались, опасаясь, что эти конники сами могут быть хунхузами. В то же время они выдали по требованию Иларьева продукты для отряда. Иларьев этим не удовлетворился и приказал всаднику Прудникову залезть на стену и осмотреть город сверху. Тот залез на стену, но был сброшен шестью вниз. При этом откуда-то прозвучал выстрел. Иларьев рассвирепел, приняв это за атаку врага, и приказал дать залп по стене, где находились мужчины этого селения. После этого анненковцы выломали ворота и открыли огонь, как они позднее выражались, «по хунхузам». Последовала короткая схватка, во время которой выстрелом из дробовика получил слепое ранение взводный Леонидов. После этого разъяренные анненковцы наказали все селение. Как говорилось в поступившей потом на них жалобе, в городке было убито 6 человек, в том числе глубоких стариков и девушек. Не менее 13 человек

¹³⁸ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 150–154.

¹³⁹ Сонин В. Крах белоэмиграции в Китае. Владивосток, 1987. С. 57.

китайцев было ранено. Анненковцы отобрали у жителей 6 винтовок, разгромили две меняльные лавки и похитили оттуда деньги. Нечаев приказал произвести осмотр их личных вещей, и среди них было обнаружено много женского белья и пр. Никто за подобную выходку не понес ответственности, и командование ограничилось лишь тем, что приказало раздать обратно отобранные у населения вещи, заявив, что анненковцы вели себя сами как хунхузы¹⁴⁰. За них заступился Михайлов, так как он отлично знал Иларьева и его подчиненных еще по службе у Анненкова.

В июле 1925 г. русские наемники участвовали в третьей экспедиции против хунхузов. Бандиты настолько расширили масштабы своей деятельности, что для борьбы против них, «беспредельной братвы», не признающей «пахана», Чжан Цзучан бросил 5 бригад и 1 полк, в том числе белогвардейцев. При этом Нечаев был назначен заместителем начальника этой операции генерала Чу 20 июля. Русские вышли на эту операцию почти в полном составе по направлению на Павенкоу в сторону города Людо на северо-восток. Всю ночь с 20 на 21 июля белогвардейцы шли в темноте по плохой каменистой дороге. Им предписывался охват района действия хунхузов и быстрое сдавливание кольца. Для этого их направили к городу Шилай. Уже в пути оказалось, что китайские карты были составлены неверно. По выходе из Шилая русские разделились на три части-колонны. Левой колонной командовал Стеклов, средней – майор Размазин, и правой – подполковник Гурулев. Связь между отрядами в условиях гор поддерживалась отдельными всадниками.

Подойдя 25 июля к городку Шихо, русские обнаружили, что местные жители не хотят их туда пускать. Накануне 5-я китайская бригада войск Чжан Цзучана объела этот городок, ничего не заплатив, и жители были озлоблены на всех военных. Но, видя, что русские не делают им ничего плохого, жители Шихо добровольно дали им фураж и еду. Возможно, что на них повлияло распоряжение генерала Чу, согласно которому «против тех двух-трех городов, поведение которых, по отношению к правительственным войскам было недоброжелательным, рекомендовалось принимать самые крутые меры, вплоть до стрельбы по ним из бомбометов»¹⁴¹.

Чтобы отвлечь внимание хунхузов и не допустить их преждевременного бегства, командование стало сначала стягивать в район операции воинские части, одетые в штатское. Утяжеляло операцию то, что пошли сильные дожди, вызвавшие настоящие потопа и разливы мелких ручейков в бурные реки. При переправе через один из них русские утопили четыре ящика с пулеметными лентами, причем едва не утонули два человека.

Тогда операция пошла по незапланированному варианту: хунхузы, поняв, что их пытаются уничтожить, пошли на прорыв еще слабого окружения в районе расположения 5-й китайской бригады, которая не охраняла места возможного прорыва бандитов, как им это поручалось. Русским пришлось преследовать бандитов. Первым настиг противника отряд Стеклова. Согласно его донесению от 26 июля в 19 часов 30 минут, он находился тогда «в деревне Ин-ба в уезде И-суй. В деревне Чи-ба я вел с хунхузами бой два с половиной часа, откуда их выгнал. У меня ранен пулеметчик Раздобреев. Хунхузы побросали всех заложников. Хунхузов было до 400 человек». Уже 29 июля в 11 часов 5 минут от Размазина поступило сообщение: «Встретился с хунхузами. Отходят в горы. Спешите. Находимся в 5—10 верстах от Иш-у-Сана на восток в деревнях Ян-де-зон и То-гу-тэ»¹⁴².

Отходившие от отряда Стеклова хунхузы напоролись на отряд Размазина, который открыл по ним пулеметно-минометный огонь. Хунхузы, которых в этой банде было не меньше 300 человек, разделились на 6 отрядов и бежали в горы, преследуемые русскими. Ежедневно при преследовании белогвардейцами совершались утомительные рейды, каждый более 60

¹⁴⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 17, 18.

¹⁴¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 19–24.

¹⁴² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 26.

километров по горному бездорожью. Вскоре группы Размазина и Стеклова загнали хунхузов на гору и вступили с ними в бой. Потерь в это время не было, хотя было много заболевших.

Гурулев долго не мог настичь хунхузов. Одной из причин было то, что у него не было хорошего проводника. Проводник, взятый на эту роль Гурулевым в одной деревне, умышленно водил отряд по глухомани, говоря, что «не может найти быстро дорогу». Гурулев приказал выпороть его, и он сразу вывел русских на нужный путь, но время было уже упущено¹⁴³. Тогда решено было щедро платить местным жителям за услуги проводников. Это помогло, и они больше не обманывали русских, не только выводя кратчайшими дорогами к тому или иному объекту, но и проводя для них разведку¹⁴⁴.

Несмотря на все попытки, хунхузам не удавалось оторваться от русских. Так, 30 июля русский дозор донес, что хунхузы обедают километрах в пяти от них. Решено было загнать их в мешок с учетом того, что в случае атаки против них они были бы прижаты к 5-й китайской бригаде. Дозоры хунхузов тоже не спали, и они заблаговременно увидели подходивших русских. Под обстрелом они снялись со стоянки и, не отвечая на него, почти спокойно ушли через порядки злополучной 5-й китайской бригады.

На другой день, 31 июля, часть русских сил соединилась у деревни Пейгазон, где за рекой стоял на сопке штаб 1-го батальона с бомбометами. Подойдя сюда, русские натолкнулись на половину банды, которая здесь обедала. «Хунхузы сразу бросились бежать в горы и, под нашим обстрелом, потеряв 3 убитых и 1 раненого, которых они бросили, отошли за перевал». За ними была отправлена погоня. «Эта утренняя стычка с хунхузами показала, что они вконец измотаны и выбились из сил. После боя они, разделившись на два отряда, ушли в горы». Но и сами русские, их лошади были также сильно вымотаны непрерывным преследованием бандитов. Хунхузы прорвались между двумя русскими отрядами, в панике бросая вещи и сбрасывая с себя одежду для более быстрого бегства¹⁴⁵.

В это время среди русских началась настоящая эпидемия. За короткий срок заболело более 40 человек. Из них не меньше десяти свалились от «солнечного удара». Сами участники рейда писали: «Некоторые уверены, что виновато не солнце, а чай, который приносят жители из деревни и который был ими якобы отравляем. Во всяком случае, от чего бы это ни произошло, но 10 человек всю ночь металась в бреду, а всего лишь несколько часов до того были совершенно здоровы»¹⁴⁶. Среди заболевших был и Стеков.

Через день, 2 августа, обессиленных хунхузов снова догнали, и с ними был сильный бой в районе Тенлючанаха. В этом бою, в котором хунхузы были почти добиты, погибли поручик Леонов и унтер-офицер Тустановский. О том, что бандиты находятся на пределе истощения сил, говорило то, что они бросили абсолютно все вещи, кроме оружия и денег. Согласно донесению, «в последний бой в одном километре от Ма-де-тэзы хунхузы и русские сталкивались настолько близко, что переговаривались между собой, и хунхузы заявляли, что их сумели привести в настоящее тяжелое положение только русские, «ламезы». В этом бою хунхузы оставили 16 трупов, наши – 2»¹⁴⁷. По одной версии, Леонов погиб, когда хунхузы выскочили на русских и обстреляли их, смертельно ранив его в живот, по другой – его убил агент коммунистов Ско-так, проникший в отряд. Хунхузы смогли уйти в момент ожесточенного боя из-за того, что неожиданно набежала туча, заслонившая собой луну, из-за чего наступила полная темнота, которой бандиты воспользовались для бегства. Этому содействовала пассивность китайских частей. На всем протяжении операции, которая хоть и не завершилась уничтожением хунхузов

¹⁴³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 29, 30.

¹⁴⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 39.

¹⁴⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 35.

¹⁴⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.

¹⁴⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 37.

в этом районе, но нанесла им сильный удар, русские, незнакомые с местностью, действовали намного лучше китайцев, которые эту местность знали¹⁴⁸.

Бандиты буквально валились с ног перед догонявшими их русскими, но последовало распоряжение китайцев о возвращении и отходе. Причину этого так и не удалось узнать, но впечатление было такое, что кто-то был очень заинтересован в том, чтобы бандитов совсем не уничтожили. Видя это, русские пытались сначала уничтожить хунхузов, а потом выполнить приказ о возвращении, но немедленно последовало еще одно, а затем и другое повторное приказание о возвращении, и наемникам пришлось уходить, фактически выпустив из зубов добычу. Нет никакого сомнения, что следующего боя полностью измотанные хунхузы бы не выдержали¹⁴⁹.

Казалось, ничто тогда не предвещало темного будущего Русскому отряду. К сожалению, генерал Нечаев имел одну слабость: злоупотреблял спиртным, и этим пользовались его противники. По данным генерала Бурлина, «отряд переживает кризис, и был возможным его внутренний взрыв, но потрясение закончилось тем, что был раскрыт заговор и были расстреляны 1 офицер и 4 солдата. Отряд Нечаева, в силу ли проводимой изоляции китайским командованием или же нежеланием самого Нечаева, совершенно оторван от русской общественности. Он является простым орудием в руках дальновидного Чжан Цзучана, в то время как он мог бы сыграть огромную роль в деле русского освободительного движения при условии системного воздействия с нашей стороны как на командный состав, так и на солдатские массы. Упомянутый китайский генерал ведет в целях ослабления русского командования хитрую политику его разъединения: не мешает увлекаться спиртным и прочими излишествами, поощряет интриги, организован «шпионаж». Это приводит к нежелательной атмосфере внутри отряда и вызывает уход людей из него при первом удобном случае»¹⁵⁰.

Кампания октября 1925 г. – апреля 1926 г.

Перемирие неожиданно было прервано в октябре 1925 г. нападением войск Сун Чуанфана на мукденцев. Чжан Цзучан, союзник Чжан Цзолина, выступил 21 октября ему на помощь¹⁵¹. Чтобы подбодрить русских, Чжан Цзучан 22 октября присвоил Нечаеву чин генерал-лейтенанта, а Чехову и Кострову – генерал-майоров¹⁵².

К тому времени нечаевцев насчитывалось 1200 человек¹⁵³. Сражаться им пришлось против Сун Чуанфана и старого противника – У Пэйфу, вступивших в союз. Уже 23 октября русский разъезд захватил двух вражеских разведчиков, опросом которых выяснилось, что основные силы врага находятся всего в 13 километрах от них в сильно укрепленном городе Кайфын. Но ожидавшегося сражения здесь не произошло: русских экстренно перебросили под Пукоу, где неприятель теснил силы Чжан Цзучана. Возможно, все это происходило из-за того, что, по данным русского командования, «в частях противника служат русские»¹⁵⁴.

Первые столкновения в конце октября 1925 г. в районе города Сучжоуфу около станций Фундчи, Фуличи и Нансучоуфу для войск Чжан Цзучана были неудачными. Несмотря на то что в этом районе силы Чжан Цзучана насчитывали 35 тысяч человек, они часто обращались в бегство ничтожными по числу и мощи отрядами противника. По данным русских, стоило противнику совершить обход частей Чжан Цзучана, как они бежали. Нередко тысячи солдат

¹⁴⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 38.

¹⁴⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 36.

¹⁵⁰ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 188.

¹⁵¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

¹⁵² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 40.

¹⁵³ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 138. Л. 297.

¹⁵⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 40.

Чжан Цзучана бежали из-за обходов одной или двух сотен «маузеристов» врага, не имеющих даже военной экипировки и одетых во что попало¹⁵⁵.

Новый обход врага кончился почти беспорядочным бегством северян, из-за чего русские были поставлены в тяжелейшее положение. Эвакуации как таковой не было, так как значительная часть войск Чжан Цзучана решила перейти на сторону У Пэйфу, и белогвардейцы попали в окружение. Русские бронепоезда при своем отходе от Сучжоуфу вынуждены были самостоятельно прорываться по пока еще не перерезанным железнодорожным путям. Возможно, это стало причиной, по которой броневики не стали забирать русских пехотинцев и конников. В результате пешие русские, среди которых были раненые, бегали в отчаянии от одного китайского эшелона к другому, пытаясь уехать в безопасное место. Из нескольких эшелонов китайцы их прогнали, но потом пустили в один состав за 3 доллара с человека. Оказалось только, что эти китайцы переходят к У Пэйфу. Они ограбили русских и готовились сдать их в руки врага. Помогло белогвардейцам то, что многие из китайцев не хотели переходить к У Пэйфу. Они подняли панику, бросали оружие и бежали. Начальства нигде не было, и кругом царил хаос. Воспользовавшись этим, русские пошли пешком. Идти пришлось быстро, так как где-то справа шел бой, и попасться противнику в малом числе и с ранеными никому не хотелось¹⁵⁶.

В это же время русские наемники понесли большие потери в районе самого города Сюйчжоу в столкновении с войсками Сун Чуанфана¹⁵⁷.

В ноябре 1925 г. отряд Нечаева, находившийся в 400 километрах к югу от Пекина, едва не был уничтожен из-за предательства части войск Чжан Цзолина, которые были подкуплены У Пэйфу. По данным белой контрразведки, этот заговор произошел при активном участии «иностранцев» и коммунистов, заплативших предателям за это 400 тысяч долларов¹⁵⁸. По данным с фронта, 16 ноября 1925 г. взбунтовалась 5-я дивизия армии Чжан Цзолина, которая открыла огонь по тылу русской бригады. Накануне эта бригада все время сдерживала наступление войск У Пэйфу¹⁵⁹.

Гибели отряда удалось избежать из-за болтливости самих китайцев, благодаря которой последствия заговора удалось минимизировать, но предупредить вовремя всех русских не удалось. Из-за этого 2 ноября на станции Кучен погибло 4 русских бронепоезда со значительной частью их команд¹⁶⁰. По другим данным, погибли 3 бронепоезда. Этой цифры придерживается русское командование¹⁶¹.

По официальной версии, дело было так: «Бронепоездам Кострова было приказано погрузить на себя китайский полк и двигаться с ним направлением на Пукоу до соприкосновения с противником, после чего этот полк должен был, выгрузившись, занять позицию. Один броневик должен был явиться обратно с донесением, а остальные – остаться на позиции. По сторонам пути следования бронепоездов тянулся лес и в нем – небольшие деревеньки. Прошли 2–3 станции, и у заднего бронепоезда испортился паровоз. Он стал подавать тревожные гудки¹⁶². Передние бронепоезда остановились, средний взял пострадавший бронепоезд на буксир, и все двинулись назад, так как два бронепоезда уже для боя не годились. Во время обратного движения на пути следования бронепоездов на линии железной дороги взорвался фугас. Из леса по обеим сторонам дороги появились цепи противника, окружившие бронепоезда и начавшие их

¹⁵⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 26. Л. 1.

¹⁵⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 26. Л. 2.

¹⁵⁷ Смирнов С. Русские эмигранты в китайской армии (1920–1928 гг.) // Белая армия. Белое дело. 2003. № 13. С. 90.

¹⁵⁸ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 137. Л. 139.

¹⁵⁹ Возрождение. 1925. 17 ноября.

¹⁶⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 5; Там же. Д. 32. Л. 40.

¹⁶¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 40.

¹⁶² Паровоз был испорчен специально, а гудки стали сигналом для противника к началу операции по захвату бронепоездов и уничтожению русских.

обстрел. Китайский полк, не вылезая из бронепоездов, начал отстреливаться от противника, а команды броневиков соскочили с них и заняли вокруг позицию, надеясь отбиться. В этот момент китайский полк, сидевший в бронепоездах, начал стрелять по нашим. Бой шел в течение 6 часов. У наших на винтовках не было штыков, но, в конце концов, не видя возможности отбиться от превосходящего во много раз противника, наши бросились в атаку (всего было до 300 человек), часть, совершенно чудом, под командой майора Делекторского, пробилась к своим. Позже вышел полковник Ганелин. Погибли, в числе других, генерал-майор Костров, полковник Букас и капитан Чернявский»¹⁶³. По данным генерала Ханжина, кроме этих офицеров и генерала, во время этого боя погибли еще как минимум два русских офицера-артиллериста и 40 нижних чинов¹⁶⁴. Он оценивал потери нечаевцев за ноябрь – декабрь 1925 г. как «значительные»¹⁶⁵.

Полковник Котляров добавил, что погиб еще один бронепоезд, который был направлен Костровым до боя к главным силам Русского отряда с донесением. Машинист не увидел, что мост впереди разобран, и бронепоезд свалился в пропасть. Вся его команда, за исключением одного кочегара, который после этого помешался, погибла.

Рядовые участники тех событий говорили следующее: «Я познал себе пальцы на ногах и был отправлен в Мукденский госпиталь, где, провалявшись около двух недель, был неожиданно переведен во французский госпиталь, откуда, по прошествии 3–4 дней, был экстренно отправлен в Шанхай. Меня первое время удивляло, что бы это все могло значить? Уже в Шанхае я узнал причину такого перемещения от двоих раненых казаков, привезенных из отряда Нечаева. Станичники были из одной со мной сотни. Оказалось, что китайцы, подкупленные агентами генерала У Пэйфу, хотели совершенно уничтожить нашу бригаду. Нас спасла исключительно наша осторожность. У нас было два оренбургских казака, которые великолепно владеют китайским языком. Им было приказано этого никогда не показывать. Метод такой предосторожности был нами заимствован от самих же китайцев. Оренбуржцам удалось случайно подслушать разговор двух китайских солдат о готовящемся нашем поголовном истреблении, и срок исполнения предательского плана уже почти истек. Немедленно же были приняты меры к предотвращению этой гнусной предательской хитрости. У китайцев, прежде всего, было намерение обезвредить боеспособность наших броневиков¹⁶⁶. Была послана на их охрану одна полусотня, но было поздно, китайцы налетели на броневики, команды которых совершенно не ожидали нападения от своих же... Поэтому они не оказали почти никакого сопротивления, и одна команда была предательски целиком уничтожена. Правда, во время рукопашной схватки было перебито до 80 человек китайских солдат. Наших погибло до 50 человек. Прибывшая к броневикам полусотня уже попала к окончившейся расправе... Она вступила в бой, и целый китайский полк бросился в панике в бегство. Обозленные предательством, станичники уничтожили при преследовании до 500 человек, немногим удалось избежать заслуженной участи. Броневики были взяты обратно, но один из них был уже сильно попорчен. Из наших, сибиряков, погибло 11 человек. Чжан Цзолин, узнав об этом, принял все меры предосторожности. Китайским солдатам, оставшимся ему верными, было выдано 25 долларов за это. А всем раненым из нашей бригады было выдано по 500 долларов, всем же участникам полусотни, отбившим броневики у мятежников, было выдано по 250 долларов. Теперь Чжан Цзолин с распростертыми объятиями принимает к себе на службу каждого русского. Он только теперь понял, что, не будь у него нашей кавалерии, давно была бы его песенка спета. Во время боевых операций нам

¹⁶³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 40, 41.

¹⁶⁴ Слово. 1925. 1 декабря.

¹⁶⁵ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 135. Л. 269.

¹⁶⁶ То есть бронепоездов.

платят по 10 долларов ежедневно. Многие, уже заработав деньжонок, решили искать счастья в более миролюбиво настроенных государствах, я тоже думаю уезжать из китайского гама...»¹⁶⁷

По данным офицера Зубца, «Костров, Мейер, Букас – все старые офицеры бронепоездов остались на поле боя. Раненого Кострова его соратники несли долгое время на руках под сильным огнем. Он был ранен сразу в обе ноги. Носильщиков выбивали одного за другим. Пулей, попавшей в голову, был, наконец, добит и сам Костров. Его положили на землю, закрыв лицо курткой. Противник после побоища не оставил в живых на поле битвы ни одного человека. Озлобленные упорным сопротивлением, китайцы по одному перекололи, перестреляли, перерезали всех, кто еще был жив и кто не догадался или не смог сам себе пустить заранее пулю в лоб»¹⁶⁸.

Некоторые исследователи сегодня допускают, говоря об этом, разные вольности и ошибки. Так, А. В. О कोरोков пишет «о поднятом на штыки Кострове» во время этого боя. При этом он указывает, что тогда же погибли 4 русских бронепоезда – «Пекин», «Шаньдун», «Тайшань» и «Хонан» – и что 300 русских пленных были обезглавлены в Нанкине¹⁶⁹. Забегая вперед, надо сказать, что здесь перепутаны два события, произошедшие с разницей ровно в два года. У Кострова в отряде было 240 человек. Если бы произошло так, как пишет О कोरोков, то никто бы не вышел живым из окружения, при том что, как известно, большая часть костровцев все же спаслась.

По данным майора Штина, отряд русских, бывший в тылу войск Чжан Цзолина, внезапно оказался окруженным врагами: «...их, врагов, была туча, и они принялись расстреливать нас со всех сторон»¹⁷⁰. В результате более 200 русских нижних чинов были убиты или тяжело ранены и оставлены на поле боя противнику. После этого он пишет, мучаясь тем, что, вероятно, волновало многих русских наемников: «Мы деремся, несем потери, наши люди погибают, ради кого и чего?»¹⁷¹ Во время боя у Кучена часть русских попала к китайцам в плен. По сообщению французов, пленным русским китайцы отрубали правую руку, а один француз, служивший на франко-бельгийской железной дороге в глубине Китая, в частном письме описывает казнь русских после невероятных издевательств... Зная о том, что русским пленным китайцы рубят головы, один поручик, не желая сдаваться, подорвал себя гранатой¹⁷².

По данным белогвардейских газет, перед началом операций Чжан Цзолина против Фына для усиления боеспособности китайских войск было решено русскую пехоту распылить, придав небольшие русские ячейки по 15–20 человек китайским частям. Такое распыление оказалось роковым. При начавшихся неудачах Чжан Цзолина взбунтовалась и сдалась в плен целая китайская дивизия. Русские, бывшие при этих частях, были или перебиты, или, попав в плен, изуродованы и казнены. При бунте был взорван броневой поезд, а его командир, доблестный полковник Костров, пользовавшийся громадной популярностью и уважением, был убит¹⁷³. Еще очень многие русские расстались с жизнью за эту кампанию. Были потери и при боях за Тяньцзинь, который пришлось в декабре 1925 г. сдать Фыну. Поначалу отношения Фына с Чжан Цзолином были хорошими, но к середине 1925 г. они стали ухудшаться, что подогревали коммунисты, и вскоре стали враждебными.

Советская пресса раздула катастрофу группы Кострова как разгром всей Нечаевской бригады. Слухи об этом были подхвачены мировыми средствами массовой информации. Не стали исключением и белоэмигрантские издания, например парижская газета «Возрождение».

¹⁶⁷ Письмо сибирского казака сослуживцу в Европу // Личный архив Балмасова С. С.

¹⁶⁸ Серебренников И. Великий отход. Рассеяние по Азии белых русских армий. С. 257.

¹⁶⁹ О कोरोков А. В. Русские добровольцы. Известные войны XIX–XX вв. М., 2004. С. 186.

¹⁷⁰ Кочубей О., Печерица В. Исход и возвращение. Русская эмиграция в Китае в 1920–1940-е гг. Владивосток, 1998. С. 20.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 298.

¹⁷³ Возрождение. 1926. 13 января.

В ее номерах за 17, 19, 20 ноября и 19 декабря 1925 г. были помещены статьи, в которых авторы говорили о тяжелых потерях нечаевцев. Данные потерь колебались при этом от 300 человек до почти полной гибели всех наемников, «за исключением нескольких десятков тяжело раненных», брошенных якобы на поле боя и подобранных иностранными докторами.

Впоследствии, после гибели группы Кострова в начале 1926 г., русскими инженерно-техническими кадрами были созданы на заводе в Цзяннани 4 новых бронепоезда: «Шаньдун», «Юньчуй», «Хонан» и «Тайшань». На бронепоездах этой серии простые вагоны обшивались броневыми плитами толщиной 7 сантиметров. Каждый из этих бронепоездов состоял из 8 «отделений» – бронированных или небронированных вагонов и открытых платформ, имел 9 разнокалиберных орудий и 24 тяжелых пулемета.

В команду бронепоездов входили машинисты, орудийные и пулеметные расчеты, инженерный отряд и отряд прикрытия. Через полгода, летом 1926 г., были построены еще более мощные бронепоезда «Хубэй» и «Чжили» с «улучшенным составом брони»¹⁷⁴. Имевшиеся тогда русские бронепоезда входили в два отряда, первым из которых командовал полковник Попов, вторым – полковник Иевлев¹⁷⁵.

Во время нападения на группу Кострова в Маньчжурии произошел мятеж генерала Го Сунлина против Чжан Цзолина, который едва не кончился крахом маньчжурского диктатора. Мятеж произошел из-за коммунистов, подкупивших Го Сунлина и других китайских генералов, которые действовали в координации с Фыном и У Пэйфу. По мысли коммунистов, после уничтожения главной силы Чжан Цзолина – русских – силы У Пэйфу и Фына должны были добить оставшиеся войска Чжан Цзучана и прийти на помощь мятежникам в Маньчжурии. Советские служащие КВЖД должны были блокировать железную дорогу и не допустить подхода верных Чжан Цзолину войск к Мукдену, где должен был подняться мятеж против своего отца Чжан Сюэяня и генерал Ян Чжоу. Но, несмотря на то что мятеж Го Сунлина начался для заговорщиков удачно, уничтожить белогвардейцев не удалось, и войска Фына и У Пэйфу ограничились лишь взятием Тяньцзиня и дальше продвинуться не смогли. В упорных боях нечаевцы сорвали планы заговорщиков¹⁷⁶. Они и спасли положение всей Северной коалиции. Оставшихся без поддержки извне заговорщиков в Маньчжурии разгромили. Так белогвардейцы в очередной раз оказали решающее воздействие на всю новейшую историю Китая.

К газетным сообщениям, особенно о потерях сторон, в том числе русских наемников, приходится относиться с осторожностью, так как они нередко были ложными. Так, потеря русскими кавалеристами нескольких человек во время одной из апрельских атак 1926 г. под Пекином была выставлена английскими газетчиками как «разгром казачьей бригады»¹⁷⁷. Но надо с осторожностью относиться и к официальным данным потерь, о которых заявляло русское командование. Так, оно заявило, что на конец 1925 г. общие потери Русской группы составили всего 107 человек убитыми и ранеными¹⁷⁸, тогда как только за ноябрь 1925 г. реальные потери намного превысили эту цифру. Делалось это командованием из-за того, что оно не хотело «шокировать потерями эмигрантов», опасаясь ущерба для своей репутации, спекуляции этими цифрами недоброжелателями и снижения потока волонтеров.

Сразу после нападения на отряд Кострова разъяренные вероломством китайцев русские 5 ноября 1925 г. перешли в контрнаступление и весь день вели бой с противником, стоивший им 25 раненых. Сражение продолжилось на другой день. По данным его участников, «все утро 6 ноября не переставала артиллерийская канонада и ружейный огонь». Контрнаступле-

¹⁷⁴ *Гонимые бурей. Русские эмигранты в Китае (1917–1945). Ли Сингэн и др. // Фэнчжун Фупин. Это цзяоминь цзай Чжунго (1917–1945). Пекин, 1997. С. 165, 166.*

¹⁷⁵ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 12.

¹⁷⁶ ГА РФ. Ф. 5963. Оп. 1. Д. 24. Л. 5.

¹⁷⁷ *Возрождение*. 1926. 16 апреля.

¹⁷⁸ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 137. Л. 124.

ние сорвали дрогнувшие китайские части, из-за чего русские оказались неожиданно «охваченными в подкове». В итоге нашим наемникам пришлось отступить, бросив из-за плохих дорог пушки-«хубейки»¹⁷⁹.

Отступали белогвардейцы по железной дороге, подгоняемые кавалерией врага, не рискувавшей, однако, подъезжать к ним слишком близко, зная о меткости их стрельбы. Отходить пришлось под обстрелом местных жителей, которые переходили на сторону врага. Это была разрешенная Чжан Цзучаном самоохрانا, в итоге ставшая стрелять и по его войскам.

Отступали к Сучжоуфу непрерывно полтора дня, пройдя 180 километров и падая с ног от усталости. Долгое время русские почти ничего не ели. В это же время была потеряна связь с войсками Чжан Цзучана. В Сучжоуфу 8 ноября они увидели, что «в городе царила полная анархия, по улицам велась стрельба и всюду – грабеж. Китайские солдаты отнимали у жителей одежду и переодевались в нее. Полковник Куклин¹⁸⁰ отправился на станцию в депо достать для отряда составы, но паровозы оказались негодными, машинисты отсутствовали. Тут же на станции стоял брошенный нашими войсками броневик – в бою под Фулича участвовало два бронепоезда. В час ночи 9 ноября двинулись походным порядком дальше на север. Проходя мимо станции, увидели шедший навстречу броневик, освещавший окрестности сильным прожектором. Чей он был, не знали. Выйдя за город, он двинулся назад и прицепил стоявший на станции пустой состав. С броневика нам крикнули: «Свои, держитесь правой линии!» – и броневик ушел»¹⁸¹.

Русский конный полк за 11–15 ноября совершил удачную разведку, за которую получил благодарность от командования. Русская пехота перешла в города Таянфу и Тавенкоу к северу от Сучжоуфу. Здесь 26 ноября произошел бой нашего бронепоезда с артиллерией врага, обстреливавшей наши 105-й и Конный полки. В это время пехота и конница противника перешли в атаку, пытаясь обходом зайти русским во фланг и тыл. Но когда они уже угрожали отрезать русский бронепоезд, помогли китайские части Чжан Цзучана – все тот же 55-й полк, который ликвидировал вражеский прорыв. Однако 27–28 ноября русским снова пришлось отражать вражескую атаку. Русский участник боя писал: «Весь день канонада и разведка с обеих сторон аэропланами. Китайское командование предлагало немедленное наступление, русское же, ввиду выгоды наших позиций, настаивало на их предварительном использовании»¹⁸².

Конный русский полк участвовал в преследовании противника, разбитого генералом Фаном, но пехота получила приказ об отходе к городу Фынсен. Однако на другой день обстановка изменилась, и 29 ноября она перешла в наступление, отбив у противника деревню Хуань Цаньцань.

При поддержке двух бронепоездов 30 ноября русские перешли в наступление на город Таянфу. Противник был разбит и в беспорядке отошел к самому городу, были взяты пленные, вооружение и знамя. Несмотря на этот успех, русских отвели на исходные позиции из-за задержки китайских войск Чжан Цзучана. Наступление на Таянфу возобновилось 2 декабря. Участник того сражения писал: «Упорный бой шел до вечера. На левом фланге противник был сбит, но на правом – 55-й китайский полк принужден был несколько отойти назад»¹⁸³.

Во время удачной атаки Бартеньева и Куклина, которые повели в бой последние русские резервы – комендантскую полуроту, пеший эскадрон конного полка и нескольких всадников, – была захвачена батарея врага из трех орудий и др. Русские заплатили дорого за этот успех –

¹⁷⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 42.

¹⁸⁰ Забайкальский казачий офицер. В конце 1922 г. возглавлял контрразведку штаба белоповстанческого Забайкальского фронта.

¹⁸¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 43.

¹⁸² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 45.

¹⁸³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 46.

«был смертельно ранен доблестный полковник Бартеньев». Во главе конного дивизиона был поставлен Куклин. Эти бои стоили русским более 100 человек¹⁸⁴.

Сражение продолжилось 3 декабря. Оно велось по сопкам вдоль железной дороги. В итоге противник был сбит с двух линий обороны. На другой день враг пытался контратаковать и обойти русские фланги, и бой продолжался с переменным успехом. Бой продолжался и 5 декабря. Противник снова пытался обойти русских, но метким артиллерийским огнем нашей батареи и бронепоездов эти попытки были ликвидированы.

6—7 декабря белогвардейцы пытались возобновить наступление. По всему фронту гремела нескончаемая канонада. Поставленная перед русскими задача была выполнена – врага сбили с флангов, фронт выровнялся и был взят Таянфу. За его взятие русские наемники получили от Чжан Цзучана большую сумму наградных денег. Во время боев были ранены генерал-майор Макаренко и капитан Русин. К 10 декабря русские части после упорного боя заняли Тавенкоу, но во время стычки с противником в этом районе 10 декабря русский конный полк потерял двух человек убитыми и нескольких ранеными.

Всего за время боев 26 ноября – 12 декабря отряд потерял 132 человека убитыми и ранеными, что составляло 30 процентов боевого состава Русской группы.

Но в это время отступившая было Народная армия Фына перешла в контратаку против наступавших на Пекин войск Чжан Цзолина. Тяжесть их удара легла на бронепоезд, команда которого состояла из белых русских. Этот поезд пытался ворваться в Пекин, но, получив большие повреждения, отошел назад. В Пекине иностранцами было замечено много пленных, взятых во время последних боев, среди них и русские из армии Ли Чинлина. Эта бригада все время была в головном отряде наступавших на китайскую столицу войск¹⁸⁵.

С 13 декабря 1925 г. после захвата Таянфу русские боевых действий не вели и только проводили разведку. К Новому году они получили от китайцев щедрые подарки, в том числе и хорошую еду¹⁸⁶.

К концу 1925 г. положение группы Чжан Цзолина, Северной коалиции, стабилизировалось. Стеклов писал полковнику Тихобразову 13 декабря 1925 г., что «благополучный исход кампании начинает немного проявляться. Одно время положение было очень и очень тяжелое, и крах был очень близок. Теперь, слава Богу, выровнялись и на юге противник отступает. В то же время со стороны Тяньцзина пришлось открыть новый фронт. В общем, вытащили хвост – увязла голова. Настроение же верхов – хорошее и бодрое. Только весьма сложна вся эта китайская неразбериха. Вчерашние враги неожиданно делаются союзниками. В общем, «каша», и теперь мы «починяем китайскую учредилку». Роли меняются. Когда-то и китайцы были в том же амплуа. Совершенно случайно прочитал, что генерал Хрещатицкий был ранен, «починяя учредилку» в Сирии. Когда же, в конце концов, мы займемся собственными делами?»¹⁸⁷

Но в это время на горизонте перед русскими грозно маячил призрак грядущего развала. Положение их осложняется задержками денег. По данным русских офицеров, к началу 1926 г. из-за этого «веру в себя солдат уже потерял»¹⁸⁸. Подполковник Карманов так писал в это время своему бывшему сослуживцу о положении своих подопечных: «Я завтра не знаю, кого накормить, фураж есть, а люди будут голодать»¹⁸⁹.

До 16 января 1926 г. русские находились на отдыхе. К тому времени мятеж Го Сунлина был почти подавлен. В этой аванюре участвовали не менее 600 коммунистов, которые тайком

¹⁸⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 46.

¹⁸⁵ Возрождение. 1926. 4 января.

¹⁸⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 47.

¹⁸⁷ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об.

¹⁸⁹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.

пробрались в Маньчжурию из СССР. Это были военные инструкторы, советники, агитаторы, многие из которых прибыли из Троицкосавского полка¹⁹⁰.

К Нечаеву 16 января приехали парламентарии врага, в том числе два генерала, которые решили сложить оружие. «Было объявлено 20-го января, что наша группа будет стоять в Вузуне до выяснения обстановки. Началось братание с противником: на их позиции ездил эскадрон Конного полка и был там хорошо принят. Ходили также и одиночные лица. Два наших броневика стояли в это время у самых окопов противника. Все мы по случаю перемирия с У Пэйфу расположились в самом городке. Впереди броневиков путь перед этим был разрушен противником, и 21-го января производилось его исправление»¹⁹¹. С У Пэйфу был заключен мир, и его войска разместились рядом с русскими. Но последние, помня, какую роль сыграл У Пэйфу в гибели группы Кострова, не могли признать таких «союзников» и постоянно вступали с ними в конфликты, которые достигли такой остроты, что в конце января Чжан Цзучан распространил среди русских «приказание командирам разъяснить недопустимость некорректного отношения к офицерам и солдатам армии У Пэйфу, находящимся в расположении группы, с которыми в данное время прекращены военные действия»¹⁹².

За время отдыха русских в их адрес поступило от населения много благодарственных отзывов об их поведении. Так, 21 января поступило такое письмо от старосты группы деревень Лючалю. В нем говорилось: «Командиру 2-го Русского конного полка и командиру 3-го дивизиона Сараеву: три эскадрона стояли у нас в деревне Сун-шан-чжан ночь и никого не обидели. Все жители, старые и молодые, их не боялись, что сообщая и своей подписью свидетельствую»¹⁹³. В другом письме старейшины Лу Лунсяна от 10 февраля говорилось: «65-я дивизия, 2-й конный полк, 3-й дивизион проходил через нашу деревню, ничего не взял и никого не обидел»¹⁹⁴.

Отдых продолжался всего полтора месяца. В конце января русские снова вступили в бой. Многие из них вели себя блестяще. Примером может служить Карлов, который был принят майором и за проявленные героизм и отвагу меньше чем через месяц стал полковником¹⁹⁵. В это время части У Пэйфу обошли группировку хонанцев, поставив ее в тяжелое положение. Но ее разгрому помешал переход на сторону хонанцев генерала Фана с 6 тысячами солдат от Чжан Цзучана. Еще раньше, под Фуличи, он поставил русских в тяжелейшее положение тем, что бежал с позиций, из-за чего они попали в окружение.

Вскоре русских за 12–19 февраля перебросили на Северный фронт против Фына к Линчену. Утром 19 февраля они при поддержке бронепоездов «Шаньдун» и «Хонан» вели бой под станцией Потучен. На левом фланге русская кавалерия ходила в атаку. В результате противник был выбит из окопов и бежал, а русские его преследовали. На другой день под станцией Фенчакоу русские дали противнику часовой бой, во время которого сбили его с позиций. По свидетельству командования, наемники сражались замечательно. По его данным, «хорошо дрался и пеший эскадрон китайцев под командой майора Лейбы, и смешанная рота»¹⁹⁶.

На другой день, 21 февраля, выяснилось, что русские так энергично двигались по территории врага, что оказались в его тылу. Тогда они с боем заняли город Чанчжоу. Эта победа была одержана, несмотря даже на то, что «в этот день была страшная буря, ветер с мокрым снегом бил прямо в лицо нашим наступающим частям»¹⁹⁷. В итоге русские взяли 200 пленных,

¹⁹⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 48.

¹⁹¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 49.

¹⁹² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 3 об.

¹⁹³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 24. Л. 46.

¹⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 24. Л. 48.

¹⁹⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

¹⁹⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 50, 51.

¹⁹⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 51.

4 орудия, 2 бомбомета и снаряды к ним. Через день, 23 февраля, русские дали противнику новый бой у станции Чинсян. Наемники шли в атаку на врага, занимавшего хорошо оборудованные окопы: «Две роты Стеклова сразу же бросились в атаку, за ними двинулись по железнодорожной линии и китайские части, отвлекая противника»¹⁹⁸. Но их китайские напарники действовали слабо. Впрочем, это не помешало русским в очередной раз одержать победу. Бой был недолгим, и неприятель стал отходить к станции Мачан, куда скоро подошли и наши части. Здесь до 26 февраля обе стороны находились на занимаемых ими позициях, ведя лишь артиллерийскую перестрелку.

Со времени выхода русских со станции Линчен ими было пройдено с боями свыше 100 километров. Победы дались им непросто. Особенно сильно пострадали 3-я и Юнкерская роты. Один из русских бронепоездов был сильно поврежден прямым попаданием снаряда и ушел на ремонт. Это сильно ослабило белогвардейцев, так как бронепоездов осталось мало, при том что один из них всегда находился при Чжан Цзучане «на непредвиденный случай». Среди русских было много награжденных за боевые отличия. Так, 19 и 21 февраля сразу 13 солдат из Комендантской полуроты были произведены в следующий чин. При этом особо отличившийся стрелок В. Седов сразу был переведен из рядовых в фельдфебели. Однако такие сведения награжденных скрывают за собой большие потери. За время боев 19–21 и 23 февраля под Чанчжоу и Синсяном только русских пехотинцев и конников было убито не менее 12 человек. Смертельно ранен был полковник Петухов. В числе погибших был командир Юнкерской роты, майор Штин, а также один подпоручик, по двое старших и младших унтер-офицеров. Пропало без вести 6 человек – 1 фельдфебель и 5 стрелков. Ранено и контужено было 119 человек, из которых 28, в том числе 1 корнет, были китайцами. Среди раненых был начштаба 65-й дивизии полковник Карлов, который, однако, остался в строю. Ранены были также практически все русские начальники, в том числе полковники Стеклов и Размазин, а также 9 других офицеров. Ранения получили 5 старших и 6 младших портупей-юнкеров, 1 вахмистр, 14 фельдфебелей, 8 младших и 9 старших унтер-офицеров и 1 ефрейтор. Остальные 35 были рядовыми¹⁹⁹. Всего за время февральских боев общие потери русских составили 137 человек, то есть 14 процентов личного состава, а пополнения за это время прибыло лишь 40 человек²⁰⁰.

Станция Мачан была взята в конце февраля после непродолжительного, но упорного боя. Историк А. В. Окороков ошибочно считает, что эти события имели место месяцем раньше и что во время их был убит генерал Чехов²⁰¹. Как известно, Чехов благополучно дожил до января 1928 г. и с позором был изгнан Чжан Цзучаном со службы, речь о чем будет идти впереди. Он ссылается при этом на вранье советского инструктора Примакова и сам делает непростительную ошибку. Примакова можно понять: этим боем руководил он, Ханин и другие коммунисты и свой проигрыш надо было как-то объяснить. Вот он и объяснял в рамках большевистской привычки, что отступить они отступили, но «и сами нанесли врагу большие потери». Примаков писал, что «цепи белых, одетые в китайскую форму, наступали во весь рост, лишь изредка стреляя. В этом молодежавом наступлении было видно большое неуважение к врагу и привычка быть победителями»²⁰².

Русские наемники отличились также при взятии генералом Ли Чинлином в марте 1926 г. Тяньцзиня²⁰³. Вслед за этим русские, особенно бригада бронепоездов, отличились при взятии в апреле 1926 г. городов Пекин и Нанькоу, сыграв при этом одну из главных ролей²⁰⁴.

¹⁹⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 52.

¹⁹⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 10–12.

²⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 52.

²⁰¹ Окороков А. Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. М., 2004. С. 229.

²⁰² Примаков. Записки волонтера. Гражданская война в Китае. М., 1967. С. 171.

²⁰³ Возрождение. 1926. 23 марта.

²⁰⁴ Там же. 23 ноября.

К тому времени русские почти вплотную подошли к Тяньцзиню. В начале марта противник пытался отбросить русских от этого стратегически важного центра, столицы провинции Чжили. В эти дни на фронте шла сильная артиллерийская перестрелка. Русских от Тяньцзиня отделял лишь канал, через который 3 марта на их сторону переправилась рота противника, к которой готовились присоединиться другие воинские части врага. Но расширить плацдарм противник не успел, и остатки его роты были быстро отброшены обратно за канал. За доблесть в бою 1 и 3 марта в приказах по армии были отмечены и награждены только офицеров и унтер-офицеров 43 человека. Особенно отличился среди них майор Люсилин.

Русские сами 4 марта перешли в наступление и сбили противника с занимаемого им вала, прикрывавшего Тяньцзинь. Однако оно не было удачным, так как русский отряд особого назначения всего лишь в 30 штыков, охранявший проход с моста через канал на русскую сторону, не выдержал контрудара противника и отступил. Воспользовавшись этим, враг нанес удар во фланг 5-й и 6-й русским ротам. Из-за этого в русском наступлении произошла заминка и последовало отступление. От вражеского флангового пулеметного огня наемники потеряли не меньше 40 человек, причем в суматохе оставили противнику не только своих убитых, но и нескольких раненых. «Убитые и раненые были подобраны противником, который не преминул выказать свое зверство: одного раненого китайцы прикололи, а остальных повесили; убитых же, издеваясь, приставили к деревьям»²⁰⁵. Вполне возможно, что среди этих потерь были и пленные. Было получено такое сообщение 13 марта 1926 г. от английского журналиста газеты *Morning Post*: «На днях по Тяньцзиню провели двоих белых русских, взятых в плен войсками «Народной» армии. Несчастных вели по городу полуголыми. Перед казнью они подвергались пыткам. Командование «Народной» армии заявило, что оно будет казнить всех пленных русских. Такое жестокое отношение к русским не мешает ему пользоваться услугами большевиков...»²⁰⁶

При этом во время боя в воздухе кружил вражеский аэроплан, бросавший на русских бомбы. Вскоре к нему присоединились еще несколько крылатых машин, и положение белогвардейцев еще больше осложнилось. Зенитных пушек и пулеметов у наших не было, и они били по самолетам врага из винтовок. Через некоторое время для стрельбы в воздух установили на специальную платформу 75-мм орудие. И все же китайцев удалось отбросить на исходные рубежи. Ночью русские позиции китайцы освещали прожектором, не давая спокойно спать, а утром 5 марта приступили к бомбардировке авиацией и артиллерией. На другой день, 6 марта, противник пытался атаковать русских, и атаки были настолько сильными, что временами казалось, что наши окопы будут оставлены и придется отходить. В это время русские бронепоезда вели активную перестрелку с артиллерией и бронепоездами неприятеля, однако у них быстро кончились боеприпасы, и к концу того же дня они стреляли очень редко, лишь тогда, когда зарвавшийся враг подходил к стратегически важному мосту вплотную. Во время этого боя был снова ранен Стеклов, а на бронепоезде был убит майор Штейман. Было установлено, что у противника – русские артиллеристы²⁰⁷.

Следующие два дня, 7 и 8 марта, на фронте было «затишье», во время которого китайцы продолжали обстреливать и бомбить русских. Враг 9 марта пытался сбить белогвардейцев с позиций, но помогли китайские части Чжан Цзучана, и наступление было отбито. Однако 10 марта «большой колонне противника удалось обойти наше расположение и выйти в наш тыл»²⁰⁸. Для исправления ситуации были отправлены 55-я китайская бригада и два русских

²⁰⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 54.

²⁰⁶ Возрождение. 1926. 14 марта.

²⁰⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 56.

²⁰⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 56.

бронепоезда, которые вместе с 65-й дивизией разбили врага и только пленными взяли тысячу человек. При этом было захвачено 3500 винтовок и 100 маузеров.

Для усиления огневой мощи русских в связи с ожидавшимся штурмом Тяньцзиня Нечаеву 11 марта были приданы 4 бронепоезда.

Однако враг не дремал и предпринял смелую попытку уничтожения Русского отряда. В ночь на 15 марта между русским отрядом особого назначения и Комендантской полуротой в тыл русским прошла на полтора километра колонна противника. Она приблизилась к стратегически важной железной дороге, где стояли русские бронепоезда, команды которых ничего не подозревали о вражеском прорыве, и заняла деревушку поблизости от нее. Это грозило нечаевцам потерей бронепоездов и полным разгромом. В этой деревушке противник разделился на две части. Одна двинулась к штабу Русской группы, а другая – на юг, к железной дороге, где заложила фугас, чтобы подорвать полотно и отрезать бронепоезда. Русские заметили противника только в этот момент. И хотя противник находился недалеко от штаба, Нечаев не растерялся. Была объявлена тревога и вызваны резервы. С их помощью врага контратаковали, причем впереди белогвардейских цепей шел сам Нечаев с одним стеклом в руке. Противник, ожидавший паники у нечаевцев, вместо этого получил отпор. Он попал в полуокружение и стал отходить. В этой колонне было 500 отборных солдат противника, которые заняли одну деревушку и пытались отбиваться, но не выдержали русского удара. Часть из них была убита во время перестрелки, другие потонули в канале, когда пытались бежать к своим. Небольшая их часть заняла там две фанзы, «отстреливалась до последней возможности и, не пожелав сдаться, сгорела в них, так как вся деревенька была подожжена»²⁰⁹. Это могли быть коммунисты из СССР. Они, будучи отрезаны от своих, знали, что в случае пленения пощады им не будет. Китайцы такого упорства никогда не проявляли. При этом днем русскими у деревни Тунхуансян был сбит аэроплан и захвачены двое летчиков.

Другая, меньшая часть колонны отступала от «железки» вдоль канала к северу. Она не заходила в деревеньку, где отбивалась большая часть их отряда. Ее преследовали 6-я и Юнкерская русские роты во главе с Нечаевым, который, видя, что большая часть первой колонны надежно блокирована, бросился ликвидировать отряд, пытавшийся уничтожить бронепоезда. И тут китайцы напоролась на огонь развернувшейся с фронта 1-й Русской роты, у них началась паника, и под губительным русским огнем они бросились в канал, где многие утонули. Из всего отряда в несколько сотен бойцов, прорвавшегося той ночью в тыл русских, спаслось человек пятьдесят²¹⁰. Бой продолжался весь день. Во время его в начале седьмого вечера, находясь в цепи 6-й роты, во время атаки, в обе ноги был ранен сам Нечаев. Его заменил генерал-майор Малакен. В том бою было убито 8 русских, в том числе 1 офицер и 1 фельдфебель. Ранено было 44 человека, в том числе 4 офицера, 2 младших портупей-юнкера, 7 фельдфебелей, 3 младших и 1 старший унтер-офицер²¹¹. Если бы не личная доблесть самого Нечаева, исход боя мог быть совсем иным. Однако за это пришлось заплатить очень дорого: Константин Петрович после этого на целых полгода был прикован к больничной койке²¹².

Вообще, отмечая впоследствии, во время перемирия, начавшегося в мае 1926 г., вторую годовщину создания русской группы войск на китайской службе 28 сентября 1926 г., генерал Чжао отметил, что от небольшого русского отряда, открывшего эпопею русских воинов на китайской земле, из-за потерь осталось совсем немного людей²¹³.

²⁰⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 58.

²¹⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 57.

²¹¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 24.

²¹² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 18.

²¹³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 199.

За отличия в боях 18 марта были произведены в следующие чины 18 человек. За разгром врага 24 марта и захват трофеев, в том числе двух пулеметов «Виккерс», следующие чины получили еще 23 человека²¹⁴. За другой победный бой в конце марта было повышено в чине еще 7 человек, в том числе Ку克林, который стал генерал-майором²¹⁵.

Деморализованный разгромом 10 и 15 марта, противник сдал Тяньцзинь. После этого с 24 марта русских наемников перебросили на Пекинское направление. Всего за март русские потеряли 256 человек. Таких потерь за месяц боев наши наемники еще не имели. Войдя в Тяньцзинь, нечаевцы выместили свою злость на враждебных Северной коалиции китайцах. По данным советника СССР в Китае В. М. Примакова, который, несомненно, сгущал краски, «белые части китайской армии пользовались дурной славой, совершая массовые уголовные преступления. Свирепые, опустившиеся люди, они имели в Китае плохую репутацию. Обычно им поручали взять какой-нибудь город, который на несколько дней отдавался в их распоряжение. Город они подвергали жестокому разгрому. Захватив Тяньцзинь, белогвардейцы отметили свою победу кровавыми расправами. Летом 1925 и в начале 1926 г. они расстреляли демонстрации протеста против расстрела англичанами манифестации 30 мая 1925 г. и разгромили профсоюзы в Шанхае, Мукдене и других городах Китая. Население и китайские солдаты с ненавистью и презрением относились к ним как к наемникам без чести и совести. Только жесткая палочная система поддерживала дисциплину этих «белых хунхузов». В атаки на революционные войска они шли пьяными, заросшими, одетыми в китайскую форму». Такая оценка своих противников традиционна для коммунистов: себя они выставляют такими праведниками, а своих противников демонизируют, тем более что Примаков и К^о опозорились перед «китайскими товарищами», будучи наголову разбиты горсткой белогвардейцев, которых они, по их хвастливым заверениям перед Фыном, недавно вышвырнули из России.

В начале апреля русские участвовали в наступлении на Пекин, которое велось Северной коалицией без особой активности. В результате нечаевцы продвинулись на небольшое расстояние. Это наступление было очень трудным и стоило нечаевцам больших потерь. По сообщению от 11 апреля 1926 г., «2-я бригада из белых русских в армии Ли Чинлина ведет ожесточенный бой за переправу через реку Хай в 7 километрах к юго-востоку от Фенгтая. До сих пор все попытки пересечь реку русским не удавались ввиду большого упорства частей «Народной» армии. Обе стороны понесли большие потери. К ночи 8 апреля войска Фына были вынуждены отойти на 6 километров от Ванг Суна. Но они упорно продолжают сопротивляться натиску Русской бригады»²¹⁶. По данным иностранных журналистов, некоторые русские попали к фыновцам в плен. Об этом говорит сообщение 15 апреля 1926 г. американского журналиста газеты *Chicago Tribune*. В отношении этого сообщения газета «Либерте» выражала сомнения по поводу его достоверности. Однако сообщения об этом упрямо повторялись: «Издевательствам подвергаются русские, взятые в плен «Народной» армией из войск, наступающих на Пекин. По приказу китайского командования, несчастным пленным продевалось кольцо в нос, и водили по городу на веревках, как верблюдов»²¹⁷. По уточненным данным, число таких пленных определялось в 30 человек. Их привязали к одной палке, глумились над ними, после чего убили.

На фоне этого все сильнее проявлялись тревожные симптомы неблагополучия среди русских, например дезертирство наемников из частей или госпиталей, не выдержавших тяжелых условий службы²¹⁸. Кроме того, многие увольнялись, и положение было настолько тяжелым

²¹⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 14, 15, 23, 27.

²¹⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 32.

²¹⁶ Возрождение. Париж, 1926. 11 апреля.

²¹⁷ Там же. 16 апреля; Там же. 17 апреля.

²¹⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

в этом отношении, что русские части таяли из-за этого на глазах. В итоге генерал Малакен запретил увольнения. Сделать это теперь было можно только по постановлению врачебных комиссий²¹⁹.

За победы русским приходилось дорого платить. Только за период 6–15 апреля в русских пехотных и кавалерийских частях было убито 9 человек, в том числе полковник Клюканов и 2 офицера, а также 1 старший портупей-юнкер, 1 вахмистр и по 1 старшему и младшему унтер-офицеру. Ранено было 60 русских. Из них было 13 офицеров, 14 фельдфебелей, 2 старших и 1 младший портупей-юнкеры, 4 старших и 7 младших унтер-офицеров²²⁰. Всего же за этот период потери русских наемников составили 84 человека²²¹. При анализе общих потерь за март – апрель 1926 г. русское командование получило данные, что потери Русской группы составили 42 процента личного состава.

Только в течение 20 и 21 апреля за боевые отличия было произведено в следующий чин 45 русских. Особенно отличился Савранский, ставший майором²²². Конный полк русских также действовал успешно, но в отрыве от остальных частей 65-й дивизии, в составе китайских частей генерала Лю.

В конце концов русские наемники наголову разбили армии Фына и его генерала Куо Мийчунга²²³. При этом, по данным генералов Глебова и Лукомского, в их войсках, особенно во 2-й армии последнего, находились составленные предателями Белого дела Гущиным и Ивановым-Риновым отряды из белогвардейцев, обманутых ими. По их данным, эти отряды вышли на фронт не позднее декабря 1925 г. и находились «под начальством красных курсантов»²²⁴.

Так или иначе «война была блестяще закончена в апреле 1926 г. победой над войсками Фын Юйсяна и взятием Пекина»²²⁵, который пал благодаря белогвардейцам.

Эта победа стала возможной во многом и из-за того, что значительная часть сил Фына увязла в столкновении с «красными пиками», или хун-ченхуями, и не могла помочь тем силам, которые сражались на Тяньцзиньском фронте.

Но реально боевые действия прекратились лишь в начале мая 1926 г. Русским пришлось преследовать отходящие разбитые части Фына. Об одном из таких эпизодов свидетельствует пекинский корреспондент «Дейли мейл». Он выехал на русском бронепоезде на фронт к городу Нанькоу, расположенному в 30 километрах к северо-западу от Пекина. Поезд состоял из шести вагонов с локомотивом посередине. Приблизившись к Нанькоускому проходу, где в свое время Народная армия построила много укреплений, поезд стал обстреливать ее расположение, причиняя ей ущерб. Чтобы задержать движение поезда, противник, нагрузив три вагона камнями, пустил их навстречу поезду. Когда этот движущийся барьер, достигший большой скорости, приблизился почти на 300 метров к бронепоезду, сначала он сбросил скорость, а потом помчался дальше. Русский офицер, командир бронепоезда, видя надвигающуюся опасность, приказал дать задний ход. Столкновения все же не удалось избежать, хотя толчок и не был слишком сильным, так как поезд уже отходил. Один его вагон был испорчен, при этом пострадало семь русских. Получил ушибы и английский корреспондент. Отцепив этот вагон, бронепоезд благополучно прибыл в Пекин.

Эта, как и другие атаки бронепоездов без поддержки пехоты и конницы, по данным иностранных корреспондентов, «до сих пор не дали никаких результатов. Это объясняется тем, что

²¹⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 49.

²²⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 39, 40.

²²¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 32. Л. 59.

²²² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 36, 37.

²²³ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 137. Л. 53.

²²⁴ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 137. Л. 116.

²²⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 33. Л. 5.

ему приходится действовать в гористой местности, которую сравнительно легко защищать»²²⁶. Но все-таки войска Фына были разгромлены.

Воевали русские наемники в тяжелых условиях. Об этом свидетельствует тот факт, что мастерская по ремонту орудий и стрелкового оружия была создана лишь в мае этого года, до этого оружие ремонтировали своими силами или воевали с неисправными стволами²²⁷.

Несмотря на это, русские тогда в основном старались поддерживать хорошее отношение к китайскому населению. Об этом свидетельствует старейшина деревни Таоцин Чжан Сечин в донесении от 5 марта: «Командир 2-го Конного полка 65-й дивизии с полком стоял 5 дней в деревне. Видя дисциплинированных солдат, население их хвалит и очень жалеет, что не может дать подарков, а потому и сообщает, что они вели себя хорошо»²²⁸.

Остаток 1926 г. стал временем зенита славы как Русской группы, так и Чжан Цзолина с Чжан Цзучаном. Фын, войска которого были разбиты русскими, исчез с политического горизонта Китая на целый год. Добить его помешали разногласия между союзниками-маршалами и недостаток финансов²²⁹. Тем не менее Северная коалиция еще больше упрочила свое влияние в Китае. У Пэйфу окончательно утратил свое былое влияние.

Перемирие (май 1926 г. – февраль 1927 г.). Дело Малакена и Карлова

В начале мая боевые действия на фронте практически прекратились. Журналист Ильин в конце июля пишет: «Сейчас на фронте – затишье. В районе Нанькоуского прохода, дальше в горах, среди густо нагроможденных скал и сопков, занимают позиции армии Чжан Цзолина и У Пэйфу. В резерве – русские. В критические моменты прорывов положение спасают «ломозы». Так было и в последний раз, когда на левом фланге часть войск У Пэйфу, ранее служившая у Фына, снова перешла к нему. Тогда двинулись «ломозы» и положение было восстановлено. В этом месте фронта идет редкая перестрелка, курсирует по железнодорожной линии, идущей на Калган, русский броневик, обстреливая расположение неприятеля. Войска Фына сильно окопались в этом месте, создав линию укрепленных позиций»²³⁰.

Для русских, большая часть которых была отведена с фронта, перемирие означало не только прекращение потерь, но и снижение жалованья, которое им стали выдавать по ставкам мирного времени²³¹.

В это время, в связи с отсутствием Нечаева, находившегося около месяца при смерти, старшие русские офицеры решили поделить власть. «К Нечаеву никого не пускали. Ранение <...> не прошло для него даром. Одна нога поправилась быстро, но другая, в которой была перебита кость, не поправлялась. В здоровом организме дело кончилось бы пустяком, но у Нечаева все пропитано водкой, и поэтому дело затянулось. Появилось омертвление пальцев и кончилось дело тем, что ему отняли ногу до колена, но и то запоздали, так как после операции он был на пороге смерти»²³². Но не вражеские пули и снаряды, а действия своих же русских едва не свели Нечаева в могилу. Стоило ему лечь в госпиталь, как его противники решили устранить с командных постов его соратников, что едва не привело к расформированию рус-

²²⁶ Возрождение. Париж, 1926. 27 апреля.

²²⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 52.

²²⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 24. Л. 50.

²²⁹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 140. Л. 370.

²³⁰ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 297.

²³¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 50.

²³² ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

ских частей в китайской армии. По словам Тихобразова, «известие о «перевороте» в дивизии довело несчастного Нечаева до удара и частичного паралича»²³³.

Еще не был взят Пекин, но, пока русские истекали кровью в неравной и героической борьбе, в Цинанфу, в ставке Чжан Цзучана, произошли события, которые самым пагубным образом отразились на судьбе наемников. В это время его советник, Меркулов, решил стать на место Нечаева, воспользовавшись беспомощным состоянием Константина Петровича²³⁴. Меркулов был подобен ничтожному шакалу. Он, когда «лев был в силе», мог только выть на него издали, но, когда тот был при смерти, решил его загрызть. В мирной обстановке интриги между русскими выплеснулись наружу. Возможно, что они разжигались чекистами для уничтожения Русского отряда.

Уже во второй половине 1925 г. русские офицеры отмечали интриги в своей среде. Так, Стеклов в конце декабря того же года с горечью пишет: «И меня старались сделать большевиком. Кто же? Свои офицеры, Нечаев, которому я как никто был предан. Здесь определенно вырисовывается работа «кирилловцев»²³⁵. Красные же, учтя момент, использовали их, чтобы разваливать нас. Как мало стойких убежденных людей, когда собственное «я» полностью отсутствует и слабо вырисовывается в винных парах. Вот наша жалкая действительность да плюс к этому большие потери»²³⁶. Интересно заметить, что до 90 процентов личных документов одного из главных действующих с весны 1926 г. в этих интригах лиц, Тихобразова, посвящено именно этому печальному явлению²³⁷. Он так говорил об интригах в борьбе за власть и должности: «Вопрос стоит очень просто: мы боремся за возможность лучшего существования, кто нам в этом мешает, с тем будем вести борьбу»²³⁸.

Журналист Ильин во время своего визита в отряд Нечаева пишет: «Михайлов поведал о непримиримых интригах и вражде между ним, Нечаевым и Меркуловым. Нечаева любят солдаты и офицеры, и потому он держится, зато Михайлов и Меркулов его терпеть не могут. Хорват прекрасно отдает себе отчет в интригах, существующих в группе. Меркулова он считает за самого низкого жулика и авантюриста. Как это все ужасно! Дерутся чудесно, храбры, выносливы, кажется, с этой горстью можно весь Китай завоевать, но... интриги и грызня губят все! Хорват рассказывал, что один немец ему говорил, что если бы немцам удалось сформировать у какого-нибудь китайского генерала группу, подобную Нечаевской, то весь Китай был бы в руках Германии и немцев! Боюсь, что это так!»²³⁹

Но Нечаев, одержавший на поле боя в Китае победы, коренным образом изменившие его историю, по наблюдению современников, годился лишь для «штыковых» атак, но против интриг Меркулова держался с трудом. Не был Константин Петрович готов к подлым «кабинетным» ударам со стороны своих же... Ильин пишет: «Разговор заходит вокруг Меркулова и Нечаева. Иванова²⁴⁰ презрительно именуют «содержанкой». Михайлов говорит, что Нечаев своей глупой смелостью и бравадой совершенно не жалеет людей, кладет сотнями, жертв – масса, когда, наоборот, задача отряда – стоять как бы над китайскими частями, руководить ими и поддерживать в них дисциплину. Возможно, что в этом и есть доля правды»²⁴¹. Понятно, что это было лишь стремление очернить Нечаева, ведь какая война без жертв, к тому же в Русскую

²³³ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 6.

²³⁴ Волокишин П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958. Т. 1. С. 268, 269.

²³⁵ Эмигранты-монархисты, выступавшие в поддержку на роль императора России великого князя Кирилла.

²³⁶ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

²³⁷ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

²³⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.

²³⁹ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 284.

²⁴⁰ Известный эмигрант-журналист, нанятый Меркуловым для обеления его деятельности в печати.

²⁴¹ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 297.

группу шли не только из идейных соображений, но и за деньги. А кто будет их платить, если нет побед, для которых необходимо геройство?

При встрече с Ильиным Меркулов «стал жаловаться на безденежье: «Гроша ломаного нет!» Затем: «Конечно, это между нами – ничего из этой затеи с Русской группой не выйдет! Сволочь все! Сброд! Всем советую – если кто имеет 30 долларов в месяц на какой-нибудь службе, пускай сюда не идет!» Недурно работает для организации Русской группы, во главе которой стоит! Если, спрашивается, подает он такие советы, как глава ее, то как же можно рассчитывать на приток охотников?! Меркулов делает, вернее, устраивает свои дела, богатеет, имеет контору в Мукдене, Тяньцзине, где во главе его сын; арсенал в Циндао, где во главе – второй сын. Наконец, здесь, в Цинанфу, для армии им выстроен завод, делающий сапоги и обмундирование, во главе которого – его друг, инженер Соколовский. Третий сын, самый беспутный, устроен майором и состоит штаб-офицером для поручений при отце, т. е. ничего не делает, получает жалование – и только. Таким образом, Меркулов вернул с барышами вложенные деньги. Наслаждается недурным положением. Упоен властью и тем, что его зовут «превосходительством». И даже своего придворного шута и борзописца, Иванова, имеет, которого может ругать трехэтажным матом и приказывает писать то, что ему, Меркулову, угодно! А Русская группа, как в свое время армия Приморья, не получает по 3 месяца жалования!»²⁴²

И стоило Нечаеву уйти лишь на некоторое время из отряда, как его противники перессорились между собой. В мае 1926 г. генерал Малакен и начштаба полковник Карлов отказались подчиниться Меркулову. Дело в том, что боевые офицеры не могли подчиниться человеку, не имевшему к армии никакого отношения и постоянно дискредитировавшему русских перед китайцами. К тому времени, по данным генерала Бурлина, между Нечаевым и его заместителем Малакеном давно была вражда. При этом последнего поддерживали Меркулов и Михайлов. Дело в том, что Михайлов был зятем Меркулова, и многое поэтому здесь объяснялось родственными связями. При этом Малакен несколько раз пытался подвинуть Нечаева и занять его место. Бурлин справедливо считал поэтому, что «в отряде Нечаева не все гладко»²⁴³.

Но с уходом Нечаева главным врагом Меркулова стал Малакен. Михайлов для дискредитации последнего стал распространять провокационные слухи, что, по данным контрразведки, в конце 1925 г. Малакен планировал по заданию предателя Гущина поднять восстание в Нечаевском отряде, убить самого Константина Петровича и перейти к Фыну²⁴⁴.

Вряд ли такие данные стоит рассматривать серьезно, ведь Михайлов и Меркулов в борьбе за власть не гнушались даже такими обвинениями. По делу работы Гущина в отряде Нечаева было проведено расследование, после которого подпольная сеть была ликвидирована, и в случае причастности к ней Малакена он был бы раскрыт.

Меркулова Малакен и Карлов считали виновным в финансовых махинациях с деньгами, предназначенными для уплаты жалованья, о чем и заявили. За отказ подчиниться ему они 21 мая были отстранены от командования и арестованы, причем Карлова китайцы приковали к столбу цепями. По словам полковника Тихобразова, пытавшегося лавировать между враждующими группировками, тогда сторонника Меркулова, «Малакен и начштаба 65-й дивизии Карлов, то ли отупев окончательно от пьянства, то ли находясь под покровительством Нечаева, стали открыто нападать не только на Меркулова и Михайлова, но и на некоторых китайских генералов и даже на самого Тупана Чжан Цзучана. Пока русские ругались между собой, китайцы мало на это обращали внимания, и это даже казалось им выгодным, так как русское единение в их глазах представляло некоторую опасность»²⁴⁵.

²⁴² ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 293.

²⁴³ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 138. Л. 6.

²⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 138. Л. 251.

²⁴⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 3.

В то же время письма того же Тихобразова представляют Малакена совсем иным человеком. Согласно им, Малакен активно боролся против пьянства у русских. Исчерпав все методы борьбы с ним, он приказал уничтожить запасы водки в русских частях. Этим самым он задел финансовые интересы адмирала Трухачева, советника Меркулова и командира китайской бригады 65-й дивизии генерала Чжао, которые делали на поставках алкоголя крупные деньги, и уволить его решили во многом из-за этого²⁴⁶.

Действия Малакена и Карлова обуславливались не только личной враждой с некоторыми русскими и китайскими начальниками, но и нежеланием иметь под боком часть из китайцев, доказавшую ранее свою ненадежность, а также справедливым стремлением добиться уплаты задержанного жалования. В этих условиях Малакен расформировал китайскую бригаду генерала Чжао, входившую в 65-ю дивизию. Однако вместо поддержки действий своих же русских, требовавших не только улучшения их положения, но и выполнения обещанного китайцами, Тихобразов, Меркулов и Михайлов потребовали от Чжан Цзучана устранения Карлова и Малакена. Даже по тем документам, которые оставил Тихобразов для своего обеления, это было сделано очень подло, руками китайцев, того же генерала Чжао, который имел на Малакена и Карлова личную обиду²⁴⁷. А сделано это было в первую очередь для того, чтобы устранить опасных конкурентов, пользуясь отсутствием Нечаева, и самим занять их места.

По словам Тихобразова, «Тупан не сразу на это согласился, очень извелся, что у русских все время какие-то дразги, и чуть не расформировал всех. Вначале он приказал казнить Малакена и Карлова, но его удалось от этого отговорить, сказав, что их только нужно выслать из Шандуна. Их вызвали к нему в штаб, где у них отобрали оружие, а их самих арестовали и связали»²⁴⁸. После этого они были отправлены в тюрьму, где подверглись пыткам. Малакен, не выдержав, был вынужден признать Меркулова главнокомандующим и был освобожден из-под ареста и назначен впоследствии на некоторое время начальником дивизии. Зато дело упрямого Карлова вызвало много шума. Китайцы, зная его авторитет среди нечаевцев, опасались его мести и хотели опального начштаба убить в обстановке секретности²⁴⁹. Однако сами русские отговорили их от этого, опасаясь восстания всей Русской группы, так как среди белогвардейцев был очень высок авторитет Карлова, видного каппелевца, прославившегося своей доблестью еще во время Гражданской войны в России. Опального начштаба были вынуждены освободить и выслать из Шаньдуна. Противники Нечаева воспользовались этим, чтобы сделать «зачистку» от его сторонников, уволив многих из них, в том числе и Куклина²⁵⁰, который, однако, впоследствии вернулся. Но ожидаемого эффекта расправа с нечаевцами не принесла. Русские из-за таких эпизодов все больше теряли авторитет в глазах китайцев. Поэтому нередко на их места назначались китайские офицеры и генералы. Так, после дела Карлова – Малакена пост начальника 65-й дивизии занимал до возвращения Нечаева генерал Чжао²⁵¹. Тихобразов же, подсуе- тившись, стал при нем начальником штаба.

Видя все это, Чжан Цзолин приказал Чжан Цзучану броневую дивизию русских бронепоездов взять под китайское командование²⁵². На это место «заговорщики» планировали выдвинуть Чехова, но он «в нужный момент, когда шли пертурбации, спасовал перед китайцами и упустил бронепоезда, которыми теперь стал командовать Чжао»²⁵³.

²⁴⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 2.

²⁴⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 3 об.

²⁴⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 3 об.

²⁴⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 4 об., 5.

²⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10.

²⁵¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.

²⁵² Возрождение. 1926. 23 ноября.

²⁵³ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 7.

Чехов остался на второстепенных ролях: он командовал лишь одним из двух броневых дивизионов и был приравнен к почти неизвестному китайскому генералу Лю Шианю²⁵⁴. Впоследствии здесь был образован еще один броневой дивизион, и значение Чехова еще больше упало. Таким образом, ограниченный захват власти в Русской группе кончился не так, как этого хотели Меркулов и К^о.

Несмотря на это, Чжао проводил ограниченные мероприятия, которые были полезны русским, например, в июле 1926 г. он ходатайствовал перед Чжан Цзучаном ввиду удорожания жизни повысить русским оклады²⁵⁵. Видя усиление среди белогвардейцев агитации против службы из-за отсутствия заботы об инвалидах, Чжао решил исправить ситуацию. По его инициативе для пострадавших русских на китайской службе организовали лечение, стали изготавливать протезы, устраивать при частях и заботиться о них²⁵⁶.

Но, несмотря на то что Чжао сделал для русских много хорошего, это были во многом попытки как-то сгладить недовольство, которое проявляли к нему русские наемники, и попытка бросить им дополнительную небольшую кость не могла устранить имевшиеся у них негативные моменты, грозившие в боевых условиях нанести боеспособности Русской группы серьезный ущерб.

Возвращение Нечаева

Когда Нечаев оправился от ранения, он сразу поехал в Русскую группу, но ехать ему пришлось не в отдельном вагоне, подобающем его рангу, а в простом поезде. Это говорило о том, что прежнее влияние им было утрачено. Приехав в Цинанфу, он обнаружил, что Чжао не торопится сдавать ему должность, и некоторое время он был «за штатом», так как китайцы «забыли» издать соответствующий приказ об его назначении на прежнее место²⁵⁷. Это было весьма символично и свидетельствовало о потере прежнего влияния за время его нахождения в госпитале. Этому положению Нечаева содействовали и его русские недоброжелатели. Однако Чжан Цзучан, проводя смотр, по признанию Тихобразова, увидел, что противники Нечаева даже не смогли нормально показать ему свои подразделения²⁵⁸, чего при Константине Петровиче не было. Это произошло, по описанию Тихобразова, так: «3 октября 1926 г. – смотр – скандальное представление 165-й бригады – дети и старики. Наши, 105-й полк, плохо выправлены. Вообще, впечатление гадкое. И это при том, что пыли было много, и она скрашивала все дефекты. Тупан отказался от ужина»²⁵⁹. Это привело к тому, что Нечаев буквально через день после этого получил прежнюю должность. После этого он сразу стал наводить порядок и назначать на важные посты своих людей, к числу которых принадлежали Стеклов и Смирнов.

Интересно то, что общественности передавали происходившее у нечаевцев в розовом цвете. Например, в парижской эмигрантской газете «Возрождение» об этом писали так: «Дивизия, понесшая значительные потери в боях под Пекином и Нанкоу, теперь пополнена, реорганизована и перевооружена, причем ее артиллерия получила совершенно новые пушки. Маршал Чжан Цзучан в первой половине октября произвел ее частям инспекторский смотр. Все русские части представились в блестящем виде. Был показан полный цикл всех строевых занятий и полевая подготовка войск. Конвойная сотня подполковника Танаева блеснула прекрасной выучкой всадников, отличной выездкой лошадей и лихим сотенным учением. Традици-

²⁵⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 125 об.

²⁵⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 130.

²⁵⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 138.

²⁵⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 15.

²⁵⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 40.

²⁵⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 5; Там же. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 11. Л. 29.

онная казачья джигитовка, рубка и уколы пиками, вызвали всеобщее восхищение. Второй конный полк В. С. Семенова, в составе 6 сотен с пулеметной командой, проделал полковое учение «по сигналам» и «в немую», завершнное стремительной атакой в конном строю. Во время учения маршал несколько раз благодарил полк. Отлично представилась Военно-Инструкторская школа под командой Тарасова, показавшая наступление боевого порядка роты, начиная с дальних дистанций и кончая штыковым ударом. Кроме того, юнкера этой школы продемонстрировали образцовые примеры гимнастики и фехтования. В пехотных частях было обращено особое внимание на маневрирование, применение к местности и метание ручных и ружейных гранат. При этом наибольшее искусство в метании гранат проявили «гренaдeры» 105-го пехотного полка. В речи, обращенной к юнкерам, Чжан Цзучан подчеркнул, что с занятием Тяньцзиня, Пекина и Калгана борьба с большевиками не кончилась и что он считает своим долгом бороться с ненавистным врагом, где бы он ни появлялся, до полного его уничтожения. Точно так же Чжан Цзучан отметил жертвенное служение «горсти русских храбрецов», продолжающих активную борьбу с большевиками с оружием в руках вместе с его войсками. Наблюдая русские части в бою и в мирной жизни, маршал всегда восхищался величием русского духа, крепостью воинской дисциплины, сознанием долга и корректным отношением их к мирным жителям. Он уверен, что, пройдя через горнило несчастий, русские воины станут еще сильнее и этот «русский дух» в них никогда не погаснет. Обращаясь к русским конным частям, Чжан Цзучан сказал, что они с честью поддерживали славные традиции старой русской конницы, которая, по справедливости, считалась лучшей кавалерией в мире. «Большое Вам, русские, спасибо!» – такими словами маршал закончил свое обращение к русским частям. По старому русскому обычаю, все части, бывшие на смотре, получили денежные награды²⁶⁰.

Но все это было обыкновенное «очковтирательство», рассчитанное на публику. Как видно из вышеизложенных документов, ситуация была обратна той, что рисовали газетчики. Реально положение было очень серьезно и говорило о том, что при столкновении с более мощными, чем раньше, противниками русские не выдержат. Этому способствовали допущенные в отсутствие Нечаева злоупотребления. По признанию Тихобразова, Нечаев нашел их действия – Михайлова, Меркулова, самого Тихобразова – разваливающими Русский отряд. Главная цель меркуловцев по устранению Нечаева не была достигнута, что во многом было обеспечено, по словам Тихобразова, поддержкой генерала основной массой белогвардейцев²⁶¹.

Вернувшись к командованию, Нечаев, у которого с Чжао сложились напряженные отношения, первым делом отменил многие его приказы²⁶². Уже в октябре Нечаев отметил, что в интендантстве в его отсутствие было много случаев «нецелевого расходования» или воровства денег. За такое Константин Петрович просто увольнял виновных²⁶³. Были при этом анекдотичные случаи. Так, Нечаев, уехав после учений 26 октября в Пекин и вернувшись в Цинанфу 31 октября, обнаружил, что за это время исчезло много денег. Было проведено расследование, которое установило, что «начштаба дивизии Тихобразов допустил полный беспорядок в ведении денежной отчетности, неправильное и расточительное расходование денежных сумм и ряд злоупотреблений с ними»²⁶⁴. Было также установлено, что товары для интендантства и лавок, обеспечивающих отряд продуктами и товарами первой необходимости, покупались по завышенной цене у спекулянтов²⁶⁵.

²⁶⁰ Возрождение. Париж, 1926. 13 ноября.

²⁶¹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

²⁶² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 14.

²⁶³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 228.

²⁶⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 256.

²⁶⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 263.

Нечаев пощадил Тихобразова и не стал применять к нему тяжелого наказания, ограничившись «строжайшим выговором» с обещанием в случае непринятия с его стороны мер к исправлению ситуации наказать его более сурово. Кроме того, Тихобразов должен был восполнить «неправильно» израсходованные деньги²⁶⁶.

Видя свою неспособность «свалить» Нечаева открыто, его противники решили вести борьбу против него тайно. Так, Тихобразов решил в эмигрантских СМИ объявить Нечаеву бойкот, подговорив издателей, чтобы они ничего о нем не печатали: «Это молчание будет хуже критики»²⁶⁷.

Вслед за боевыми успехами Чжан Цзолин решил увеличить в своих войсках численность русских и в первую очередь бронепоездов. Теперь их число довели до шести и они стали дивизией: 1-я бригада – «Пекин» и «Тайшань» (начальник – генерал Чехов); 2-я бригада – «Хонан» и «Шантунг»²⁶⁸ (начальник – генерал Лю Шиань); 3-я бригада – «Великая Стена» и «Великая река» (начальник – генерал Ян Таю). Несмотря на то что в броневых силах было много китайских начальников, команды самих бронепоездов состояли почти исключительно из русских. Сами русские наемники сообщали, что «каждый бронепоезд состоит из 5 бронированных платформ-вагонов, оборудованных по последнему слову техники. Вооружены бронепоезда дальнобойными орудиями и пулеметами»²⁶⁹. Кроме них имелись бронепоезда с русскими командами в войсках чилийского маршала Чу Юпу, например превосходившие по мощи остальные броневики Северной коалиции «Чили» и «Хубэй».

Но положение других частей, пехотных и кавалерийских, было очень тяжелым. Так, 65-я дивизия летом 1926 г. реально существовала лишь на бумаге. Начштаба Русской группы Михайлов провел ее инспекцию и выяснил, что на деле по численности она едва представляла собою полк в 1042 человека, причем 361 из них был китайцем²⁷⁰.

За каких-то три месяца она сократилась почти на полторы сотни человек²⁷¹. Из всей дивизии почти половина должна была быть уволена по ранению, старости, недостойному поведению, уходу в отпуск или собственному желанию²⁷². Фактически за полгода меркуловцы довели Нечаевскую группу до состояния близкого к развалу.

Вооружение дивизии было также неудовлетворительным. Наемники были вооружены не только разнородным оружием, что осложняло их ремонт и снабжение запасными частями и боеприпасами, но и нередко просто неисправными винтовками, пулеметами и орудиями. Михайлов отметил, что «пренебрежение к этому в прошлом стоило многих напрасных жертв и не способствовало успеху действий русских частей, когда недостаток вооружения компенсировался мужеством»²⁷³. То, что выявил Михайлов при инспекции дивизии, говорило об отсутствии ее боеспособности. На всю дивизию к 19 октября было 717 винтовок разных стран и систем, причем штыков к ним было в 2–3 раза меньше числа стволов. Михайлов отметил, что «штыки к винтовкам необходимы, так как из прошлого опыта видно, что русские неоднократно ходили в атаку и были случаи рукопашного боя». Из винтовок годными к бою были только 180, а остальные нуждались в капитальном ремонте или были совершенно негодными²⁷⁴. У офицеров дивизии было только 29 пистолетов, причем все они были трофейными. Даже с холодным

²⁶⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 257.

²⁶⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 45.

²⁶⁸ Особенно удачно и самоотверженно действовали в боях под Нанькоу команды именно этих бронепоездов.

²⁶⁹ Возрождение. 1926. 23 ноября.

²⁷⁰ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 41 об.

²⁷¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 67.

²⁷² ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 39.

²⁷³ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 39 об., 40.

²⁷⁴ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 40; Там же. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 234.

оружием были серьезные проблемы. Так, дивизии были необходимы новые 323 шашки и 200 пик, а имеющиеся в наличии нуждались в ремонте²⁷⁵.

С артиллерией и пулеметами дело было еще хуже. «В настоящее время дивизия имеет 4 горных орудия Круппа. Из них два – совершенно негодных. Остальные в таком состоянии, что командир батареи возбудил ходатайство о более целесообразном применении людей и лошадей этой батареи, так как изношенность орудий и отсутствие к ним снарядов делает эту батарею <...> балластом части. Отдельная батарея до сих пор имеет только одно орудие «Арисака». Бомбометов в дивизии 4, которые нуждаются в замене или ремонте. Совершенно нет тяжелых бомбометов, производящих более сильное моральное и поражающее действие. Снаряды нового образца к ним изготовления гранатной фабрики в Цинанфу необходимо изъять из обращения, так как они дают малое поражение и опасны в обращении, и заменить другими. Нужно дать также дивизии несколько тяжелых бомбометов. Бомбометные и пулеметные вышки требуют ремонта, а наиболее износившиеся требуют замены новыми»²⁷⁶.

Пулеметов на всю дивизию было 16, причем разных систем, из которых 7 было совершенно негодными, а 8 нуждались в капитальном ремонте. Таким образом, в боевом состоянии на всю дивизию был лишь 1 пулемет. Кроме того, «все пулеметы изношены и прицельного огня достичь невозможно. Это сильно ослабляет значение пулеметной стрельбы, деморализует наши части, дает уверенность противнику и вызывает напрасный расход патронов»²⁷⁷. Патронов и запасных частей к оружию здесь тоже было мало. К тому же многие патроны были плохого качества, и при стрельбе ими оружие надолго выходило из строя. По этой причине Михайлов просил закупать только немецкие патроны, от стрельбы которыми не было никаких издержек²⁷⁸.

Интендантская часть также находилась в неудовлетворительном состоянии²⁷⁹, что в боевых условиях должно было крайне негативно отразиться на боеспособности наемников и вызвать большие потери. Этому способствовали китайцы, сеявшие между русскими рознь, неравномерно распределяя довольствие и осуществляя производство по чину²⁸⁰.

Подводя итоги инспекции, Михайлов выступил в роли унтер-офицерской вдовы, которая сама себя и высекла, поскольку отметил, что ими, меркуловцами, «дивизия доведена почти до катастрофического состояния»²⁸¹. В оправдание Нечаева стоит сказать, что он семь месяцев отсутствовал по ранению и не мог влиять на ситуацию, поэтому вся вина за состояние дивизии ложилась на Михайлова, Меркулова и Тихобразова. Оздоровлению обстановки не способствовало и то, что к зиме 1926/27 г. отношения между Нечаевым и Михайловым стали почти нетерпимыми. Пока Константина Петровича не было в отряде, Михайлов принимал все меры, чтобы очернить его работу и превознести себя. Он писал, что «до приезда Нечаева после ранения здесь работа пошла хорошо. С мая по октябрь изгнано из отряда 56 человек пьяниц и 10 большевистствующих. Из них 4 усажены в китайскую тюрьму каждый лет на 10. Страшно досадно, что не удалось застопорить Поздеева и Маракуева, а после их приезда вся работа остановилась. Каждую минуту приходится быть готовым узнать какую-нибудь мерзость. Внешне у меня отношения с Нечаевым холодные. Одно есть маленькое удовлетворение – «Русская группа» привилось и утвердилось как название нашего отряда в китайских головах. Задержка в

²⁷⁵ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.

²⁷⁶ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.

²⁷⁷ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.

²⁷⁸ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 40.

²⁷⁹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

²⁸⁰ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

²⁸¹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 42.

выплате жалования в 5 месяцев очень скверно действует на настроение людей и сильно ослабляет нажим для поддержания дисциплины»²⁸².

Михайлов пользовался любым удобным случаем, чтобы доставить неприятности Нечаеву и занять его место. Он раздувал скандалы, поднимал споры из-за увольнений Нечаевым тех офицеров, которые этого заслуживали, например интендантов-воров. Начштаба хотел узаконить порядок, при котором командир группы не мог бы уволить русского наемника без извещения Чжан Цзучана²⁸³. Нечаев мог решить кадровый вопрос русских без китайцев, и было бы и смешно, и унижительно бегать к Чжан Цзучану и отрывать его от дел по таким пустякам. Все это свидетельствует о том, что Михайлов из-за своих сиюминутных интересов наносил удар по всем белогвардейцам в китайской армии, так как своими действиями он все больше низводил русское руководство до уровня третьесортных офицеров, которые не могли шагу сделать без одобрения китайцев, которые ценой русской крови почивали теперь на лаврах.

Возвращение Нечаева к власти ознаменовало собой новое усиление русских позиций. При нем стало возможным назначение Чехова главой всей броневой дивизии и оттеснение в ней китайцев на вторые роли. К этому добавились трения с китайцами и высших русских офицеров. Генерал Чехов 8 ноября 1926 г. доносил тупану, что «генерал Лю Шиань – человек ненадежный, необразованный, по-русски мало знает, не исполняет приказов свыше и поэтому не подходит на должность командира бронедивизиона. Он уволен [Нечаевым] как совершивший беспорядок на железных дорогах, не соблюдающий воинскую дисциплину, дважды получивший жалование от Чу-до-до и генерала Ван и продававший оружие»²⁸⁴.

Увольнение генерала Лю Шианя стало возможным благодаря возвращению к командованию Русской группой Нечаева, который доказал факты махинаций с деньгами в его отсутствие и безобразного руководства без него вверенными ему частями.

Все это были очень тревожные звонки о состоянии Русской группы. Участились случаи увольнения даже офицеров среднего звена. Положение для нечаевцев спасало то, что уходившие из наемников «насовсем и окончательно» офицеры, как это сделал, например, в июле того же года есаул Пастухин, вновь возвращались туда²⁸⁵, и это происходило с ним несколько раз. Так, записавшись в отряд Нечаева 12 марта 1926 г., он уволился оттуда уже 30 июля того же года. Многократные увольнения и возвращения, фиксированные в документах, ввели в заблуждение некоторых историков. Так, А. В. О कोरोков пишет об уходе Пастухина, но не пишет, что он позже возвращался в отряд и окончательно уволился лишь в 1928 г.²⁸⁶ Возвращения бывших наемников в строй были связаны с тем, что «на гражданке» они не могли получить тех денег, которые зарабатывали кровью на китайской службе. То же самое происходило и с дезертирами-солдатами. Покрутившись «на воле» и увидев, что никуда не могут устроиться, они возвращались в свои части, зная, что им угрожает за дезертирство в мирное время наказание в три с половиной года тюрьмы²⁸⁷.

Если учесть начавшиеся задержки жалования, невыплаты пособий семьям убитых и раненых и постепенно усиливающееся во многом по этой причине дезертирство²⁸⁸, то станет понятным то, что перед командованием остро встал вопрос разрешения этих проблем, от чего зависел успех дальнейших операций и само существование Северной коалиции.

Долговременные задержки денег, по признанию Чжан Цзучана, были вызваны подготовкой к войне с Гоминьданом. Маршал выступил по этому поводу перед русскими, которые

²⁸² ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 140. Л. 89.

²⁸³ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 16. Л. 43.

²⁸⁴ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.

²⁸⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 128.

²⁸⁶ О कोरोков А. Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. М., 2004. С. 377.

²⁸⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 140.

²⁸⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 16. Л. 41.

начали роптать, и объяснял то, что они начали голодать, «временными трудностями». Однако отсутствие денег было вызвано и махинациями отдельных русских начальников, слухи о чем были донесены Чжан Цзучану, который назначил по этому поводу комиссию для разбирательства²⁸⁹.

Китайские маршалы, продолжая между собой войну, просмотрели новую силу, которая вызрела против них на юге. Уже в мае 1925 г., за полгода до этого, в Китае началась национальная революция. Целью ее было восстановление единства и суверенных прав Китая над своей территорией, а в числе главных врагов этого процесса рисовались «маршалы». Уже тогда на юге Китая началась подготовка к решительной борьбе с ними. При содействии СССР партия Гоминьдан во главе с Чан Кайши стала готовиться к решительной схватке с милитаристами, которые серьезно не рассматривали Гоминьдан и считали Чан Кайши новым «маршало-выскачкой», а потому продолжили грызню между собой вместо того, чтобы всеми силами обрушиться на него. Примером здесь им мог бы послужить У Пэйфу, неоднократно одерживавший победы над Чан Кайши. Пока Чан Кайши накапливал силы, маршалы тем временем тратили их в ожесточенной борьбе между собой. Накануне столкновения с Гоминьданом маршалы, опомнившись, когда уже было поздно, пытались вместе с Северной коалицией создать военный союз против Гоминьдана, куда вошли Сун Чуанфан и У Пэйфу²⁹⁰. Однако если полтора года назад они могли без особого труда покончить с Чан Кайши, то теперь перед ними был мощный противник, борьба против которого обещала быть долгой и кровавой.

«Подготовка к войне» с ним велась довольно странно, если учесть то, что даже в лучших русских боевых частях не было оружия и они были отвратительно экипированы. Китайские войска Северной коалиции, по данным белогвардейцев, выглядели еще хуже: «Китайская армия является вооруженной толпой без подготовленных офицеров. Прогресс выразился лишь в снабжении современным оружием и некоторой внешней выправке. Командный состав назначается по признаку родства, сходств, а не по знаниям»²⁹¹.

В таких условиях оставалось уповать лишь на русскую доблесть. О том, что наемники были готовы снова ее проявить, говорят многочисленные факты – даже в мирное время. Так, в июне 1926 г., во время урагана, когда создалась реальная опасность взрыва боеприпасов русского склада, мастер оружейной мастерской Ореков устранил ее, рискуя жизнью. За это он получил от командования благодарность и 20 долларов в качестве награды²⁹².

Как в военное, так и в мирное время многие русские офицеры несли свою службу очень достойно. Так, благодарное китайское население неоднократно выражало свою радость перед русскими начальниками за то, что в их деревнях находятся именно русские, которые не только не обижали население, но и защищали его от хунхузов. В благодарность за это оно подносило русским почетные подарки, например флаги и зонты с дарственными надписями. 18 июля 1926 г. такой зонт «за заботу» получил полковник Сидамонидзе²⁹³. В августе 1926 г. «за хорошее отношение и защиту от хунхузов» летом того же года приветственный адрес от 71 деревни был преподнесен русской Инженерной роте²⁹⁴.

Готовность же русских к новым сражениям была на довольно низком уровне. Во многом из-за русской беспечности работа в этом отношении почти не велась. Примером этого является служба русских офицеров-инструкторов в 165-й китайской бригаде 65-й дивизии. 24 сентября того же года среди ее чинов были проведены стрельбы. По их результату русская комиссия дала

²⁸⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 300.

²⁹⁰ Смирнов С. Русские эмигранты в китайской армии (1920–1928 гг.) // Белая армия. Белое дело. 2003. № 13. С. 90.

²⁹¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.

²⁹² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 124.

²⁹³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 137.

²⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 168.

такой отзыв: «Работа инструкторов велась неудовлетворительно, что особенно сказалось при их стрельбе»²⁹⁵. Отчасти такие результаты были следствием почти полного отсутствия оружия в этой бригаде. Через месяц там была проведена еще одна проверка, выявившая, что солдаты не только не умеют стрелять, но даже не знают, как правильно маршировать. Вывод комиссии от 19 октября был неутешительным: к бою данная бригада была негодна²⁹⁶.

Перед началом боевых действий против Чан Кайши Тихобразов отмечал, что «штаб Русской группы не решил инструкторского вопроса», но, несмотря на это, неподготовленные части выдвинули на фронт²⁹⁷. Он отмечал, что «инспекции частей, подчиненных штабу, не существует. Части и инструктора живут совершенно самостоятельно друг от друга, не имея общего руководства и наблюдения»²⁹⁸. Это должно было дать печальные результаты в ближайшем будущем.

Кроме того, разведка и осведомление как в китайских войсках Чжан Цзучана, так и в Русской группе в то время носили спорадический характер. Если для разведки было необходимо выделение дополнительных средств, то для информирования частей, месяцами пребывающих в неведении о ходе военных действий, этого не требовалось. Отсутствие информации нередко приводило к возникновению панических слухов и бегству воинских частей с поля битвы. Сводки военных действий излагались из старых газет и не могли удовлетворить потребность частей в информации. Угнетающе и разлагающе действовало на воинов и то, что у них отсутствовала связь с теми городами, откуда были родом пополнения и откуда эти части снабжались²⁹⁹.

Видя активизацию Гоминьдана, начальство в ожидании столкновения с ними стало принимать экстренные меры для исправления ситуации. С конца октября в русских частях начались учения, в том числе были опробованы первые ручные гранатометы. Первые стрельбы из них были не совсем удачными – нередко гранатометы разрывало или разрыв гранаты происходил преждевременно. Так, при стрельбе из них 26 октября были убиты двое и ранены шесть человек, в основном унтер-офицеры³⁰⁰. Из-за частых несчастных случаев при стрельбе гранатами было решено набрать в роту по пять китайцев, чтобы не рисковать жизнью русских³⁰¹.

Уже с 1 декабря 1926 г. отдельные русские части стали выдвигаться на фронт, в том числе против хунхузов³⁰².

Видя, что русские части являются самыми боеспособными, Чжан Цзучан стремился любым способом добиться их расположения. Так, по его распоряжению на русском кладбище были установлены памятники павшим наемникам в Цинанфу: «На православном кладбище, где похоронены погибшие офицеры, солдаты и казаки, воздвигнут памятник в виде высокой гранитной скалы, увенчанной восьмиконечным крестом. На памятнике высечена надпись на русском, английском и китайском языках: «Светлой памяти русских воинов, погибших в рядах Шаньдунской армии в борьбе с большевиками». Рядом на мусульманском кладбище, в честь погибших воинов-мусульман, построен памятник в виде каменного минарета с золотым полу-месяцем наверху. Оба памятника сооружены заботами Штаба Русского отряда, на отпущенные деньги Чжан Цзучаном»³⁰³.

²⁹⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 193.

²⁹⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 234.

²⁹⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 29. Л. 3.

²⁹⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

²⁹⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 29. Л. 4.

³⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 252.

³⁰¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 302.

³⁰² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 314.

³⁰³ Возрождение. Париж, 1926. 6 декабря.

Вполне возможно, что Чжан Цзучан являлся единственным китайцем, награжденным орденом Святого Георгия Победоносца. Награждение произошло 9 декабря 1926 г. по постановлению общего собрания георгиевских кавалеров. Маршала наградили самой низшей, но почетной солдатской 4-й степенью этого ордена «за его личное мужество и беззаветную храбрость в боях с большевиками и их союзниками. Белый маршал был чрезвычайно растроган и благодарил русских за оказанную ему честь»³⁰⁴. На другой день в своем дворце он наградил русских офицеров орденом Тучного колоса. Кроме того, низшей степенью этого ордена он наградил всех солдат и казаков.

В состоянии, которое было далеко от подготовленного к столкновению с таким могучим противником, каким был Чан Кайши, и застало русских наемников секретное распоряжение Михайлова от 11 декабря 1926 г. о начале подготовки русских к войне против Гоминьдана. Это стало реакцией на полученное штабом Русской группы секретное сношение из штаба Чжан Цзучана от 3 декабря, в котором говорилось, «что предстоит тяжелая и упорная война с красным Кантоном». Михайлов в своем распоряжении сообщал командирам русских частей: «Враг силен, почему должны все, от генерала и до солдата, помнить это и знать, что война не может быть окончена, если противник не будет уничтожен вовсе. Наша победа над большевизмом в Китае несет этой стране мир, государственность и культуру»³⁰⁵. Для подготовки к борьбе с Чан Кайши командование рекомендовало командирам русских частей обратить внимание на определенные моменты. В частности, в секретном распоряжении предписывалось: «1. Обращать внимание на жителей в тылу расположения частей и особенно на рабочих; 2. Бдительно следить, чтобы противник не сделал порчи полотна железной дороги и тем не вызвал крушения воинских эшелонов, идущих на фронт и с фронта. Рекомендуется усилить охрану железной дороги путем найма стражей; 3. Места складов огнеприпасов строго охранять и не допускать к этим местам посторонних людей. Причем если явится подозрение, что кто-либо из посторонних проявляет интерес к охраняемому, то таковых людей задерживать и направлять к начальству; 4. В районе военных действий избегать занятия частями для стоянки городов и других населенных пунктов, жители которых относятся к нам враждебно. Не допускать посещения воинских частей посторонними, особенно рабочими и женщинами. Последние, по сведениям разведки, использованы врагом как агитаторы. Предложить жителям театра военных действий покидать свои поселки, чем может быть предотвращена возможность противнику настроить против нас этих жителей и особенно рабочих и учеников и через них вызвать беспорядки в нашем тылу; 5. Командирам подразделений жить в их расположении или вблизи их квартирования. Постоянно наблюдать за разумным и справедливым отношением начальника к подчиненному и старших к младшим. Строго держать порядок и дисциплину в частях. Разумно и осмотнительно накладывать на провинившихся взыскания. Начальникам быть везде примером для подчиненных, следить за довольствием солдат и за тем, чтобы им выдавалось то, что положено; 6. В боевой обстановке должны быть широко использованы опорные пункты и естественные рубежи, которые должны быть укреплены окопами. На рытье окопов должно быть истрачено времени: на окоп для стрельбы лежа – 2 часа, на окоп для стрельбы с колена – 4 часа и на окоп «стоя» – 8 часов. За 12 часов окоп должен быть сделан с крышей и маскировкой. Необходимо в этом случае пользоваться мешками и другими предметами, которые найдутся на месте; 7. Аэропланами противника управляют красные русские летчики, поэтому надо стремиться скрыть от их взоров свои позиции, стоянки и передвижения. Применять стрельбу по аэропланам из артиллерии и пулеметов. Теперь же усвоить правила стрельбы по аэропланам, где это не пройдено до сих пор; 8. Бережно расходовать боеприпасы. Это вызывается не отсутствием таковых, а тем, что противник – упорен и силен, военные действия могут затянуться и подвоз с

³⁰⁴ Там же. 1927. 18 января.

³⁰⁵ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 5. Л. 1.

тыла их может задержаться разными обстоятельствами. Особенно не рекомендуется производить напрасной стрельбы из пулеметов и бомбометов. Стрелять нужно только тогда, когда цель известна и видна и есть надежда на ее поражение; 9. Не ослаблять боевых рядов напрасным расходом людей на сопровождение в тыл больных и раненых. Это должны выполнять санитары и медицинский персонал. Необходимо назначить начальников тыла военных действий, которым вменяется в обязанность к нарушающим установленные требования применять законы военного времени; 10. Не занимать под построй частей передвижной состав, неукоснительно выполнять требования начальников передвижения войск. Не вмешиваться в сферу действий железнодорожных агентов и гражданских властей на местах. Для погрузки в вагоны и выгрузки из них воинских частей определяется время: для пехоты – 2 часа, для артиллерии и конницы – 4 часа и для грузов (провиант и прочее военное имущество) – 6 часов; 11. Широко производить разведку как местности, где предстоит встреча с противником, так дорог и направлений движения воинских частей. Разведку делать не только войсками, но также прибегать к мирным жителям и даже женщинам. Разведчиков рекомендуется высылать под видом почтальонов и перебежчиков; 12. Продукты, оставленные противником, необходимо употреблять в пищу только тогда, когда их осмотрит врач и признает, что они не отравлены; 13. Выступая в поход, брать с собой только небольшой запас вещей, дабы не загромождать обозы лишним грузом; 14. В команды связи, телеграфистов, телефонистов и ординарцев назначать людей расторопных, обладающих хорошей памятью, слухом и зрением; 15. Если какая-либо воинская часть и понесет большие потери, это еще не обозначает неуспех дела. Нужно не поддаваться панике, не верить слухам и не терять духа. Надо верить в победу над врагом и в благоприятный исход нашего дела. Вера в свои силы и стремление победоносно закончить войну знаменует успех. Эту веру нужно уяснить и привить солдатам; 16. Всякие проступки и преступления, как уголовные, так и нарушающие воинские уставы, должны караться по всей строгости воинских законов применительно к военному времени»³⁰⁶. Специально для русских 30 декабря командованием было сделано объявление, в котором провозглашалась обязательность уважения к мирному населению «южан», живущих за рекой Янцзы. В нем также говорилось: «Строго воспрещено на южной стороне Янцзы вступать в сношения с женщинами, так как они – распущенны, что может привести к плохому концу»³⁰⁷.

Русские пытались формировать отряды и для Чу Юпу (Чжан Сучина), пожелавшего получить их себе зимой 1926/27 г. Неудачную попытку создания такого отряда в Тяньцзине предпринял генерал Карнауков из артели оренбургских казаков, во главе которой он находился. По сведениям генерала Бангерского, «Карнауков потерял доверие и уважение артели тем, что собрал людей, сдал их на поезд, но сам не поехал. Это окончательно подорвало веру в него, и это объединение распалось»³⁰⁸.

По данным французской разведки, вооруженные отряды русских эмигрантов в это время появились на службе у другого маршала, Шань Сутышана, также настроенного антисоветски. При этом французы не исключали возможности боевого применения этих отрядов против СССР³⁰⁹.

Тогда маршалы стали искать других белых вождей, которые могли привлечь оставшихся не задействованными в китайской армии 20 тысяч русских, живущих на Дальнем Востоке. Они обращались с такими предложениями к генералам Глебову и Савельеву. Савельев дал на это положительный ответ, но реально ничего не смог сделать, так как все, кто хотел, уже побывали в наемниках и не желали еще раз попробовать судьбу. В итоге он присоединился с небольшой

³⁰⁶ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 5. Л. 1, 2.

³⁰⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 320.

³⁰⁸ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 143. Л. 229.

³⁰⁹ РГ ВА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 27348. Л. 247.

группой белогвардейцев к Нечаеву. По данным Бурлина, «Глебов, как более разумный, такого ответа не дал»³¹⁰. Глебов и Бурлин выступали против таких попыток, видя возможность распыления русских наемников по войскам разных маршалов и, как следствие этого, потерю значимости русской силы. Глебова даже просили не участвовать в китайской войне, чтобы еще больше не разобщать и без того скромные силы русских. Сам Глебов вообще отрицательно смотрел на использование русских как «пушечного мяса» на фронте и выступал за то, чтобы русских использовали исключительно как инструкторов³¹¹.

Число бойцов Русской группы не превышало тогда 2400 человек. Генерал Нечаев еще в начале года хотел довести численность русских до 5 тысяч человек и «русско-китайскую часть» до 8 тысяч человек. Это была бы ударная группа, которой было бы достаточно для прорыва фронта противника в любом месте и нанесения ему чувствительных ударов. Но ввиду того, что Нечаев был ранен, все его начинания как-то зачихали, ибо его заместители не обладали той авторитетностью и тем более боевым счастьем, которые имел он сам³¹².

Кампания февраля – декабря 1927 г.

В феврале русские части были переброшены на юг, где приняли участие в разгроме части сил У Пэйфу. По сообщению средств массовой информации, «авангард армии Сун Чуанфана, вошедшего в Северную коалицию, состоящий, главным образом, из Русского отряда, атаковал войска У Пэйфу после прекращения перемирия между ним и Чжан Цзолином». Некоторые современные историки ошибочно пишут, что У Пэйфу в июне – октябре 1926 г. был разбит Чан Кайши, «после чего сошел с политической арены»³¹³. Это не так. До своей смерти в 1939 г. У Пэйфу продолжал играть в Китае хотя и не прежнюю, но большую роль, и даже в 1928 г. он наносил Чан Кайши крупные поражения. Но тогда отряд Нечаева одержал решительную победу над У Пэйфу в серьезных боях в Хонане. Оттуда сообщали, что «разбитые войска У Пэйфу бегут в горы». Однако есть данные, что разбитые Нечаевым войска раньше откололись от У Пэйфу из-за агитации гоминьдановцев и были ему не подчинены. В результате У Пэйфу заключил с северянами мир и союз против Чан Кайши.

В начале 1927 г. Сун Чуанфан наградил Нечаева «за защиту мирных жителей от хунхузов и за гуманное отношение русских к населению» высшей наградой коалиции – гражданским орденом Тучного колоса 2-й степени³¹⁴.

Это стало возможным после сближения Чжан Цзучана и Сун Чуанфана при усилении Чан Кайши. Вслед за этим, 5 марта, они заключили военный союз с генералами провинций Цзянси и Аньхой. Для руководства предстоящими операциями был создан единый штаб Ангоцзюн³¹⁵, что усложнило снабжение войск. Русские столкнулись с тем, что на юге Китая они получали снабжение через специальные органы по заранее выдвинутым требованиям³¹⁶. Китайская военная система страдала многими недостатками, и усложнение снабжения приводило к тому, что получить все необходимое было тяжело.

Начало года прошло в подготовке боевых действий против Чан Кайши. В конце февраля русские выдвинулись к Нанкину и Шанхаю, где заняли позиции. В это же время, 8 марта, Чжан

³¹⁰ РГ ВА. Ф. 198. Оп. 2. Д. 140. Л. 41.

³¹¹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 140. Л. 41.

³¹² ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

³¹³ Окороков А. Русские добровольцы. Неизвестные войны XIX–XX вв. М., 2004. С. 228.

³¹⁴ Возрождение. 1927. 13 февраля.

³¹⁵ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 16.

³¹⁶ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 17.

Цзучан, несмотря на прежний неудачный опыт, снова решил создать из русских и китайцев гибрид: 7-й особый полк из китайских солдат и русских унтер-офицеров и офицеров³¹⁷.

По его мнению, под русским командованием китайцы должны были приобрести боевые качества белых. Поэтому маршал обязал готовить китайцев по русским уставам «применительно к условиям и быту жизни» и дал русским разрешение на строительство этого полка по их усмотрению³¹⁸.

Эту мысль подсказали Чжан Цзучану русские офицеры, недовольные своим назначением, желающие создать новое подразделение, получить желаемую должность. Из-за этого пришлось отвлечь десятки русских военных специалистов от и без того слабых по составу частей 65-й дивизии.

С первых дней существования нового полка командованию пришлось бороться с тем, что многие офицеры носили не те погоны, какие должны были носить «по своему китайскому чину», а те, которые считали нужным³¹⁹.

Главной ошибкой Чжан Цзучана было то, что он допустил огромную задолженность перед своими войсками, и главным образом перед русскими. Накануне схватки с Чан Кайши, 20 февраля 1927 г., Тихобразов предупреждал его, что в случае сохранения подобной ситуации в будущем русские части в китайской армии перестанут существовать³²⁰.

Он отметил, что «возможность заимствования из кассы Меркулова в критические моменты приучила китайское интендантство относиться к требованиям штаба Русской группы без серьезности. Существующее положение объясняется отсутствием заботливости начальствующих лиц»³²¹.

Он обратил внимание командования на то, что работа штаба Русской группы ведется неудовлетворительно. При этом даже его штаты не были утверждены, без чего работавшие в нем офицеры не могли даже получить жалованье и довольствие. Он отметил, что плохая работа штаба крайне отрицательно сказывается на всех русских³²².

Но то ли думал Чжан Цзучан, что русским деваться некуда и они будут служить у него на любых условиях, то ли он вообще ни о чем не думал, но положение не улучшалось, а месяц от месяца становилось все хуже.

2-й Особый конный полк и операции против хунхузов и хун-чен-хуев («красные пики»)

Операции против хунхузов стоят на особом месте в списке ратных дел русских. Наемников неоднократно привлекали к операциям по ликвидации так называемых «красных хунхузов»³²³, не подчиняющихся Северной коалиции, грабивших мирное население и разрушавших тылы войск. Часто такие хунхузы действовали по заданию коммунистов, Фына и Чан Кайши. Белогвардейцы не раз участвовали в операциях против хунхузов с самого начала своей службы у Чжан Цзучана. Наиболее заметной экспедицией против бандитов был рейд в октябре 1924 г. и описанная выше операция во время весенне-летнего перемирия 1925 г. в июле и августе. Эти экспедиции нанесли бандитам серьезный удар, но не покончили с этим явлением не только из-за плохой помощи китайских войск, но и из-за нестабильной экономической ситуации. В

³¹⁷ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

³¹⁸ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 13.

³¹⁹ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 15.

³²⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 29. Л. 1.

³²¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 29. Л. 6.

³²² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 29. Л. 7.

³²³ Название получили по названию их союза – «Красного общества».

ноябре 1925 г. – июне 1926 г. против «красных хунхузов» у русских была настоящая война, к которой был подключен 2-й Особый конный полк полковника В. С. Семенова. Это произошло во время очередного перемирия³²⁴. Несмотря на возобновление боевых действий в феврале – апреле 1926 г., 2-й конный полк продолжал операции против хунхузов. Семенову не раз подавались тогда благодарственные письма. Так, 3 февраля, находясь в уезде Лэу провинции Шаньдун в местечке Янзо, Семенов получил от старейшины этого района Лан Сиюна благодарность, в которой говорилось: «Дивизион Вашего полка отдыхал в нашем городке два дня, никого не обидели и за все, что покупали, сразу платили деньги, будучи справедливы в отношении цены. В отношении населения они были очень вежливы, видимо, Вы их хорошо обучили, и мы благодарим Вас, о чем и сообщаем»³²⁵.

Операции против хунхузов были успешными, и полк В. С. Семенова освободил от них целые районы. Китайцы не раз благодарили русских избавителей за то, что они разогнали местную братву. 10 февраля 1926 г. Семенов получил от местных жителей такие послания: «Очень благодарим русские части за освобождение нас от хунхузов. Ваш полк по уничтожению хунхузов стоял в наших деревнях. С жителями Ваши солдаты обращались хорошо, и когда они уходили, то все население их провожало. Старшины деревень Лю-чен-дзо Чжан тин-тин, Лю-тин-чжан, Тя-лен-те, Чи-тин-сян. Подписались представители деревень Ма-ти-чен, Нижний Ма-ти-чен, Ма-зе-тун, Ма-хан вин, Чжан-це-дзо, Тя-це-дзо, Чен-це-цо»³²⁶.

К весне 1927 г. положение усугубилось тем, что разложившиеся резервные войска зачастую соединялись не только с хунхузами, но и уходили к Фыну и Чан Кайши и вредили населению и тылу Северной коалиции. Чжан Цзучан поручил русским разоружить части «резервов», а в случае необходимости применить против них оружие³²⁷. При этом ставил задачу помогать там, где надо, отрядам самообороны – хун-чен-хуям, в случае их лояльности новой власти. Там, где они проявляли враждебность, поддерживали хунхузов и вредили Северной коалиции, – уничтожать их³²⁸. Но главной задачей стала ликвидация бандитов. Боевые действия осложнялись тем, что войска Чжан Цзучана испытывали трудности с боеприпасами, по причине чего русским накануне операций начала 1927 г. предписывалось «экономно их расходовать из-за трудности пополнения ими»³²⁹.

Одной из самых ярких операций против хунхузов стали действия 2-го Особого конного полка генерал-майора В. С. Семенова в феврале – мае 1927 г. Эти операции позволили оздоровить полк, чины которого, находясь в бездействии почти год, начали пьянствовать. Действия В. С. Семенова с 18 февраля носили очень удачный характер. На начало марта он потерял лишь одного легкораненого ротмистра Нагибина, хотя с хунхузами было несколько крупных сражений. К этому времени русские отбили у бандитов более 500 заложников, за которых те требовали у их родственников деньги и захватили много имущества. Полк продолжал операции против хунхузов даже тогда, когда на фронте Чан Кайши в районе Нанкина – Шанхая войскам Северной коалиции было нанесено жестокое поражение. К 26 апреля 1927 г. число потерь русских в боях с хунхузами выросло и составляло 10 убитых, из которых один был офицером. Раненых было 11 человек, в их числе был сам В. С. Семенов. Тихобразов и Михайлов писали ему, чтобы он не лез в пекло, «когда не надо», и «не особенно резвился». Он получил легкое ранение в ногу, которое до конца боя никому не показывал. По оценке штаба Русской группы, «Семенов действовал очень хорошо. Солдаты очень довольны – отобрали у хунхузов много

³²⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

³²⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 24. Л. 60.

³²⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 24. Л. 52, 56.

³²⁷ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

³²⁸ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.

³²⁹ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 119.

серебра»³³⁰. Экспедиция против хунхузов способствовала укреплению авторитета русских в Китае среди мирных жителей и способствовала закреплению тыла за войсками Северной коалиции.

Во время этих экспедиций, особенно летом 1927 г., русские кавалеристы столкнулись с отрядами самообороны – хун-чен-хуями, не желавшими пропускать их через свою территорию и давать фураж и продовольствие. После этих столкновений отношение к «русским» еще больше изменилось. Немецкий агент Кунст писал: «Я часто слышал, как китайцы с большим удивлением отзывались о «ламезах», которые долгое время считались непобедимыми, благодаря специального рода оружию – бронепоездам. Русские пользовались славой, что против них нельзя применить никакого колдовства. Это имело место в последнее лето в провинции Хонан в борьбе против «красных пик». От этих плохо вооруженных крестьянских толп китайские войска часто бежали, так как «красные пики» перед боем колдовали, то есть глотали кусочки бумаги и верили, что благодаря этому они не могут быть поражаемы, пока записка находится в теле. Время показало, что это колдовство от русских пуль не спасает, но китайские солдаты на указания русских, пожимая плечами, говорили: «Это потому, что вы – русские, но у нас это дело другое»³³¹.

Битва за Нанкин и Шанхай

Накануне сражения за Шанхай офицер-нечаевец В. Орехов дал интервью: «Ясно, что Шанхай кантонцы возьмут. Здешние шандунские войска ненадежны, командование их – неискреннее и говорят о предательстве. Но если Шанхай падет, это будет ужасно... Китайцы озлоблены против белых, будет резня. Ими руководят большевики. Недавно в сражении под Чу-Шинь-Ляном нами был захвачен в плен батальон южан. Русский отряд всегда избегает всяких расправ, понимая, что то дело, которое он творит, далеко не китайское, а подвиг международного значения. В этом батальоне оказалось три красных командира, двое русских, бывших офицеров-курсантов красной армии, один, Гирлис, наполовину венгр, наполовину чех, коммунист, «политический комиссар». Первые двое с раскаянием перешли к нам, третьего пришлось расстрелять, так как как было доказано, что он – автор кровавых расправ и грабежей по пути следования батальона. Китайских солдат мы распустили по домам. Через день они уже были в шандунских войсках. Людям так импонирует сытая и вольная жизнь солдата, что они, забывая о риске для жизни, идут с кем и за что угодно. Что же Вы думаете? По поводу расстрела Гирлиса советский генконсул в Шанхае заявил протест командующему войсками, поддержанный старейшиной дипломатического корпуса в Китае, английским консулом. Вот уж поистине: глупость или измена? Уже больше недели английское консульство и концессия подвергаются нападениям коммунистических элементов, в городе – брожения и забастовки, комитет коммунистической секции Гоминьдана тайком ночью расклеил плакаты, призывающие к немедленной расправе с иностранцами, особенно англичанами. В некоторых частях города английский солдат не может показаться на улицах, так как все время происходят убийства из-за угла. Конфискован склад коммунистической литературы, присланный из Совдепии. Китайские власти, нарушив экстерриториальность, арестовали в советском генконсульстве опаснейших шпионов и агитаторов-коммунистов. А английский генеральный консул спокойно и бюрократически, воспитанно ставит свой гриф на протесте врагов, которые, в случае падения Шанхая, первым повесят его самого! Вчера говорил с английскими офицерами, они волнуются и боятся. Что могут сделать несколько батальонов с несметными полчищами озверевших желтых людей, к тому же руководимых искусными в делах расправы палачами? Они прекрасно понимают весь

³³⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 56, 58, 59, 74, 75, 94.

³³¹ ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

ужас положения, трагического и смешного в то же время, так как им запрещены «агрессивные действия против наступающего врага, они могут защищаться, только столкнувшись с китайцами лицом к лицу». Русскими отрядами затыкают все дырки на фронте. Мы играем роль ударных батальонов 1917-го года, деремся, как львы, до потери жизни, так как знаем, какая ужасная смерть там: китайцы обезглавливают русских и головы их носят на пиках, как трофеи. С другой стороны, лучше умереть в бою, чем быть замученным в подвале палачей. Объясните это вашим Милюковым, и пусть они хоть немного поймут психологию людей, которые хотят жить или если даже и умереть, то с пользой для общего дела. Сейчас общее стратегическое положение очень невыгодное для Чжан Цзолина. Однако его армия в смысле боеспособности несравненно лучше и дисциплинированнее кантонской, хуже снабжение и артиллерия»³³².

Войска северян под Шанхаем не выдержали удара гоминьдановцев и побежали. В самом городе, на Северном вокзале, стоял русский бронепоезд «Чан-Чжен» («Великая Стена»), принявший неравный бой, о котором несколько дней взхлеб твердили все мировые информгентства. Его команда составляла 64 человека, а командиром был полковник Я. Н. Котляров. При наступлении кантонцев 20 марта железная дорога Шанхай – Нанкин была прервана. В то же время после полудня в воскресенье 20 марта бронепоезд получил приказ адмирала Пи Шучена, командовавшего шанхайской группировкой, двинуться по направлению к Камину и пробиться в Сучфоу, в направлении Нанкина. С ним пошел китайский бронепоезд «Суннчо». К китайцам для поднятия боевого духа присоединились майор Курепов и машинист Кузнецов. В нескольких верстах от станции путь оказался разобран, а железнодорожная насыпь – скрыта, и, пока команда исправляла его, «железный дракон» подвергся обстрелу со стороны кантонской армии. Завязался жаркий бой, во время которого бронепоезду пришлось пробиваться через окружение кантонцев. Один момент положение бронепоезда было настолько критическим, что команда получила приказ попробовать пробраться на иностранную территорию Шанхая и взорвать броневик. Но к этому последнему средству не пришлось прибегнуть, так как бронепоезду удалось пробиться обратно без потерь. Обстреляв противника, разнеся «все на свете», «Великая Стена» пошла назад. Но русскому бронепоезду пришлось идти уже в одиночестве. «Суннчо» сдался кантонцам. В руки озверевшего врага попали Кузнецов с Куреповым, принявшие мученическую смерть.

Утром 21 марта предместье Чапей захватили южане, куда подошли их сторожевые корабли, высадившие там десант, что стало сигналом к выступлению коммунистов по всему Шанхаю. На Северный вокзал, где стояли бронепоезд «Великая Стена», состав адмирала Пи и несколько эшелонов китайских войск, напали рабочие, захватившие полицейские участки и добывшие там оружия. Отряды северян в панике бросились бежать во все стороны. Началась агония власти Пи. По вокзалу растерянно метались его приближенные. В это время в город вливались волнами партизанские отряды. Дебоширили коммунисты. Шла резня и массовый грабеж. Время от времени между шайками, грабящими город, возникали ожесточенные схватки. Из китайской части города на вокзал градом посыпались пули. Сунчуанфановцы растерялись. Часть из них примкнула к грабителям, часть оказывала слабое сопротивление. К 22 часам 21 марта на Северном вокзале имелось всего около 500 китайских солдат и русский бронепоезд. Началась самая дикая анархия.

Положение было серьезным. Для подъема духа северян адмирал Пи приказал начать обстрел охваченного анархией района. Броневик начал огненное извержение из всех орудий и пулеметов. Группы жавшихся к нему сунчуанфановцев подкрепляли обстрел огнем минометов и полевых орудий. Тысячи восставших и сотни домов сметались с лица земли. Через час после начала бомбардировки вокруг станции бушевал огненный океан. Несмотря на большие потери, повстанцы все же продолжали напирать. Наряду с ними и защитники вокзала несли

³³² Возрождение. Париж, 1927. 1 апреля.

тяжелые потери. В это время повстанцы пытались атаковать броневик при помощи регулярных кантонских частей. Вокзал подвергся массированному обстрелу при помощи подведенной южанами артиллерии, в атаку на него устремились тысячи бойцов. Русские первыми стали отражать нападение, пустив в ход пулеметы и бомбометы. Враг подошел к вагонам так близко, что действовать орудиями было уже невозможно, и тогда в ход пошли ручные гранаты. Нападавшие осыпали пулями со всех сторон, скрываясь на крышах домов, за каменными стенами и т. п. В это время выяснилось, что Пи бросил на произвол судьбы своих подопечных и бежал. Его солдаты и русский бронепоезд были уже отрезаны и отступить не могли.

Чтобы облегчить свое положение, опасаясь того, что артиллеристы противника пристреляются, бронепоезд начал маневрировать взад и вперед по небольшому участку рельс, оставшегося в его распоряжении, усиленно отстреливаясь. Изолированная от своих, среди враждебного города, горсть русских желала подороже продать свою жизнь. Когда выяснилось бегство Пи, на военном совете частью офицеров, учтя безвыходность положения, было предложено выйти из бронепоезда и пробиться к международной концессии, но из-за малочисленности его команды и огромной массы противника сделать это многим не удалось. Бронепоезд больше суток маневрировал у Северного вокзала, ведя перестрелку с увеличивающимися многотысячными силами противника. Двое русских, отбившихся от отряда, были схвачены кантонцами и обезглавлены на виду английских солдат. Команде бронепоезда кантонцы предлагали перейти на их сторону, но русские отказались. По примеру прошлого они знали, что им пощады не будет, и решили сражаться, пока не кончатся патроны, оставив последние из них для себя. Эта часть команды осталась и продолжала бой.

Несмотря на проявленное упорство, захватить броневик кантонцам никак не удавалось. Против него кантонцы сосредоточили большие силы, плотным кольцом окружили его, засыпали снарядами, но он по-прежнему методично вел обстрел приближающихся к нему вражеских цепей, допуская их к себе почти вплотную и расстреливая в упор из пулеметов и минометов. Снаряды броневика наносили страшные потери южанам, так как на нем были морские орудия крупного калибра. Один такой снаряд мог запросто развалить целый дом. Русские минометчики, пристрелявшись, сносили одну за другой крыши домов, на пороге залезали их враги. Броневик все время продвигался, желая нанести наибольший урон противнику. До вечера 23 марта броневик продолжал сражаться.

Кроме страшных потерь со стороны южан, у них не было никакого результата. Охватив вокзал полукольцом, они усилили обстрел и ждали момента, когда у его защитников иссякнут боевые запасы. Но бронепоезд был загружен ими под завязку, и русские не прекращали бомбардировку. Все ведущие газеты мира писали в те дни о героическом бое бронепоезда Котлярова. Корреспондент «Таймс» упоминал еще 23 марта, что русский бронепоезд храбро обороняется в квартале Чапей от непрестанно атакующих его коммунистических шаяк. Коммунистическая «Юманите» клеветнически изображала действия белогвардейского бронепоезда: в ней говорилось о грабежах в Шанхае, совершаемых солдатами Сун Чуанфана. Газета добавляла: «Белые русские с бронепоездом присоединились к кровавой оргии. Медленно двигая его взад-вперед между Северным и Северо-Восточным вокзалами, они стреляли из пушек и пулеметов без видимой цели, кроме желания извести снаряды и причинить как можно больше убытков китайскому народу...»³³³

Постепенно и оставшейся части команды бронепоезда стала очевидной бесполезность дальнейшего удержания вокзала: помощь не приходила, и они остались один на один против армии Чан Кайши и банд коммунистов. Небольшими группами по два-три человека, среди гор мертвых тел, под пулями партизан, между стен огня, пошли русские «под защиту иностранных держав». Однако здесь, у колючей проволоки, дорогу к жизни им преградили бри-

³³³ Там же. 24 марта.

танские солдаты. Англичане отказали русским в убежище. Последним оставалось тем же путем возвратиться в свою стальную могилу. Положение становилось критическим. В конце концов Котляров собрал оставшихся людей и, отогнав кантонцев массовой стрельбой, полный решимости, отправился к заставе у прохода.

Была уже ночь, но огонь пожаров освещал дорогу, как днем. Ослабевшие от потерь партизаны ночью не решились возобновить штурм. Оставленный русскими вокзал продолжал оставаться незанятым. У застав сверкнули английские штыки. Англичане медлили с пропуском. Для русских, остающихся в китайском городе, положение становилось отчаянным. Обнаружив бездействие своего главного ободрителя, бронепоезда, сунчуанфановские солдаты стали стекаться к месту ожидания русскими пропуска. Пропустить китайцев в свою концессию англичане отказались категорически. Обозленные и испуганные, они стали тащить русских назад: «...Ваша еще маломало работай. Наша шибко боись... Ваша бери сколько хочешь денег... Без ваших – наша смерть...» Отказ вернуться на боевые позиции страшно озлобил теряющих свою последнюю соломинку солдат. Обнажились мечи, употребляемые китайцами при казни. На русских были направлены сотни винтовок. В этот момент от английского командования, на которое надавили входившие в охрану селтльмента русские волонтеры, пришло милостивое разрешение «впустить русских». Команда бронепоезда прошла мимо шеренг англичан, уже приготовившихся к бою. Она прошла, недосчитавшись шести человек, которые остались на вокзале. Снова заработали, подбадривая обрадованных сунчуанфановцев, скорострельные пушки. Еще половину суток шел бой. Еще половину суток держала горсточка русских залившую кровью и раскаленным огнем «командную высоту». Наконец вражеская лавина залила последний очаг борьбы. Каким-то чудом двое русских все же сумели спастись. Вместе с остатками сунчуанфановцев они были пропущены с разрешения англичан в селтльмент, где были интернированы. Четверо русских попали в руки палача, и их убили на глазах английской заставы, «сохранявшей при этом полное самообладание»³³⁴.

В Шанхае находились два броневика Русской группы. Один из них, «Синьцзян» полковника Михайлова, вернулся удачно в Нанкин перед боем.

Оставшаяся группа Сун Чуанфана была почти целиком уничтожена в неравном бою. Вскоре Пи самонадеянно пробрался к Чжан Цзучану. Целую неделю после поражения у Шанхая и затем у Нанкина шаньдунский тупан, по свидетельству русских, находился «в страшно угнетенном состоянии» и его войска, в том числе и белые, были предоставлены сами себе³³⁵. Отыгрался он за это поражение на Пи и других мелких фигурах, которых по его приказу казнили. По русским данным, «все это произвело впечатление»³³⁶.

В разгар Северного похода сил Чан Кайши в Нанкин, которому угрожала опасность с их стороны, были стянуты части Нечаева. К озерам у реки Янцзы, на самое угрожаемое направление, была направлена русская бригада пехоты генерала Макаренко. Это была ударная часть сотысячного заслона войск Северной коалиции.

Войска Гомиьдана успешно провели десантную операцию через озера у Янцзы и убили по северянам, в центре которых находились два русских полка. К тому времени войска северян были деморализованы невыплатами жалованья, плохим питанием и обращением командования. Китайские части не получали денег 15 месяцев, а русские – полгода. Тихобразов так писал об этом: «Вот Вам и ландскнехты, как думают некоторые. Вряд ли найдутся ландскнехты, служащие без жалования»³³⁷.

³³⁴ Там же. 21 апреля.

³³⁵ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 1.

³³⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 67, 69.

³³⁷ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 23.

Поэтому при наступлении войск Гоминьдана у Нанкина силы коалиции дрогнули на флангах и побежали почти без нажима врага, бросив нечаевцев. Русскую пехоту поддерживал лишь один бронепоезд. Русские, не зная о бегстве соседей-китайцев, приняли бой в невыгодных условиях, сдавленные холмами и топкими рисовыми полями, против превосходящего по численности и вооружению противника. Как писал А. И. Черепанов, красный военный специалист Гоминьдана, «советник Чана А. Черников специально подготовил заранее для действий против белых 17-ю Кантонскую дивизию. Во встречном бою 24 марта революционные части разбили «беляков», наступавших во хмелю с бутылками в руках»³³⁸.

Иностранцы, бежавшие из Нанкина, выражали глубокую симпатию русским, оборонявшим Нанкин и прикрывшим их эвакуацию. Генерал Макаренко предвидел неудачный исход боя и заявлял, что пропаганда среди войск северян и симпатии населения к кантонцам стали главными причинами поражения Северной коалиции. В качестве примера он привел случай, когда четыре русских офицера были отравлены в чайном домике, трое из них умерли, и только для одного яд не был смертелен. По словам иностранцев, эвакуированных из Нанкина, русские дрались отлично и только нестойкие, объятые паникой китайские части были причиной поражения северян под Нанкином, как и измена многих командиров³³⁹.

И если хорошо вооруженные китайские войска северян бежали от плохо вооруженных частей национально-революционной армии, у которых, по признанию Тихоброва, «не было ни артиллерии, ни пулеметов, ни достаточного количества патронов»³⁴⁰, то русские столкнулись с более мощным и хорошо вооруженным противником.

Отойти на более удобные для обороны позиции нечаевцам было невозможно, так как в это время деморализованные войска Чжан Цзучана кинулись в узкие улицы старого Нанкина и запрудили собой единственную дорогу. Там их встретили вооруженные маузерами комендантские части города, начав стрелять в паникеров. Охваченные паникой беглецы тогда бросились в разные стороны, во время бегства круша на своем пути не только стекла, но и стены лавок и магазинов. Когда путь расчистился, русские пробились через город к Янцзы, бросив «без выстрела» отрезанный бронепоезд³⁴¹. Видя панику северян, южане усиленно напирала и угрожали отрезать первых от переправ. Для их задержания были направлены нечаевцы. Ожесточенные бои шли несколько дней. Русские выполнили задачу и отошли на другой берег Янцзы, отразив попытку ее форсирования.

Тем самым, благодаря нечаевцам, поражение было минимизировано. Так, одна русская часть, выдвинутая только на одном направлении против наступающих южан, заставила их сразу без боя отойти на 15 верст. В Русской группе потери, несмотря на упорные бои, значились как небольшие³⁴². Нечаев скрывал их истинные размеры и представил штабу заниженные сведения о 9 убитых и 20 раненых, заявив, что в основном «потери были от беспорядочной стрельбы своих же китайских частей. В это число не вошли потери команд бронепоездов»³⁴³. В Харбине, однако, пошли слухи об окружении нечаевцев и об их больших потерях, указывали цифру в 300 раненых русских, привезенных в Тяньцзинь. Несомненно, это было преувеличением.

Отступление северян затруднялось тем, что тогда почти во всех населенных пунктах появились «красные пики», или хун-чен-хуи, отряды самообороны, которые не позволяли ничего брать из своих деревень и сами нападали на отстающие небольшие отряды милитаристов.

³³⁸ Черепанов А. Северный поход Национально-революционной армии Китая: Записки военного советника. М., 1968. С. 255.

³³⁹ Шанхайская заря. Шанхай. 1927. 1 апреля.

³⁴⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

³⁴¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 69.

³⁴² Русское слово. Харбин, 1927. 23 марта.

³⁴³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 67.

В это время войска У Пэйфу также испытывали крах. После сдачи Ханькоу, Нанкина и Шанхая они раскололись на три части: одна перешла к Гоминьдану, другая заняла нейтралитет, третья осталась с северянами³⁴⁴.

Говоря о причинах неудач войск северян в марте, русские отмечали не только их плохое финансирование, но и то, что управление армией Гоминьдана оказалось очень хорошим, что было следствием работы в ней советников из СССР. Но главной причиной побед Чан Кайши над его противниками было то, что у него была мощная идеология борьбы против других маршалов. Если в качестве главной своей идеи он выдвигал борьбу против международного империализма и его китайских приспешников, «стремящихся к закабалению Китая», то его противники ограничивались лишь идеей «борьбы против коммунистов». Поэтому войска милитаристов, жестоко страдавшие от невыплат жалованья, стали разлагаться. Журналист Ильин, побывавший у нечаевцев еще летом 1926 г., отмечал, что уже тогда солдаты Чжан Цзучана были «проникнуты революционным духом». Для примера он приводит эпизод, когда Ильин вместе с Михайловым едет в Пекин, где они гуляют в императорском парке. «Ординарец Михайлова, китаец, говорит о парке: «И зачем такое место берегут? Для кого оно нужно? Надо народу отдать! Все надо отдать, тут пахать надо!»³⁴⁵ И это китайцы из окружения русских!

В то же время сами наемники отмечали массу упущений в управлении войсками Чжан Цзучана, что особенно ярко проявилось в их неорганизованном отступлении от Нанкина и Шанхая, которое произошло, по их данным, не из-за натиска врага, а из-за неорганизованности управления подразделениями. Так, «перебрасывая армию через многоводную реку, не было обращено внимания на устройство переправы через нее». При этом для переправы ничего не было подготовлено – ни мест посадки, ни плавсредств.

Кроме того, отступление не было прикрыто имевшимися бронепоездами. Неудачи на фронте при отступлении усугублялись тем, что китайские части Чжан Цзучана, даже самые надежные, легко поддавались панике, что на переправе приводило к страшной неразберихе и оставлению противнику трофеев. Поэтому в тылу и на важнейших объектах, например переправах, русское командование предложило Чжан Цзучану оставлять русские части. Ему также предложили идею: создать у него сильный резерв из русских «на непредвиденный случай», который можно было использовать для контрудара на угрожаемом направлении и для прикрытия отступления³⁴⁶.

Такой резерв рекомендовалось составить из уже имеющихся русских войск, которые было предложено объединить в кулак и держать в тылу, так как при их малочисленности и растянутости фронта они не могли сыграть решающей роли в сражениях. В виде резервного ядра они могли придать устойчивость тылу и предотвратить распыление китайских частей и потерю многомиллионного имущества, как это было под Нанкином и Шанхаем³⁴⁷.

Чжан Цзучан, анализируя причины мартовского поражения, решил исправить ситуацию с выплатами денег. Он решил завести порядок, по которому денежные дела должны вестись только через интендантов, а не через командиров частей, как было раньше. Дополнительно 29 марта он установил денежные выплаты для русских семей. Теперь ежемесячно взрослые члены семьи получали 20, а несовершеннолетние – по 5 долларов. Кроме того, он решил увеличить жалованье солдатам и офицерам, а также усилить их огневую мощь³⁴⁸. Более глобальные изменения он не провел в жизнь или не захотел этого. Поэтому изъядны его армии продол-

³⁴⁴ ГА РФ. Ф. 5829. Оп. 1. Д. 11. Л. 125.

³⁴⁵ ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 278.

³⁴⁶ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³⁴⁷ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

³⁴⁸ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 70.

жали жить и должны были в будущем снова проявиться. При этом денежные проблемы в его войсках сохранились.

Вместо их решения Чжан Цзучан решил ужесточить ответственность солдат и офицеров за воинские преступления и 20 мая выпустил «приказ Русской группе № 41», которым на фронте вводилась смертная казнь по 31 пункту. Смертной казни подвергались: «Виновные в отступлении во время наступательного боя, как и уличенные в сношениях с неприятелем, в нарушении приказов». Смерти подлежали и виновные в нанесении вреда военным, мирным жителям, изнасилованиях, грабежах, в частных драках с применением оружия. Казнились дезертиры, бросившие оружие; виновные «в коллективном требовании жалования», в подстрекательстве к сдаче врагу, оставлении врагу трофеев, передаче своим войскам ложных приказов, распространении слухов, провоцировании отступления, «отступлении при убиении начальника», нарушении порядка отступления, махинациях с провиантом и финансами, оружием и боеприпасами. Смерть грозила и «виновным в провокациях», в том числе и ложной тревоге с целью посеять панику. Каралось смертью нанесение вреда своей инфраструктуре, «пьянство при нападении неприятеля и повлекшее неудачи», укрывательство шпионов и содействие побегу пленных, «самовольный захват трофеев с причинением вреда своим войскам этим», отступление без приказа и оставление в беде начальника и др.³⁴⁹

Негативно отразилось на боеспособности войск Чжан Цзучана, в том числе и русских, падение курса шаньдунского доллара, из-за чего уменьшилась покупательная способность их зарплаты. Результатом стали многочисленные эксцессы при покупках товаров, особенно папирос. Приходившие покупать их наемники видели, что цена, которая еще вчера была приемлемой, сегодня повысилась так, что за прежние деньги купить ничего было нельзя. Они ничего не хотели слушать «о какой-то инфляции» и забирали силой то, что им надо, и били морду как своим маркитантам, так и китайцам, считая, что те хотят на них нажиться. При этом часто пропадало немало ценных товаров, интендантству наносился урон³⁵⁰, и впоследствии оно не могло закупить необходимое количество припасов.

Попытки контрнагруппания (апрель – июнь 1927 г.)

Несмотря на тяжелое поражение северян у Нанкина – Шанхая, южане не смогли развить дальнейшее наступление, понеся тяжелые потери. По русским данным, к 5 апреля 1927 г. «обстановка на фронте пока принимает благоприятный оборот. Дела поправляются, двигаемся вперед.

Кантонских частей пока нет на этом берегу, а воюют против нас только местные хупейские формирования, а их пока только 2 бригады»³⁵¹.

Северяне попытались отбить утраченное и двинулись на Нанкин. Русская бригада имела общую с бронепоездами задачу – наступление вдоль линии железной дороги от Пенгпу до Пукоу (200 километров). Шаньдунские части отхлынули к началу контрнаступления до станции Пенгпу, но после удачных действий русских, вызванных инициативой Нечаева, двинулись вперед, заняв г. Пукоу напротив Нанкина. Штабс-капитан с бронепоезда «Хубэй» Широкого-ров свидетельствует:

«Выехав из Тяньцзина 29 марта, я достиг фронта лишь 6 апреля. В Цинанфу просидел 3 дня из-за отсутствия поездов. Здесь чувствовалась подавленность после поражения под Нанкином, но царила уверенность, что неудача временная. В последний день перед моим отъездом появился слух об обратном взятии Пукоу. Как всегда, «пантофельная почта» опередила

³⁴⁹ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 151.

³⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 134.

³⁵¹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 1; Там же. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 70.

событие, так как наступление на этом направлении началось в этот день и о нем еще не могло быть известно «широким массам». Свой облик Цинанфу изменил. Ушли на фронт все русские части. Остались лишь формируемый русский полк и бронепоезд «Хонан», который перестраивается, совершенствуя свою артиллерию. Броневая дивизия по сравнению с прошлым годом неузнаваема. Здесь масса усовершенствований и улучшений в техническом отношении. Выезжаю 2 апреля дальше на юг. На мешках с мукой 3 апреля добрался до Сючоуфу. Попал в очень удачный момент. Грузится русская артиллерия, бригада 65-й дивизии и штаб Нечаева. Говорят, вчера началось большое наступление. После неудач под Нанкином все части сконцентрировались в Сючоуфу и Пенпу, выйдя из соприкосновения с противником, чтобы собраться для нового удара.

5 апреля. В Пенпу стоит русский авиационный отряд, артиллерия и конные части. Вечером вернулся с разведки русский летчик, сбросивший удачно на противника бомбу. Летчики видели у противника по линии железной дороги от Пукоу 6 составов и 2 паровоза. Справа на Пенпу движутся части, обходная колонна противника. Завтра утром наступление. Значит, попаду в самый интересный момент. Поезд 6 апреля сделал, как обычно, 50 миль за 8 часов, так что в Минхуан мы попали вместо 6 часов утра в 11 и, конечно, уже никого не застали. Бой уже начался. На разъезд то и дело приносят носилки с тяжелоранеными, плетутся к перевязочному пункту поодиночке легкораненые. Наконец, попал на бронепоезда. В действии сейчас их здесь три: «Тайшан», «Хубей» и «Шандун». Меня с большим радушием и гостеприимством принимают на «Хубее». Небольшой, компактный, «полосатый, как тигра», по определению солдат, «Хубэй» является одним из лучших по крепости брони и вооружению. Небольшая, хорошо сплоченная русская команда, среди которой немало русских ветеранов, проводивших не одну кампанию в китайской армии. Есть начавшие службу еще с 1922 г. Бронепоезда «Хубей» и «Чжили» представляют Чжилийскую провинцию и находятся в подчинении Чу-Туана. Сегоднешний бой закончился удачно. Противник, не выдержав огня бронепоездов, шедших впереди пехотных цепей, отступил. Боевая работа бронепоездов – тяжелая и опасная. Команды их по целым суткам работают над исправлением пути. Противник, желая задержать хотя бы на короткое время наступление, портит путь, где только возможно, не оставляя целым ни одного моста. На днях бронепоезд «Шандун» счастливо избежал фугаса, который взорвался впереди, в метрах 10, по-видимому, от случайного попадания ружейной пули. Имея тихий ход, машинист успел затормозить.

7 апреля. Противник отступает и портит путь, устроив крушение вагонов, груженных пшеницей, в узком проходе между скалами. Целую ночь команды «Шандуня» и «Хубея» работают над очищением пути. Подходит 65-я Нечаевская дивизия. По данным разведки, противник укрепляется на командных высотах. Он решил нам дать бой в 15 милях от Чучоу. Снова русские части должны будут решить это сражение на самом ответственном участке линии железной дороги. У кантонцев здесь 4 орудия, у нас пушек нет, так как из-за непригодности дорог их подвезти нельзя.

8 апреля. Атака началась. В 9 часов утра первые цепи 65-й дивизии столкнулись с противником. Кантонцы занимают хорошо укрепленную позицию, и подступы к ней невыгодны для наступающих русских и шандунцев. По очереди, команды то с «Хубея», то с «Шандуня», работают над исправлением испорченного железнодорожного пути и в то же время ведут артиллерийскую дуэль с батареей противника. Кантонцы упорно держатся и сами неоднократно переходят в контратаки, но каждый раз неудачно. К вечеру, после упорного боя, 65-я дивизия занимает 1-ю укрепленную линию противника, который отошел на 2-ю и снова укрепился. Всю ночь бронепоезда чинят подорванную ферму моста.

9 апреля. На рассвете бой разгорается с новой силой. Бронепоездам удалось продвигнуться вперед лишь на полверсты, как они снова натолкнулись на препятствие: кантонцы разобрали небольшой мост. «Хубей» получает задачу подойти и исправить путь. Противник

отлично пристрелялся. Снаряды ложатся то вправо, то влево от бронепоездов, рядом с ними. Прицел, значит, взяли правильный и скоро должны попасть в цель. Потом выяснилось, что расстояние было измерено противником с помощью веревки. Примитивно, но остроумно. К мосту нельзя подойти. Кантонцы буквально засыпают ружейным, пулеметным и бомбометным огнем. Когда офицеры собрались в кают-компанию за завтраком, на котором был генерал Макаренко, бронепоезд получил солидный «подарок». Снаряд пробил крышу офицерского вагона, но броня смягчила разрыв. Осколком был только легко ранен в голову переводчик-китаец. В 12 часов дня 65-я дивизия выбивает противника из 2-й линии. Он отходит на 3-ю и последнюю линию обороны. Несколькими удачными попаданиями бронепоезда заставляют замолчать неприятельскую батарею.

Ночь на 10 апреля бронепоезда провели в восстановлении большого моста. Пришлось положить более 100 шпал и 18 рельсов. На утро «Шандун» и за ним «Хубей» двинулись на Чучоу, занятый через полтора часа. По занятии города «Хубей» получает задание занять следующий разъезд и, если возможно, продвинуться дальше. В нескольких верстах от Чучоу обнаруживаем отдельные цепи кантонцев по обе стороны дороги, отступающие в южном направлении. Через час разъезд занят. На станции – пусто. Кантонцы уводят с собой всю железнодорожную администрацию. «Хубей» двигается дальше. Впереди – пешая разведка с бронепоезда, которая, пройдя 4 версты, захватывает неприятельского разведчика. Он одет в костюм железнодорожного рабочего. Дает объяснения, что производит какие-то измерения. При обыске у него найден кантонский значок и под верхней одеждой – военное обмундирование. После этого «Хубей» возвращается в Чучоу, выполнив задание.

11 апреля. Утром «Шандун» выходит по направлению к Пукоу и занимает ряд станций. Его сменяет «Хубей», подхитивший к Пукоу на 9 верст и обстреливавший артиллерийским огнем станцию Пучен. Встречаю офицера, ходившего в разведку в сторону Уху. По его данным, главные силы противника отходят в этом направлении. Им был захвачен конец обоза противника с ранеными. Силы Сун Чуан Фана концентрируются в Чекианге, и если данная операция будет удачной, то противник, из опасения быть отрезанным, принужден будет оставить Пукоу и Нанкин. После артиллерийского обстрела «Хубей» отводится в тыл для охраны пути. Стоим на небольшом разъезде. Весна уже вступила в свои права. Через сетку розовых цветущих абрикосов блестят, как зеркала, водные пространства рисовых полей. Бесчисленные озера, обрамленные молодой зеленью деревьев, покрыты белыми хлопьями. Это – стаи гусей, которые водятся здесь в громадном количестве. Тишина и мир. Все опасности войны, все тревоги обходов, неожиданной встречи с неприятелем, как будто не существуют. Команда бронепоезда высыпала на воздух после долгого пребывания в душных боевых коробках. Появляется футбольный мяч, который беспечно гоняют из стороны в сторону опьяненные бодрящим апрельским воздухом и жаждой движения люди. Китаец-машинист ходит с добытым у неприятеля секачем – мечом палача. Он безуспешно предлагает всем свои услуги по отделению ненужной головы от туловища.

12-го апреля вышедший вперед «Шандун» занимает Пукоу. Операция почти закончилась. Противник выбит, и путь очищен до р. Янцзы. «Хубей» получает приказ отойти на станцию Чучоу и нести там охрану пути.

В Пукоу. На 2-й день после занятия Пукоу, в дождливое утро, «Хубей» явился на смену «Шандуня». Впереди – громаднейшее станционное здание, ряды крытых платформ. Все пути забиты пустыми, загаженными, брошенными второпях противником вагонами. Пути сплошь усеяны прокламациями – истоптанными листовками, вымоченными дождем. Столбы, стены вагонов, все, что поддается обклейке, пестрит плакатами и воззваниями. Некоторые из них исполнены художественно, в смысле рисунка и литографического искусства. Весь стиль и манера – советские до мельчайших подробностей. Разве вы видели когда-либо у китайцев ряд восклицательных знаков? А здесь ими заканчивается каждый возглас. Общий стиль – грубый,

крикливый, бьющий по самым низменным вождениям толпы. Вождь кантонского правительства изображен характерно: на красном фоне он – черный. А вот Чжан Цзолин в генеральской форме продает европейцу куски Китая, который изображен в виде изрубленной женщины. Снова Чжан Цзолин и Чжан Цзу Чан в виде собак, стоящих на задних лапах перед Англией. Сун Чуан Фан – заяц, удирающий по красному полю. Да всего не перечесать! С другой стороны – многообещающие картины мирного труда: заводы, фабрики дымят своими трубами, грузятся пароходы, бегут по всем магистралям поезда, одним словом – рай на земле. Даже планетарную идею не забыли – ее изображает гордый всадник, несущийся к солнцу и звездам. Призыв всех к борьбе. Даже женщина изображена европеизированной, в английском военном обмундировании, что подтверждает наличие женских батальонов в кантонской армии. И, наконец, большевицкие символы – пятиконечная звезда, серп и молот. «Творческая» рука Москвы видна всюду. Буквальное, без малейшего отступления, повторение Совдепии в период гражданской войны. И если отбросить общий тон Китая, то не отличишь. У вокзала, в доме железнодорожного служащего, «совдеп», украшенный флагами. Среди них – синий с белой 12-тиконечной звездой и красный с синим квадратом и той же звездой! Рядом на площади – большая деревянная трибуна, обшитая зеленым сукном и такими же, как на совдепе, флажками. Пестро и революционно! Заходим внутрь здания. Самый настоящий совдеп. Вспомнилось старое, забытое. И сердце теснят воспоминания прежних дней... Кровавый 18-й год рождается снова. Наступило время безумных крикливых речей, разжигание черни. Стоит призрак пожарища социальной революции, беспощадной борьбы. Первая комната совдепа предназначена для заседания: в комнатах пол усеян клочками агитационной литературы, ружейными патронами, обрывками военного снаряжения. Стены пестрят плакатами и портретами вождей. Прокламации покрывают пол. В одной из комнат находим более 15 тысяч патронов и целую кипу нарукавных знаков с красной пятиконечной звездой. После обеда отправляемся осматривать берег. Кантонцы, засевшие в Нанкине, непрерывно обстреливают нашу сторону из ружей и пулеметов. Но безрезультатно. Пули свистят и лишь изредка шлепаются в землю уже на излете. При такой дальности и из-за водного пространства между нами им тяжело пристреляться. На том берегу оживление, собираются толпы, снуют рикши, автомобили. В бинокль ясно различаешь отдельные фигуры. Почти на самом берегу **группа из трех советских инструкторов**. Английское обмундирование и манера держаться выделяют их из толпы китайцев. Но долго оставаться на самом берегу становится опасно. Они пристрелялись, и пули начинают шлепать рядом с нами. Забираемся в каменную будку. Здесь видны следы поспешного бегства. Разбросаны ненужные вещи, патроны и предметы военного обмундирования. Здесь останавливалась разведка, которая оставила Пукоу с нашим приближением. На столе я нахожу медную с чернью подставку для календаря, на обратной стороне которой нацарапано: «Милому Ловченко от Туси. 7–IX–1926». Нет сомнений, что красный командир второпях забыл свое «вещественное доказательство невестственных отношений». Как мы, так и кантонцы артиллерийского огня не открываем. Этому воспрепятствовали иностранцы, военные корабли которых стоят на Янцзы, по обе стороны от Нанкина.

В течение двух дней нашей стоянки в Пукоу обстановка не изменилась. На 3-й день показалась красная флотилия из 4 вымпелов. Обстрелянная иностранными судами, флотилия остановилась в 4 милях от Пукоу. Еще немного разнообразия внесло в нашу жизнь сообщение о боях в Пампу. Колонна противника, в свое время обнаруженная летчиками, имела целью зайти глубоко в тыл, захватить Пампу и перерезать коммуникационную линию. После двух дней боя она была разбита, и противник бежал.

17-го апреля «Хубей» получает задание отойти в глубокий тыл. В настоящее время ведется усиленный обстрел Нанкина, который горит»³⁵².

³⁵² *Дневник Широкогогорова // Личный архив Балмасова С. С.*

Во время этих боев 65-я дивизия, по данным начштаба группы Михайлова, «являлась скорее десантом при бронепоездах в силу своей малочисленности. 166-я бригада из русских имела около 300 штыков, а 176-я китайская бригада с русскими инструкторами не насчитывала и 700 штыков. Артиллерия, пулеметы и бомбометы дивизии за этот период не применялись (на бронепоездах есть свои), 2-й конный полк, ее главная сила (400 сабель и 6 пулеметов «Кольт»), был на всю кампанию выделен из ее состава и находился в непосредственном подчинении маршала Чжан Цзу Чана. Нечаев из-за ампутации ноги в эту кампанию не проявлял прежней активности и находится вместе с генералом Чеховым на одном из бронепоездов»³⁵³.

Вскоре ситуация изменилась в худшую сторону. Чжан Цзучан предпринял неудачную попытку форсировать Янцзы и закрепиться на другом ее берегу. Высадившиеся северяне подверглись мощному контрудару и, неся тяжелые потери, особенно в материальной части, вынуждены были вернуться на свой берег. Русские наемники благополучно отошли, но оставили на другой стороне противнику много трофеев, в том числе часть артиллерии³⁵⁴.

По русским данным, в разгроме северян огромную роль играли японцы: «Они усиленно разыгрывают китайскую смуту. Японские советники имеются и у северян, и у южан. Каждое ослушание японского советника приводит к катастрофе. Чжан Цзу Чану они не советовали переходить Янцзы, но он перешел – и в результате – разгром и обратный переход через реку»³⁵⁵. За март – май русские понесли большие потери. Отмечалось, что «Чжан Цзу Чан всегда провожает в последний путь павших на его службе русских. В последнее время ему приходится часто идти за погребальным лафетом»³⁵⁶.

Видя большие потери и то, что китайцы на деле не проявляют желания драться против коммунистов, некоторые из русских наемников попытались изменить ситуацию. Так, Михайлов выдвинул перед японцами и китайцами идею, по которой Русская группа должна была стать на условия Чехословацкого корпуса в России, то есть неподчиненности китайской юрисдикции, но должна была получать китайские деньги либо перевестись на японскую службу. Эта идея не была поддержана японцами и другими иностранцами из дипкорпуса в Пекине, которые в свое время дали молчаливое согласие на участие русских в войне против Фына и Гоминьдана, угрожавших их интересам. Дело в том, что они не хотели видеть на китайской арене независимую русскую силу. Как известно, тот, кто платит, тот и заказывает музыку, а в случае с русскими иностранцам переход наемников из одного состояния в «цивилизованное» был неинтересен, да и в случае ухода русских из китайских войск их отношения с ними могли стать враждебными.

Гоминьдановцы продолжили нажим на северян, подтянув новые части. Михайлов 20 мая 1927 г. доносил: «Обстановка неблагоприятная. Палису, вероятно, завтра или послезавтра будет оставлен»³⁵⁷. Через полмесяца положение Северной коалиции стабилизировалось. Тихобразов 4 июня писал: «Положение на фронте у нас нельзя назвать тяжелым, так как боев нет. Выворачивали фронт с Сун Чуан Фаном и мукденцами. Наши позиции – на границе Шандуня по линии станции Лин-Чен. Как дальше сложится обстановка, сказать трудно. В Шандун идут японские войска. Такое положение отразилось на долларе. Лаж на серебро доходит до 20 %»³⁵⁸. Высадившиеся под предлогом защиты своего имущества и граждан японцы на время предотвратили захват Шандуна³⁵⁹.

³⁵³ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 142. Л. 132, 133.

³⁵⁴ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 18.

³⁵⁵ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 22.

³⁵⁶ Возрождение. Париж, 1927. 17 мая.

³⁵⁷ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 11.

³⁵⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 7.

³⁵⁹ Каретина Г. Чжан Цзолинь и политическая борьба в Китае в 1920-е гг. XX века. С. 120.

Михайлов в мае также просил Тихобразова ускорить формирование 7-го Особого русско-китайского полка. Но это сделать не удалось из-за дезертирства китайцев – не хватало 20 процентов солдат. Например, в мае выяснилось, что из-за дезертирства рота пеших разведчиков исчезла³⁶⁰. На тот момент, на конец мая, в полку было только 120 русских и 344 китайца³⁶¹.

Китайцы часто были противниками «северян», и потому с 28 апреля их стали принимать лишь после проверки на «благонадежность»³⁶².

Некоторые китайцы служили в полку отлично. Так, младший унтер-офицер Чжан Сяфу получил благодарность за активную помощь унтер-офицеру того же полка Маньчжурову в предотвращении побега при конвоировании другого китайца³⁶³. Но бывали случаи предания суду других китайцев за совершенные преступления³⁶⁴.

Оставшиеся солдаты были необученными из-за отсутствия оружия³⁶⁵. Тихобразов еще в начале апреля безрезультатно пытался получить от тупана маузеры и винтовки «Бергман», сетуя на то, что «мы – безоружны»³⁶⁶.

Обучение затруднялось и тем, что этот полк отвлекали от несения военной службы и направляли на службу полицейскую, как это было в мае³⁶⁷.

Опасаясь того, что из-за малочисленности частей их могут расформировать, русские офицеры скрывали это и держали при себе «мертвые души». Реально солдаты в части были, но во многих случаях они были негодны для боя, больны и т. п.³⁶⁸

Поражения Северной коалиции взволновали всю белоэмиграцию. Тихобразову писали из Европы: «Ваши неудачи нас страшно беспокоят» – и предлагали рецепты для выхода из ситуации, предлагая набрать тысячи наемников из русских и немцев, которые из-за тяжелой экономической ситуации в Германии готовы были ехать в Китай. Предлагалось, исходя из опыта Гражданской войны в России, пользуясь растянутостью фронтов в Китае, организовать кавалерийские рейды по тылам противника. Для решения проблемы с кадрами артиллеристов северян, из-за чего Чан Кайши имел над ними большое преимущество, они предлагали набрать русских артиллеристов-эмигрантов из стран Европы, так как находившиеся в армиях северян немногочисленные инструкторы из Германии и Японии не могли или не хотели научить китайцев артиллерийскому делу³⁶⁹.

Неудачи русских на фронте были также из-за того, что часто направляли кавалеристов-офицеров в пехоту и наоборот. Так как другой род войск они знали плохо, то и результат не замедлял сказываться в бою. По оценке русского командования, поручик Бокин, назначенный командовать ротой пеших разведчиков, был отличным офицером, но кавалерии, а не пехоты, которую он почти не знал. В результате в боевых условиях в новом качестве он не мог выполнять ставившиеся ему задачи³⁷⁰.

Сразу после поражения северян в марте у русских начался распад, усиленный невыплатами жалованья. Война истощила население, которое уже не могло платить налоги. Армия

³⁶⁰ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 127.

³⁶¹ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 140–146.

³⁶² ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 80.

³⁶³ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 174.

³⁶⁴ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 129.

³⁶⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 99.

³⁶⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 68.

³⁶⁷ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 103.

³⁶⁸ ГА РФ. Ф. 7047. Оп. 1. Д. 1. Л. 88.

³⁶⁹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 13.

³⁷⁰ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

Чжан Цзучана из-за отсутствия денег стала разбегаться, и ему остались верны лишь русские и немногие китайцы³⁷¹.

К денежным проблемам добавились сомнительные операции с деньгами самого русского командования после ухода Нечаева. Так, в середине июля 1927 г. Тихобразов приказал: «Если получите жалование, то сделайте удержание – не более $\frac{2}{3}$ с холостых и не более $\frac{1}{2}$ с семейных»³⁷².

Поэтому многие русские дезертировали или, не вынеся тяжелой службы при невозможности устроиться в мирной жизни, кончали жизнь самоубийством, как это пытался сделать 28 мая 1927 г. корнет Попов³⁷³.

Тихобразов боролся против дезертиров административными мерами, но они были неэффективны: «Нет-нет – и уйдет несколько человек»³⁷⁴.

Дезертирство стало одной из причин ослабления северян, вторично отступивших из Пукоу. Нечаев так рассказывал о последнем бое в июне, которым он руководил как командир Русской группы: «Стоял тихий звенящий вечер, почти ночь. На горизонте – багровые зарева подожженных снарядами деревень. На темных силуэтах растянувшихся бесконечной линией бронепоездов ежеминутно вспыхивали молнии орудийных выстрелов и почти непрерывно струились огненные языки из пулеметов. Противник не выдержал нашего огня и, когда настало 8 часов вечера, части 105-го и 106-го полков пошли в атаку, начал быстро отходить. Потери наши были незначительны. Путь перед бронепоездами в несколько сот метров был испорчен. После нескольких часов тяжелой работы его расчистили. Разобранное противником полотно было поправлено, и бронепоезда смогли двинуться дальше в направлении на Пенпу»³⁷⁵.

Русская группа без Нечаева (июнь – декабрь 1927 г.)

С весны 1927 г. не ослабевали слухи о том, что Нечаев должен уйти в отставку. В июне 1927 г. эти слухи подтвердились. Поражениями у Нанкина – Шанхая воспользовались противники Константина Петровича, чтобы его убрать. Нечаев не стал выносить сор из избы и объяснял свой уход тяжелым ранением в 1926 г., из-за которого он не мог как раньше командовать русским отрядом. Говоря об его уходе, Чжан Цзучан заявил: «Мне жаль генерала Нечаева, и я лучше бы потерял руку, чем его. Я много раз говорил ему, чтобы он не лез под пули, так как это не его дело, но он не слушался, и я этим огорчен. Когда нужно, мы все сумеем умереть, но напрасно этого делать не стоит. Нечаев – это храбрый солдат, но не генерал...»³⁷⁶

Из интервью с Константином Петровичем стало ясно, что он «решил совсем покончить со службой. Чжан Цзучан уговаривал остаться. Жаль было оставлять дело, в которое вложил всю душу, но пришлось уйти. Нервы расшатались, да и обстановка в последнее время создалась такая, при которой с плохими нервами долго не выдержишь. Стар стал, пора на покой. Пусть на мое место идет молодежь»³⁷⁷.

Но без русских «подковерных ходов» против него здесь не обошлось. Нечаеву пришлось уволиться под нажимом Меркулова и его окружения на Чжан Цзучана³⁷⁸. Реально причиной его ухода стали интриги: Макаренко, Михайлова, Чехова, Тихобразова, Меркулова и других,

³⁷¹ Балакишин П. Финал в Китае. Сан-Франциско, 1958. Т. 1. С. 270.

³⁷² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 23 об.

³⁷³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 5.

³⁷⁴ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 7.

³⁷⁵ Возрождение. Париж, 1927. 23 августа.

³⁷⁶ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 10. Л. 5 об.

³⁷⁷ Возрождение. Париж, 1927. 13 августа.

³⁷⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 14.

желавших занять места Нечаева и его сторонников или нейтрализовать их, чтобы перераспределить на себя деньги, выделяемые Чжан Цзучаном. Дошло до того, что некоторые русские начальники злоупотребляли деньгами, несмотря на то что их части почти голодали, вели шикарную жизнь, покупая дорогую обстановку³⁷⁹. Такое обвинение Тихобразов возлагал на своего бывшего друга Семенова, правда, лишь в дневнике и без широкой огласки.

В защиту Нечаева надо сказать, что даже его противники отмечали, что, когда он был в чем-то не прав, всегда признавал свои ошибки и приносил даже своим врагам извинения³⁸⁰, чего те не делали. В тех случаях, когда даже для его верных соратников не было места в Русской группе, Нечаев, несмотря на то что мог убрать того или иного человека, никогда так не делал, даже если его сторонникам приходилось увольняться³⁸¹.

Это говорит о том, что Константин Петрович был человек высоких моральных принципов, в отличие от своих противников, которые были заурядными людьми, неспособными к руководству Русской группой. Это доказали ближайшие после увольнения Нечаева события, что неудивительно, так как противники Нечаева умели воевать только в кабинетах против своих же. Тихобразов всю Гражданскую войну провел в теплом месте адъютантом генерала Плешкова в Харбине, вдали от пуль и лишений. После этого, уже в эмиграции, он оказался на японской службе в институте, где пребывал до весны 1926 г. Он сидел бы в Харбине и далее, но японцы уволили его с работы. Тихобразов, оставшись без средств к существованию и имея на руках жену с дочерью, обремененный долгами, сделанными из-за его пристрастия к азартным играм, подался в наемники. Пришел он в Русскую группу на все готовое, созданное Нечаевым. Михайлов тоже на фронте почти не показывался, состоя на службе у Анненкова, по сути в разнужданной банде, которая борьбой против большевиков почти не занималась, а грабила местное население и настраивала его против власти адмирала Колчака, отдавшего за Белое дело жизнь. Или Н. Меркулов, наживший свое огромное состояние за время Гражданской войны спекуляцией, разрушавшей белый тыл, и обдиранием своих же русских, когда он стал министром в Приморском правительстве. На этом посту в 1921 г. он отличился успешной войной с дорогими горячительными напитками и безумными тратами денег на увеселения в ресторанах Владивостока, в то время как белые отряды на фронте под Хабаровском жестоко страдали от недостатка теплого обмундирования и валенок. В Китае он продолжил свою политику – ценой постоянных уступок китайцам русских интересов и понижения тем самым авторитета русских наживать свое огромное состояние. Чехов до китайской гражданской войны был никому не известен и стал мелькать в победных сводках армий Чжан Цзучана лишь благодаря Константину Петровичу.

А кто такой Нечаев? Прославленный командир Волжской кавалерийской бригады, боровшийся против большевиков не в кабинетах, а на фронте. Там он находился с весны 1918 г., будучи одним из ближайших соратников легендарного Каппеля, и участвовал во взятии Казани и золотого запаса России в августе 1918 г. Нечаев прошел всю кампанию на Восточном фронте до конца 1920 г. со всеми ее радостями побед и горестями поражений. И он же создал имидж непобедимости Русской группе в Китае своими бессмертными победами над У Пэйфу, Фыном и К^о. Поэтому в сравнении с ним его противники смотрятся какими-то гнусными жалкими карликами, устранившими Константина Петровича подлыми подковерными приемами, чтобы творить в Русской группе финансовые махинации. Но, сваливая Нечаева, тот самый «дуб», из-под которого данные персонажи кормились «желудями», они не могли понять, что смогут недолго пользоваться его плодами и что скоро без Нечаева, его опыта, авторитета, умения найти общий язык с солдатами и офицерами и военного дарования все пойдет прахом.

³⁷⁹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

³⁸⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 50.

³⁸¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 12. Л. 56.

Интересно узнать то, что думали о Нечаеве рядовые бойцы, солдаты и младшие офицеры Русской группы. Журналист Ильин, незнакомый с Нечаевым, заносит в июле 1926 г. в свой дневник подслушанный им разговор солдат: «Говорят про Нечаева, слышны нотки восхищения его храбростью и заботливостью о солдатах: «Ходит в атаку со стеклом и ничего больше не берет! Под самым огнем стоит и хоть бы что! Там такая жара идет, а он – нипочем! А придет в казарму, братцы, да вот хотя бы и к нам в команду, и сейчас же: «Табак, братцы, получали? А чистое белье есть?!» А кто скажет: «Никак нет, Ваше превосходительство, так он и пойдет: растуды твою так, распротак, я им, сволочам, покажу! Нате Вам, братцы, денег, купите себе сигарет, а я доложу, кому надо!!» Что и говорить, в бою он – не дай Бог, не жалеет себя и других. Вышли сначала без винтовок, только у половины они были. Ну, значит, ему и докладывают, а он рассыпал всех в цепь, встал сам во весь рост, пули свистят, а он стеклом вперед показывает и говорит: «Вот, братья, наши винтовки, давайте-ка возьмем их!» А чуть мы дома, так заботится о нас и с солдатом – запросто!» Я вспоминал при этом дальнее прошлое. И все так, в глубине Китая! Русские все те же – любовь к смелому и заботливому офицеру. К Михайлову и Меркулову они так не относятся!

Русский доктор, офицер, служивший в китайском полку, говорил про положение в отряде. Недовольство и озлобление против Меркулова, неполучение по несколько месяцев жалования, тогда как наверху не только жалование, но и наградные выдаются чуть ли не вперед. Всякий, вновь прибывший, обязан заказывать обмундирование и сапоги только у Меркулова и его представителя Соколовского. Они получают в рассрочку, и стоимость их удерживается из жалования. Все стоит дорого, и Меркулов ставит цены в полтора раза дороже! Вообще, Меркулов грабит, наживает, массу средств тратит на женщин и даже не полностью отпускает деньги, которые причитаются частям! В общем, и тут интриги, безобразия и развал! А со всем этим, льется русская кровь, взрывают себя гранатами русские поручики! Все с нетерпением ждут Нечаева. Меркулов играет в генерала и требует, чтобы его величали «превосходительством» и выставляли к нему караул. На днях, когда он приехал из Тяньцзиня, ему на вокзале был выстроен караул, музыканты, и он, выйдя, обходил и здоровался, а ему отвечали, как генералу! Странно сказать, Нечаева видеть мне не удалось, с ним я не говорил, но у меня совершенно отчетливое впечатление, что все неурядицы получились благодаря не Нечаеву, а Меркулову и Михайлову. Если так будет продолжаться – полный развал неминуем. Меркулов и Михайлов ни в какие бои не ходят, пуль терпеть не могут, набивают карманы, грабя своих же, не выдавая жалования, корчат из себя начальство, требуют почестей и чтобы все было по уставу! Нечаев смотрит просто – его за это и любят. Сам он – храбр, первым показывает пример, требуя храбрости от подчиненных. А остальное – все просто: хочешь – пей, бери деньги, если исправно служишь! Остальное – не важно.

И на самом деле: ведь все пришли сюда наемниками, что им до Китая и его жизни! С них требуют воевать – и они воюют вместе со своим генералом, таким же ландскнехтом и бесшабашным парнем, готовым идти под пули. Каждый знает, что Меркулов работает на себя, знают, что его заводы, арсеналы, конторы существуют благодаря Русской группе, на которой все это держится и с которой Меркулов, как хороший купец-кулак, дерет все втридорога. Все знают, что сын Меркулова, нигде не служивший, ни в каких чинах, ни года, устроен майором и получает 240 долларов в месяц, числится адъютантом, ни в какие бои и стычки не ходит, а деньги свои получает аккуратнейшим образом, тогда как остальные не видят их по несколько месяцев! Корректный, спокойный и осторожный Тихобразов не может слышать про этих адъютантов и Иванова! Про Нечаева солдаты говорят с обожанием, восхищением, словно он – кумир. Про него уже сложились чуть ли не легенды про его изумительную заботливость и отношение к солдату. Как все-таки разлагающе подействовала на всех революция! Взять хотя бы Русскую группу – сколько героизма, выносливости, терпения и лихости. А с другой стороны – моральное разложение, интриги, грабеж – по существу – общий. Меркулов грабит подчинен-

ных и тех, с кем имеет дело, а подчиненные стараются набрать побольше «фацая», т. е. грабят китайцев»³⁸².

Видный деятель антисоветского движения, хорошо знавший нечаевцев, А. А. Пурин, пишет: «Мне передавали офицеры, казаки и солдаты, мои бывшие сослуживцы, подчиненные и соратники по борьбе с коммунистами, что Меркулов все время желал уронить престиж Нечаева, которому приходилось бороться и на фронте, и в тылу с его интригами. Происходило это из желания Меркулова играть роль главной скрипки на Дальнем Востоке. Он повсюду говорит, что все дело в Цинанфу создал он, всячески стараясь влиять на иностранцев и обмануть великого князя Николая Николаевича. Личное его честолюбие еще больше толкало его на это. Лесть его прихвостней и всяких политических проходимцев убеждала Меркулова в правильности взятого им пути. Благодаря сумасшедшим успехам Нечаева, ему не удалось умалить престиж его ни в глазах иностранцев, ни в глазах китайцев и всего Дальнего Востока, но, с другой стороны, это давало ему существовать. Меркулов усиленно убеждал Нечаева, что фашизм – единственная здоровая организация, могущая работать с большевиками, работа которых, по его словам, уже в данный момент дала блестящие результаты. Выступал он и против движения великого князя Николая Николаевича, говоря, что оно скомпрометировано уже тем, что здесь работал Шульгин, «позволивший себя спровоцировать». Генерал относился к таким разговорам скептически, улавливая в тонах разговора Меркулова желание привлечь Нечаева в фашистскую организацию. На вопрос Нечаева «Где же Ваши фашисты и почему они не выручают Вас и не ставят на высоту в глазах китайцев?» он ничего не мог сказать. Чжан Цзучану и другим китайским командирам он втирает очки, что он – вождь и что в Приморье у него 20-тысячное войско, которое пойдет за ним по его приказу, но этому никто из китайцев не верит. Русских он презирует, и его частная жизнь с содержанками, бриллиантами, кутежами и крупными тратами денег уронила его престиж в глазах китайцев и иностранцев. Когда Нечаев из-за своего тяжелого ранения отошел от своей работы, то в течение 7 месяцев боевая слава русских солдат сошла на нет, ибо командирами были назначены меркуловские ставленники, которые оказались не годными ни к бою, ни к строю и дошли вскоре до расформирования и разоружения. Характерно, что Меркулов просил Чжан Цзучана объединить в его руках командование всеми русскими, на что получил отказ. Есть свидетели отказа – китайские генералы. Честолюбию его не было пределов»³⁸³.

По данным немецкого агента в Китае Кунста, напоследок «Нечаев был Чжан Цзучаном вознагражден двумя домами в Циндао. Последней осенью он разошелся с Чжан Цзучаном из-за долгой задержки жалования войскам и вскоре ушел в отставку»³⁸⁴.

Зная это и не желая мириться с уходом Нечаева и с торжеством ничтожеств, вместе с ним ушла большая группа опытных офицеров генерала Савельева. С ними уволилось много казаков. Савельев прослужил в отряде Нечаева меньше трех месяцев и, несмотря на хороший оклад, ушел оттуда.

Последствия ухода Константина Петровича для Русской группы, которую он создал, означали ее скорый и неминуемый крах. В 1926 г. все были свидетелями, что, когда по ранению Нечаев оставил пост командира Русской группы, его противники передрались между собой, а покуда происходило выяснение отношений, боевые части разваливались. Если вспомнить, что меркуловцы довели в 1926 г. русские части до краха в отсутствие Нечаева за каких-то полгода, то, сделав несложное вычисление, можно было предположить, что развал произойдет где-то зимой 1927/28 г.

³⁸² ГА РФ. Ф. 6599. Оп. 1. Д. 9. Л. 300, 302, 303.

³⁸³ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 147. Л. 115.

³⁸⁴ ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

Последние успехи

Войска Чжан Цзолина еще не раз успешно били врага, пользуясь во многом плодами работы Нечаева. Так, в начале июля 1927 г. они разбили гоминьданцев, заняв город Линчен и нанеся им потери в 5 тысяч человек. Линчен был очищен от врага и занят русскими бронепоездами³⁸⁵. У русских особенно отличился майор Савранский, командир группы кавалеристов, произведенный за это в подполковники³⁸⁶. После этого наступление против южан продолжилось. В июле 1927 г. русские участвовали в успешном походе к Цинтао и Киансу³⁸⁷. В это время русские вместе с японцами также служили Чжан Цзолину на КВЖД, когда там стали активно действовать коммунистические агенты и партизаны³⁸⁸.

В конце августа 1927 г. белогвардейцы добились новых побед, снова взяв Сучжоуфу. Участник рейда русских бронепоездов во время разведки от этого города к югу писал:

«Всюду гаолян, куда не помотришь, направо, налево – бесконечные поля гаоляна. «Ну, пока гаоляна не уберут, настоящей войны не будет!» – говорит капитан, указывая на высокие, больше человеческого роста волнуемые зелеными заросли по обе стороны железнодорожного пути. Вскоре попадаем в Сучжоуфу. Теперь здесь видны лишь обрывки многочисленных плакатов и воззваний с портретами Сунь Ятсена, Чан Кайши и остатки триумфальной арки, возведенной в честь последних около главных ворот города, напоминающих о недавней власти правительства красного юга. Бронепоезда замедляют ход и останавливаются. Впереди сожженный мост и разобранные пути восстанавливаются командами бронепоездов. Грозно блистая на солнце, русские бронепоезда продолжают разведку.

В этих боях русские взяли много трофеев. Среди них – 8 тяжелых орудий, 12 бомбометов, 5 тысяч винтовок из СССР и много боеприпасов»³⁸⁹.

Однако реально тогда после ухода Нечаева Русская группа распадалась. Бурлин доносил 20 августа Лукомскому об ее положении: «Вы переоцениваете значение Русской группы. Получаемые о ней сведения рисуют ее положение очень неважным. Лица, близкие к Меркулову, передавали мне, что группы, как таковой, уже нет, а имеется только 1 батальон русской пехоты, зародыш конного полка и броневики Чехова, всего, может быть, около тысячи человек. Вс. Иванов, редактор меркуловской газеты, состоящий у Меркулова секретарем и ехавший из группы, говорил мне, что во время боев, когда северяне терпели неудачи и понадобилось отвести группу в тыл, то вся она помещалась на двух платформах-вагонах. Михайлов тоже пишет о не порядках в группе. По рассказам Иванова, налицо невыдача жалования до 6–8 месяцев, пьянство, грабежи, рознь начальников между собой, утечка солдат бегством – все это понизило значение группы. Сейчас она двинута из Цинанфу на фронт»³⁹⁰.

Нередко кормовые деньги на фронт присылали не серебром, которое принимало население для оплаты, а бумажные, которые оно не признавало из-за сильной инфляции³⁹¹. По этой причине часто нечаевцы почти голодали. Положение русских, находившихся в тылу, было немногим лучше. Офицеры и их семьи закладывали в ломбарды свои вещи из-за отсутствия

³⁸⁵ Возрождение. Париж, 1927. 5 июля.

³⁸⁶ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 31.

³⁸⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 24.

³⁸⁸ Каретина Г. Китайский милитаризм и иностранная интервенция на Дальнем Востоке (1917–1931 гг.) // Российская эмиграция на Дальнем Востоке. Владивосток. С. 67.

³⁸⁹ Возрождение. Париж, 1927. 1 сентября.

³⁹⁰ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 142. Л. 29.30.

³⁹¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 35.

денег³⁹². Они надеялись их выкупить, но, пока вещи лежали заложеными, на стоимость их набегали проценты, и за них приходилось отдавать большие деньги.

В первой половине сентября 1927 г. русские добились новых побед. Даже в Европе писали «о доблестной службе русских. Снова отмечают боевую работу бронепоездов «Шандун» и «Хонан». В последних боях глубокий канал у станции Ханжен надолго бы задержал наступающих северян, если бы не прикрытие артиллерийским огнем «Шандуна» и «Хонана», на парусных шлюпках, шандунцы быстро форсировали это серьезное препятствие»³⁹³. В конце сентября 1927 г. русские бронепоезда снова отличились в бою у станции Пукоу. На плечах отступающих врагов бронепоезда «Чендянь» и «Чен-Чжен» заняли эту станцию. Согласно донесениям их командиров, «ни одного выстрела не было слышно с правого берега Янцзе. Безучастно отнеслись к этому и 4 канонерские лодки южан, стоящие на реке ближе к Нанкину. Сзади них, на небольшом расстоянии, виднелся японский крейсер. На другой день броневик «Чен-Дян» открыл огонь по канонеркам. После первых выстрелов, японский крейсер, видимо, не желая мешать начавшемуся бою, снялся с якоря и ушел вниз по течению, а вслед за ним последовали, не отвечая на выстрелы бронепоезда, и канонерские лодки противника»³⁹⁴.

Говоря об успехах северян в те дни, Чжан Сюэлян особенно отметил русских: «Русские воины в рядах китайской армии всегда встречают к себе с моей стороны внимательное отношение. Русские находятся в составе Шаньдунской армии, так что непосредственного отношения к ним я не имею. Но я хочу подчеркнуть, что они всегда были прекрасными солдатами, отличными бойцами, честными и мужественными исполнителями долга. Честь и хвала им, своей кровью запечатлевшим братство по оружию с нашей армией!»³⁹⁵

Это были последние громкие победы русских в Китае. С уходом Нечаева русские начальники, лишенные дарований и умеющие лишь интриговать, оказались не способны руководить наемниками, как это делал Нечаев. Сразу после его ухода в июне Тихобразов с облегчением писал, что «все работают солидарно», но не прошло и двух месяцев, как уже 25 августа 1927 г. он говорит: «Михайлов готовится к генеральному сражению с Меркуловым, т. е. к роковому разговору»³⁹⁶. Успокоения в умах «заговорщиков» не настало и после ухода Нечаева. Его противники продолжили грызню за места, власть и деньги, что крайне негативно влияло на боеспособность наемников и отношение к ним китайцев. Одной из внешних причин этого было то, что Шильников, Михайлов, Тихобразов и многие другие офицеры, сплотившись вокруг них, были недовольны игнорированием Меркулова и К^о попыток утвердить здесь идейную платформу на почве монархизма³⁹⁷. Нечаев ранее также препятствовал действиям монархистов в отряде. Неприязнь по отношению к Меркулову наблюдалось и потому, что он был фашистом³⁹⁸.

Между командирами отдельных частей также бывали конфликты и, как следствие, отсутствие столь нужного единства действий. Так, 25 сентября 1927 г. Тихобразов писал, что «относительно совместной работы с Броневой дивизией Михайлов не договорился и, думаю, не договорится»³⁹⁹.

Многие офицеры, не желая оставаться в такой обстановке, продолжали уходить⁴⁰⁰. Пришлось уйти в ноябре 1927 г. и Михайлову, не выдержавшему столкновения со своим тестем

³⁹² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 50, 51.

³⁹³ Возрождение. Париж, 1927. 11 сентября.

³⁹⁴ Там же. 26 сентября.

³⁹⁵ Там же.

³⁹⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 42.

³⁹⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 10. Л. 17 об.; Там же. Д. 22. Л. 46.

³⁹⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 56.

³⁹⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 45.

⁴⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 32.

Меркуловым⁴⁰¹. Еще раньше, в начале 1927 г., стали уходить и солдаты, большинство из которых определялись как «интеллигенты». Видя безденежье, ухудшение день ото дня условий службы, не лучшее отношение части офицеров друг к другу и к ним, понять этого они не могли и просто уходили⁴⁰². В итоге в ноябре 1927 г. для пополнения частей пришлось использовать китайцев. Например, «в Маршевой сотне русских осталось мало – человек 8—10, остальные – китайцы»⁴⁰³.

Наши офицеры страдали и потому, что китайцы не могли дать им пистолеты или револьверы в качестве оружия самообороны⁴⁰⁴. Часто в этом винили русских офицеров тыловой базы, например Люсилина. Так, еще 2 августа 1927 г. Тихобразов жаловался на то, что он прислал только по 20 патронов на маузер без обойм и патронташей, а полученные от него «подковы сделаны очень небрежно»⁴⁰⁵.

Как и прежде, русские части были малочисленны по своему составу и за громким названием «бригада» реально скрывался батальон. В бригаде Семенова на 14 августа 1927 г. не было и близко к 800 шашкам. Поэтому предполагалось свести ее воедино с пехотной бригадой Сидамонидзе, что и должно было дать 800 человек. По данным Тихобразова, бригада Сидамонидзе всеми была «заброшена и о ней никто не заботится»⁴⁰⁶.

Рядовые русские, которым надоело смотреть на торговлю их кровью Меркуловым, готовы были его убить. Тихобразов пишет: «Вчера ко мне с фронта приехал солдат 105-го полка, просящий передать, что если советник появится близко к фронту, то они его прикончат в удобной обстановке. Из других мест идут такие же сведения»⁴⁰⁷. Такое отношение к нему было вполне оправданным, так как из-за махинаций Меркулова солдаты голодали. Из-за воровства его и других дельцов Михайлов был вынужден просить Тихобразова кормить солдат «экономнее»⁴⁰⁸.

Скоро кантонцы и части Фына перешли в контрнаступление. Весь октябрь с переменным успехом шли ожесточенные бои с ними. Почти всех русских отправили на фронт. Тихобразов писал 8 октября: «Завтра, 9 октября, 1-й полк Конной бригады выступает в Дай-мин-фу в южный конец Чжили. Дней через 10–15 пойдут и остальные части бригады. Их выход происходит позже потому, что не закончено снабжение частей всем необходимым»⁴⁰⁹.

В то время некоторые русские офицеры продолжали служить инструкторами в чисто китайских частях. Об этом говорит майор Столица, служивший инструктором 114-й кавалерийской бригады, в своем дневнике и рапорте:

«Доношу, что 16 октября бригадой был получен приказ от командующего 4-й армией генерала Фана о выступлении на запад, на восточную ветку Лунхайской железной дороги. Узнав о выступлении, я послал переводчика, капитана Ли-Зо-Чжо к начштаба с просьбой о предоставлении мне лошадей, так как идти пешком я не мог. На это последний ответил, что в конном полку все лошади – собственные, а заводные лошади штаба уже отправлены с квартирами вперед, но что все же они мне постараются лошадь достать.

В поход выступили 16-го на рассвете и, пройдя ли⁴¹⁰ 75, встали на ночевку в деревне Хуан-ден-пу.

⁴⁰¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 58.

⁴⁰² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 29. Л. 2.

⁴⁰³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 59.

⁴⁰⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 25.

⁴⁰⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 28.

⁴⁰⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 36.

⁴⁰⁷ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 3.

⁴⁰⁸ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 16. Л. 6.

⁴⁰⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 48.

⁴¹⁰ Ли – приблизительно 450 метров.

17 октября. Сделали переход в 70 ли, причем во время него пришлось переходить вброд 3 реки, одну из них переходили при воде выше пояса, что в октябре не особенно приятно. Ночевали в Уинденпу.

18 октября. Пройдя 70 ли, ночевали в городе Тан-чин.

19 октября. Пройдя 50 ли, ночевали в городе Логоу, весь район которого сожжен хунхузами, а мужское население – перебито. Продуктов здесь нет абсолютно никаких, питаемся гаоляновыми лепешками⁴¹¹.

20 октября. Пройдя 55 ли, пришли на Лунхайскую железную дорогу, на станцию и город Пао-чен. Лошадей мне, конечно, не дали, и весь переход от Цинкоу до Паочена пришлось сделать пешком.

21 октября. Дневка в Паочене, воспользовавшись которой пошел с переводчиком к генералу и доложил ему, что так как лошадей мне не дают, пешком больше у меня ходить нет сил, то я сажусь на стоящий на станции бронепоезд «Хубей» и уезжаю в Цинанфу. Генерал стал извиняться и сказал, что здесь мы будем грузиться на поезд для отправки на фронт, а по прибытии он мне сейчас же даст оружие и лошадей, и очень меня просил не покидать бригаду. Я ему поверил и остался, полагая, что хоть я и мотивирую отъезд из бригады невыдачей лошадей, но они могут рассмотреть его как боязнь ехать на фронт. Такое мнение их в отношении меня, единственного «ломозы» в бригаде, было более чем обидно.

Город был совершенно объединен нашими предшественниками, и купить тут было ничего нельзя. Едим лепешки, которые сами делаем из полученной от интенданта муки.

22 октября. После обеда получили приказ срочно грузиться в составы. Мне была предложена <...> платформы. В ночь отошли от Паочена. В эшелон входили: штаб бригады, техническая рота, конвой генерала и конный полк. Пехота, как батарея и заводные лошади штаба, остались ждать 2-го эшелона.

23 октября. В 2 часа ночи прибыли в Суд-же-фу, простояли до 6 часов утра и тронулись в путь по Лунхайской ветке на запад с приказанием высадиться на станции Нехуан. Весь день тащились по Лунхайской ветке, несколько раз ломались паровозы.

24 октября. На рассвете прибыли на станцию Липатеи. Не доезжая 2 станций до Нехуана, получили срочный приказ от ехавшего сзади командующего армией выгружаться и идти на юг, так как кантонцы заняли позицию в 18 ли на юг от станции Липатеи. Из вещей можно было взять с собой только самое необходимое, остальное было отправлено в Суд-жефу, сопровождать это я оставил мальчика-мобяна. Срочно выгрузившись и построившись, направились на юг, где без особого труда выгнали кантонцев из деревни Холлу-зеди-уйза, откуда они бежали, унося нескольких раненых. Мы встали здесь на ночевку, выставив сторожевое охранение и выслав конные разъезды по моим указаниям.

25 октября. В час дня мы выступили и, пройдя 35 ли на юго-запад, остановились в деревне Хонан-кихен, откуда за несколько часов до нашего прихода ушел конный арьергард кантонцев. Вторые сутки ничего не ем, так как у нас ничего, кроме гаоляна и кипятка, нет. Этим очень обеспокоился командир конного полка, при котором я состою, и прислал мне две черствые мучные лепешки. Влево, впереди от нас, слышна сильная артиллерийская стрельба – это 2-я армия перешла в активное наступление. Правее нас жмется 4-я армия.

26 октября. Выступили в 8 часов 20 минут утра и, пройдя 5 ли, встали в деревне Тун-ян-зы на линии фронта. Раздобыли трех кур, и я наконец-то наелся. Начштаба по карте знакомил меня с обстановкой, и я размножил для нашей бригады несколько экземпляров карты. В деревне много следов автомобильных шин. По опросу жителей – это четыре кантонские бро-

⁴¹¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 1.

немашины и на них не китайцы, а белые. Мы будем здесь ждать нашу пехоту, 2-й эшелон. Опять я без лошадей, но приходится смириться, так как они еще не пришли⁴¹².

27 октября. С 7 часов утра с юга за 10 ли слышна сильная ружейно-пулеметная стрельба. В бригаде чувствуется беспокойство, все суетятся и бегают. Пользуясь суматохой, я добываю еще пять кур, которых приказываю вестовым сварить «про запас». Часов в 11 с юга наблюдается бегство крестьян из соседних деревень. Посоветовал генералу выслать разъезды в ту сторону. Выслали по два человека в каждую деревню. Один из разъездов прибыл, потеряв одного человека. Он привел только лошадь без всадника. По словам оставшегося в живых, его напарник был убит в голову. Выясняем, что противник находится в 5 ли от нас, как на юге, так и на западе. В обед противник приблизился к нам, заняв ближайшие деревни, и обстреливает нас редким ружейным огнем. Подошла наша пехота. Срочно окапываемся полукругом с юга на запад. Окопчики занимают пешие эскадроны конного полка. Генерал поручает мне артиллерию, две 75-мм горные пушки Шнайдера. Выбрав позицию для стрельбы прямой наводкой на хуторе с юго-западной стороны деревни, начинаю обстрел трех ближайших деревень. Начало было неудачное: первые три гранаты упали в цепь нашего 3-го эскадрона, откуда в панике примчался конный ординарец. Потерь не было. Вскоре противник меня нащупал из трехдюймовки и прогнал. Я переехал с пушками на северо-западную окраину деревни и мог теперь только обстреливать две деревни. Я выпустил по ним 50 снарядов, там меня снова нащупали и прогнали ураганным орудийным огнем. Тогда я, въехав в деревню, веду стрельбу оттуда. Опять меня нащупали, и у самого орудия осколками гранаты был ранен в ногу мой переводчик, капитан Ли-Зо-Чжо. Прислуга от орудий в это время разбежалась, тогда я плеткой пригнал ее снова к орудиям, приказав офицеру батареи продолжать вести редкую стрельбу, а сам стал вытаскивать в тыл раненого переводчика. Снарядов тогда у нас оставалось 10–12 штук. Еле дотащил раненого до штаба, весь перепачкавшись в крови, и положил его там на койку. Ни врача, ни фельдшера, ни перевязочного материала в бригаде не оказалось. Доложил об этом начштаба. Он, как и все штабные, отнесся к этому совершенно равнодушно, сказав, что у меня есть трое вестовых, пусть они его и выносят. Сказал он это, не считаясь с тем, что вестовые еще с обеда отошли с обозом и вещами назад, ли за 10 от нас. Тогда я разыскал крестьянина и священника, нашел палку и веревку и на койке, как на носилках, отправил капитана Ли-Зо-Чжо в обоз. Священник было запротестовал, но, получив от меня несколько ударов плетью, смирился⁴¹³.

Раненого стало трясти от холода, и я дал ему свой суконный френч. Я вернулся в батарею. Она, расстреляв снаряды, отошла внутрь деревни. В этот момент меня вызвали к генералу для совместного с ним обхода передовой линии. Стало совсем темно. Противник обстреливает нас сильным ружейным огнем и изредка из бомбометов. Обойдя позицию, я указал места для секретов и дозоров в вероятных местах прорыва.

После этого я вернулся в штаб, куда приехал командующий 4-й армией Фан, которому я был представлен. По отъезду его я лег спать на одной койке с начштаба, так как он и Фан просили меня, чтобы я никуда не уходил. Часов в 12 ночи с нашей стороны началась отчаянная ружейная стрельба – противник редкой цепью повел наступление. Через час, выйдя на улицу, я увидел, что она запружена ушедшей из окопов нашей пехотой и кавалерией. Вскоре все это в панике хлынуло вон из деревни по направлению на восток. С трудом разыскал батарею и пошел с ней. Отступали до наступления рассвета⁴¹⁴.

28 октября. Отошли верст за 12 на восток, по пути смешавшись с кантонцами, которых утром переловили и прикончили. Утром кое-как привели себя в порядок, остановили убегающий обоз с тачками. Я наловил крестьян и, передав им носилки с Ли-Зо-Чжо, направил его к

⁴¹² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 2.

⁴¹³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 3.

⁴¹⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

станции Яндзи-ган в 35 ли от нас. С ним в панике ушел мой вестовой, от которого еле-еле успел взять свои деньги, частью которых снабдил на дорогу Ли-Зо-Чжо. Часа в 4 решил возвратиться на старую позицию в деревне Ян-гу-ди. Я посоветовал выслать на юг сильные разъезды для освещения местности. Генерал для этого послал целиком конный полк. Когда тот скрылся, мы посадили пехоту в окопы, а я из орудий стал обстреливать впереди лежащую деревню, откуда отвечали редким ружейным и автоматным огнем.

В это время вдруг с юга на нас несется наш конный полк, смяв нас и через наши позиции проскочивший на следующую в тыл деревню. Все в панике бросились за конным полком, который никто не преследовал. Я носился верхом на осле и плетью останавливал бегущих, ругаясь в их адрес по-китайски, и говорил, что нет причины убегать, чем привел в восторг генерала. Кое-как с трудом мы остановили пехоту на полпути⁴¹⁵.

Стало темнеть. С трудом привели пехоту в порядок, но на старую позицию ее загнать было уже нельзя. Люди не шли, и мы расположились в небольшом хуторе, не доходя, однако, одного ли до старой позиции. Я расположился в маленькой фанзе с генералом, но он и приходящие к нему командиры курили опиум, от чего у меня разболелась голова, и я ушел спать на двор, на солому, поручив кормежку осла хозяину фанзы. Часа в 2 ночи я был разбужен бешеной ружейной стрельбой. От выстрелов было светло, и пули ложились около меня, щелкая в забор сзади. Встав, я увидел, что двор и фанза уже пусты. Тогда я поскорее подседлал осла, используя как потник брошенное в панике генеральское одеяло, и выскочил на улицу.

Стрельба за это время стихла. Было абсолютно темно. Хутор оказался пустым, и никого, кроме меня с ослом, в нем не было, все убежали. Помня, что при возникновении предыдущих паник бегущие всегда держались направления на восток, я пошел туда. Так как местность была солончаковой степью, поросшей кустарником в рост человека, ни вперед, ни по сторонам ничего не было видно. Пройдя часа два, догнал двух пеших людей 2-го эскадрона, которые мне очень обрадовались, но сказать, где генерал или бригада, не могли, так как сами не знали. Прошло еще часа три. Все вокруг было тихо. Мы сильно устали, и я решил спать до рассвета в брошенной деревне, где застали еще четверых конников 5-й кавалерийской бригады, которая стояла левее нас и тоже драпанула. Разговаривая с ними, я вдруг услышал крик: «Господин майор, господин майор!» Оказывается, в этой же деревне ночевал раненый Ли-Зо-Чжо с моим вестовым. Его до станции не донесли и вернули обратно, так как лобейсины сказали, что станция занята кантонцами. Ли-Зо-Чжо нервничает, плачет, нога у него третий день без перевязки и сильно болит⁴¹⁶.

29 октября. На рассвете наловил лобейсинов, успокоил Ли-Зо-Чжо и направил его на станцию Нехуан в 25 ли отсюда, так как полагал, что слух о занятии врагом железной дороги ложный. Сам же, в одиночестве, имея одну гранату, направился дальше на восток, куда, по словам лобейсинов, несколько часов назад пронесли бомбометы. Местность была песчаными дюнами, с песком чуть не по колено. Пройдя 4 ли, слышу, меня кто-то окликает. Повернулся и увидел 4 китайцев, бегущих ко мне и требующих, чтобы я остановился. Я был на вершине дюны, а они – внизу. Так как местность была наводнена хун-чен-хуями, то не было сомнения, что это они. Отвязав гранату, я бросил ее в них, а сам спустился с дюны на другую сторону. Хотя граната хун-чен-хуям вреда не принесла, но преследовать меня охоту отбила. На звук разрыва из впереди лежащей ли за две фанзы выскочило человек 15–20 солдат, которые побежали ко мне на выручку. Это оказались наши бомбометчики. Они, увидев меня, очень обрадовались, накормили чумизной лапшой, почти не съедобной, и просили ими командовать, так как ночь они просидели в кустах и не знают, что делать, а со светом пришли на этот хутор. Я приказал пяти солдатам разойтись по окрестным деревням искать бригаду, и часа через два

⁴¹⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 4.

⁴¹⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 5.

я выяснил, что генерал находится от меня ли за 15 в тылу на восток, где собирается бригада. Придя к генералу, я доложил ему, что привел 4 бомбомета и узнал причину вчерашней паники. Оказалось, что к нашему дозору подошли около 30 кантонских маузеристов. Они верно сказали пропуск часовым и убили дозор, ворвавшись в деревню. Кинувшись прямо к штабу, они обстреляли его, ранив несколько человек и нескольких из генеральского конвоя уведя с собой на юг, чем привели нас в полную панику и расстройство. Все это меня так разозлило, что я сказал генералу, что больше ночью из-за всяких пустяков гулять не желаю в одиночестве и без оружия. Я добавил, что буду находиться при интендантстве, где находились мой писарь и вестовой, которые меня накормили и уложили спать⁴¹⁷.

30 октября. На рассвете генерал с бригадой потащился опять на запад. Я остался с обозом. Он шел без батальона и эскадрона, в панике проскочивших на железную дорогу, где они были задержаны и обезоружены частями 3-й армии. После обеда меня начала мучить совесть, что я в тылу. Я пошел вперед, куда как раз отправлялись человек 20 отставших. Не доходя 10 ли до штаба, меня встретил конный мобьян генерала, который передал мне визитную карточку помощника начштаба Ма. На ней написано, что я очень нужен впереди и генерал очень просит меня прийти и что револьвер сейчас же по приходу моему в штаб мне будет выдан и чтобы я шел скорее. Я пришел в штаб, и генерал сейчас же выдал мне «маузер» и просил обойти позицию и сделать разбивку окопов, что мной и было выполнено. По моему указанию, были еще сделаны засеки на всех дорогах и указаны места для секретов и дозоров. Окопавшись на юго-западной окраине маленькой деревеньки, конный полк встал на ее восточной окраине, выслав разъезд в 5-ю конную бригаду, стоявшую на позициях левее нас. Впереди к западу занимал позицию Фан со своими частями. Генерал нервничает и все время бегаёт смотреть из-за забора, что делается впереди, и злится на меня, что сплю, несмотря на то, что в 5-й конной бригаде началась сильная стрельба. Он говорит, что ночью спать нельзя. Часов в 11 поднялась сильная ружейно-бомбометная стрельба в деревне, занятой Фаном. Наш штаб потерял голову, и все мечутся. Я назло им продолжаю валяться, делая вид, что сплю. Беспокоить меня они опасаются, так как в таких случаях я начинаю крепко ругаться. Часа в два ночи загорелась деревня, занимаемая Фаном, и немного погодя он стал отступать на нас. Генерал поставил меня с фуганом на дорогу впереди наших окопов, и мы с «маузерами» задерживали отступающих, спрашивая пропуск. В числе отступающих был нами остановлен и сам Фан.

Видя отступление 4-й армии, наша пехота сначала открыла ураганный ружейный огонь, а потом стала бросать окопы и отходить в тыл, потащив с собой и конный полк. Придя в штаб, генерала там я уже не застал, а увидел его в деревне, ведомого под руки мобьянами. Я пошел за ними. Отошли на восток и остановились в поле, не доходя 5 ли до нашего обоза. Стало светать.

31 октября. Я стал браниться и стыдить генерала. Он набрался храбрости и возвратился назад. За ним поодиночке и кучками потянулись остальные. Я с фуганом Го набрал человек 50 солдат с двумя бомбометами. Мы затолкали их в окопы, открыв огонь из бомбометов по тлеющей деревне. У противника все время несколько трубачей в разных местах играли «сбор». Этим они сильно нервировали наших солдат, которые открыли по деревне ружейный огонь, на который противник отвечал редкими выстрелами⁴¹⁸. Сзади никто не подходил, и наши последние солдаты стали разбегаться. Первыми ушли бомбометы, и в конечном итоге в окопе остался я с майором Го. Стреляя из «маузеров» по деревне и в пролетающих над головой гусей, мы обозначали собой фронт 114-й бригады. Когда из деревни ли за 2 показалось несколько кантонцев, мы решили, что пора уходить и нам. Мы ушли ли за 6 на восток в деревню, где скопилась вся бригада. Я опять стал ругаться, устыдив 2-й эскадрон, из которого человек 20 сказали, что пойдут за мной назад, но это уже не имело смысла. Противник занял брошенную нами

⁴¹⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 6.

⁴¹⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 7.

деревню и стал обстреливать нас из бомбомета. Наши люди кучками потащились на восток. Помощник начштаба пытался их остановить, но тщетно. В это время за половину ли от нас показалось облако пыли. Это прошла рысью 5-я кавалерийская бригада. Она тоже бросила позицию и уходила на восток. Наши увидели отход 5-й бригады, и никакие силы их сдержать не могли, и все, перемешавшись, табором повалило на восток. В суматохе даже бросили генеральские носилки и одну пушку. Я собрал 9 человек своих бывших солдат и потащился со всеми. Пройдя 40–50 ли, уже в темноте, мы пришли на станцию Нехуан, где предполагали ночевать, но получили сведения о переходе на сторону кантонцев 9-й и 35-й дивизий. Поэтому часов в 11 вечера было назначено выступление на восток, через линию железной дороги. Часов в 12, имея конный полк впереди, мы тронулись в путь. В конном полку выяснилось отсутствие пулеметной команды и батальона пехоты. Они ушли к хунхузам.

Я со штабом стоял близ переезда, когда с запада на восток, с тусклыми фарами, медленно проходил бронепоезд. Генерал сказал мне: «Садись в него, это русские!» Я побежал к броневикам, крича: «Стой, русские, маманди!», но он, не останавливаясь, прошел дальше. Впоследствии на «Хубее» я выяснил, что это был кантонский броневик и хорошо, что он не остановился. После этого мы шли всю ночь, отойдя от железной дороги на северо-восток за 10 ли, имея наблюдение на юг. По ее линии, в районе деревни и станции Ян-дзы-ган была слышна сильная ружейно-пулеметная стрельба, изредка слышны разрывы и выстрелы тяжелых орудий. Это действует наш броневик. Направление держим на Каоченг. Шли всю ночь быстрым шагом, не имея ни одного привала. Опять не ел целый день.

1 ноября. Без отдыха идем весь день. Я чуть не падаю от усталости, в глазах вертятся круги, ноги распухли и страшно болят. От моих носков остались одни верхушки, и я завернул ноги в два носовых платка, но они очень тонкие и мало помогают. Об еде не приходится думать, так как у каждой деревни стоит отряд хун-чен-хуев и нам приходится их обходить. К вечеру случайно захватили три подводы с кантонскими пампушками, которые сопровождали трое офицеров. Они оторвались от своих, выскочили вперед и нарвались на нас. Офицеров арестовали, лошадей забрал конный полк, мне не дали, а пампушки мы съели. Разведка доносит, что кантонцы находятся в 4 ли от нас. Их разъезды появляются с запада, и начинается паника. Конный полк рысью уходит вперед. Я идти не могу из-за распухших ног, а тем более быстро... Подумываю о пуле из генеральского «маузера» в рот...⁴¹⁹

На наше счастье, на перекоски между нами и ими выскочила 20-я дивизия. Кантонцы занялись ею. Оттуда слышится сильная стрельба, и мы уходим. Не доходя 8 ли до Чао-Сиена, узнаем, что его гарнизон выкинул кантонский флаг. Резко меняем направление и под прямым углом уходим на север, на Тинтао. Идем без отдыха вторую ночь. Не доходя 12 ли до Тинтао, останавливаемся на рассвете. Эти 12 ли я иду со следующей скоростью: вышел в 11 часов и пришел в Тинтао в 5 часов вечера.

2 ноября. К вечеру в город приехал генерал. Я остановился в генеральском конвое, где мои старые солдаты проявили ко мне самую трогательную заботу, притащив мне лепешек и ослиного мяса. Вымыл ноги ханой для дезинфекции и чувствую, что дальше не могу идти ни одного шага.

3 ноября. Узнаю, что нашлись мои писарь, вестовой и тачка: было предположение, что их захватили красные, так как они вышли на станцию Ян-дзи-ган. Теперь чувствую себя лучше, так как они привели с собой моего осла. Половину вещей они, однако, потеряли, так как фактически бежали от противника. Я купил в городе носки и полотенце. Генерал приказал мне дать осла и под вещи. К вечеру выстроились и тронулись, держа направление на Цинин. Ночевали в деревне Уй-шан-ди.

⁴¹⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 8.

4 ноября. Прошли 50 ли и ночевали в деревне Хо-уй-дзи. Спать пришлось под открытым небом, под воротами. Меня продуло и сильно знобит. Об еде который день не приходится думать, так как район совершенно разорен, питаются зеленым горохом. Для себя – варят, ослы едят сырым. Мой желудок этой пищи не принимает, и все выходит обратно.

5 ноября. Выступили утром. Тачку я бросил, перегрузил вещи на маленького осла. Прошли 60 ли и ночевали в деревне Сюй-сан.

6 ноября. Вышли на рассвете, сменив направление на Тан-чоу, пройдя 61 ли, и остановились в деревне Се-ме-ди. Чувствую себя отвратительно – ослабел от голода, а ко всему этому еще и простудился. Пищи никакой нет.

7 ноября. Выступили на рассвете. Я ушел вперед. Пришли в город Тан-чоу, где искали нашего начштаба, но не нашли и пошли за 4 ли на вокзал смотреть броневики. Там застали «Хубей», на котором узнали о гибели наших броневику⁴²⁰. Там меня накормили ужином, и часов в 7 вечера я отправился разыскивать бригаду. Сказали, что она стоит, не доходя города ли за 15 на север. По пути к нам присоединился командир пехотного полка 3-й армии с мобянами. Он сообщил, что южнее нас на Тан-чоу, не доходя до города 30 ли к северо-западу, в деревне Лю-жан-зай, он видел более 40 трупов русских с отрубленными головами. Это работа хун-чен-хуев⁴²¹.

Пройдя полпути, командир полка свернул к себе в деревню, а мы пошли дальше на север. Нам казалось странным, что по хуторам нет солдат. Дойдя до большой деревни, мы были остановлены 4 штатскими китайцами, которые стали расспрашивать писаря, кто мы и не «ломоза» ли я. Я в это время стоял в тени от луны под деревом, достав «маузер» и наведя его на них. Они что-то крикнули, и сразу прибежало еще человек 15, но писарь поручился, что я – не «ломоза», да и «маузер» не располагал их приближаться ко мне, чтобы это проверить. Пятясь назад, мы вышли из деревни и пошли на восток. Бригаду ночью найти не смогли, и после долгих препирательств нас пустила переночевать артиллерийская бригада 5-й армии.

8 ноября. На рассвете мы нашли свою бригаду, она выходила на север. Я доложил начштаба Ма, что больше не могу идти от переутомления, ослы также отказываются. Он посоветовал мне съездить в Тан-чоу и купить лекарства. Пройдя с бригадой еще ли 20, я от утомления не мог идти и лег часа на три в деревне. Бригада ушла дальше ли на 30 на север для отдыха. Чувствуя, что дальше я не могу сделать ни одного перехода, решил вернуться в город и лечь в госпиталь. Часов в 7 вечера я пришел туда. Лекарств не нашел и решил ехать тогда в Суд-же-фу, сел в порожняк и 9 ноября на рассвете прибыл туда. Ослов бросил, так как они все равно больше работать не могли. В Суд-же-фу госпиталя были забиты ранеными, и европейцу там лежать было невозможно. Я сел в порожняк и приехал в Ян-дже-фу.

10 ноября. Сутки не было поезда, и только 11-го числа я попал на базу Сун-чуан-фановских войск и с ней ночью 12 ноября прибыл в Цинанфу.

13 ноября я явился в Шандунский военный госпиталь, где было признано, что я действительно переутомился и истощен от недоедания. Все мои вещи, а также поручика Гаврилюка, переводчиков, полковника Лемана, отправленные в Су-дже-фу, были украдены дезертиром-солдатом конного полка, и мы все остались без вещей. Так как генерал обещания своего о выдаче мне лошади не сдержал, считаю, что, уехав из бригады, морально я прав»⁴²².

Это свидетельство характерно для работы всех русских инструкторов, в том числе и начштаба Хунхузской дивизии полковника Иевлева.

⁴²⁰ Подробности см. ниже.

⁴²¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

⁴²² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 30. Л. 10.

Катастрофа бронепоездов у Сучжоуфу

В ноябре 1927 г. у станции Сучжоуфу фыновцами были захвачены 4 русских бронепоезда. Произошло это так. Подполковник Николаев писал, что в конце октября русские выполняли боевую задачу у станции Ламфанг на Лунхайской железной дороге. Общая численность русских при этом составляла 900 человек, из них 240 человек было на бронепоездах, остальные составляли пехотную бригаду. Каждый бронепоезд имел по 60 человек команды, 4 орудия, 6–7 бомбометов и 10–11 пулеметов. В пехотной бригаде было 600 штыков, остальные были прислугой 2 горных орудий, 8 пулеметов и 4 бомбомета. Объединенными силами командовал генерал-майор Чехов, начальник броневой дивизии, а пехотой – генерал-майор Сидамонидзе. Тот и другой были капитанами русской службы.

В конце октября бои Русской группы, в которых участвовали броневики и пехота, шли на Кайфынском направлении. Русские продвигались вперед. Около часу дня 31 октября в бою с артиллерией врага был пробит тендер паровоза бронепоезда «Хонан», а под вечер был подбит паровоз бронепоезда «Пекин»⁴²³. По данным Пурина, это произошло так: «Впереди шел самый крепкий броневик «Пекин». Снаряды полевых пушек противника не пробивали его брони. Со стороны неприятеля тоже шел броневик, по которому «Пекин» выпустил 127 снарядов, в результате чего вражеский бронепоезд был подбит и с помощью нового паровоза был оттащен назад. Когда «Пекин» продвигался вперед, он наткнулся на две кинжальные батареи, которые подвергли его сильному обстрелу. Артиллерия его не смогла сбить батареи, и паровоз «Пекина» был подбит. За ним пришел другой броневик, который оттянул «Пекин», а на его место вышел бронепоезд «Шандун», который вел бой с батареями и пехотой противника. Почти одновременно на задней станции в 3 часа дня в 5 верстах от станции наш броневик «Хонан» был атакован двумя ротами противника, которые вышли в тыл нашим броневикам. Отстреливаясь, «Шандун» сменил «Пекин» на этой станции и с 8 часов вечера до 1 часу ночи вел бой с пехотой противника, который был до того дерзок, что забирался под вагоны нашего бронепоезда. Бронепоезд «Тайшан» тем временем ушел дальше назад. Еще дальше от него находился броневик «Хонан». В это время пехота противника, пользуясь наступлением темноты, когда стрелки не могли вести точный огонь, пыталась захватить обездвиженный бронепоезд «Пекин». Его команда отчаянно отбивалась и подавала тревожные гудки, похожие на рев раненого зверя. К нему направили броневик «Тайшан», который разогнал противника и к часу ночи притащил на буксире «Пекин» к месту сосредоточения всех русских сил. К тому времени, по словам Николаева, обстановка на фронте настолько осложнилась, что бронепоездам приказали отходить к позициям русской пехоты. По словам Пурина, Чехов прибыл на эту станцию с пехотой и бронепоездом «Шандун» около 12 часов ночи с 31 октября на 1 ноября. Подойдя к расположению пехоты, получили приказ посадить ее на бронепоезда. Все указывало на то, что противник уже проник в тыл. Чехов знал это и должен был принять решение об отходе, но не сделал этого, потеряв 12 часов, и только утром он двинулся в свой тыл.

Поэтому все семь поездов двинулись к востоку одной, почти непрерывной колонной. Начиная с 9 часов утра они все время вели бой с угрожающими с обеих сторон частями противника. На всем пути следования встречались мелкие группы противника в виде отдельных рот и батальонов, которые разгонялись артиллерийским и пулеметным огнем. Таким образом прошли три разъезда без всяких потерь с нашей стороны»⁴²⁴.

К 11 часам поезда начали подходить к мосту западнее разъезда Лиухо (Люхэ). Отсюда до позиций союзного маршала Чу Юпу оставалось 12 километров. Шедшие впереди бронепоез-

⁴²³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 26. Л. 7.

⁴²⁴ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 147. Л. 118, 119.

езд «Чжили» и вспомогательный бронепоезд подполковника Сакулинского, оторвавшись от остальных, успели благополучно миновать этот мост и разъезд. Остальная колонна подходила к мосту так: бронепоезд «Хонан», имея у себя на буксире подбитый «Пекин», затем «Тайшан», «Шандун» и последним – китайский санитарный поезд. Когда «Хонан» был недалеко от моста, оказалось, что дорогу преградил противник, разобравший путь на расстоянии целого километра и взорвавший небольшой мостик перед главным мостом.

«Хонан» остановился, и не успела выскочить его команда для осмотра пути, как по ним сразу с трех сторон был открыт артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь, который велся слева, из двух деревень, с фронта, из-за окопов у мостов и справа из окопов на поле, из поставленных за ними батарей. Противник находился не более чем в 400 метрах от бронепоездов, но решительности в наступлении не проявлял, отгоняемый от полотна дороги огнем бронепоездов. Видя это, 105-й полк выгрузился с бронепоездов на северную сторону дороги и стал наступать на противника, преградившего путь по железной дороге. Артиллерийский огонь враг сосредоточил главным образом на «Хонане», который стал энергично отвечать, но вскоре от нескольких прямых попаданий бронепоезд окутался клубами дыма и пара. Его паровоз был подбит, и «Хонан» лишился возможности маневрировать. Остальные бронепоезда в панике открыли огонь во все стороны. Под его прикрытием с задних бронепоездов начали соскакивать пехотинцы 106-го полка. Во многом поэтому атака 105-го полка, никем не руководимого и вышедшего в наступление неполными силами, не имела успеха. Видя панику команд бронепоездов и 106-го полка, 105-й полк бросился в северном направлении. Рассыпавшись цепью, русские бросились в незанятый противником промежуток между двумя деревнями севернее и левее железной дороги. По данным Пурина, «спасался каждый, как мог и кто мог. Командование растерялось, и никто никаких приказаний не получал»⁴²⁵.

Все бомбометы и большая часть пулеметов были оставлены на бронепоездах. Встреченные со всех сторон огнем, люди 109-й Русской бригады устремились в сторону наименьшего сопротивления, на север, в этот промежуток, куда им вместе с командами бронепоездов и удалось прорваться. При этом почти все имущество, как казенное, так и личное, чинов 109-й бригады и команд бронепоездов было брошено. «Солдаты-китайцы 109-й бригады почти все рассеялись во время боя и при дальнейшем поспешном отступлении к Цинину, куда через полмесяца и прибыли русские с погибших бронепоездов во главе с Чеховым»⁴²⁶. Во время бегства от моста русские оказались в окружении под ураганным огнем противника, из которого они вышли с большими потерями. После этого разрозненные части команд бронепоездов и пехоты пробежали 12 километров на север, кое-как собрались и стали пробиваться к своим, ежедневно делая по 40 километров. Прибыв в Цинин, Чехов послал Чжан Цзучану телеграмму с просьбой дать эшелон для отправки русских в Цинанфу, на что ответа не последовало. Тогда Чехов проявил запоздалое боевое рвение против союзного поезда, самовольно захватив эшелон. В Цинанфу Чехов отправился в штаб Чжан Цзучана с докладом. Однако тот его не принял, сказав, что сможет разговаривать с ним только на фронте.

Были данные, что позорное бегство русских с поля боя имело место, несмотря на слабость сил врага, преградившего дорогу русским бронепоездам и пехоте, и близость своих частей. Пурин свидетельствует: «Как доказательство, что противник по железной дороге не был силен, является факт, что майор Алексеев с 40 артиллеристами стал отходить по железной дороге через мост и, пробившись, присоединился к главным китайским силам»⁴²⁷.

Надо отметить, что Нечаев попадал и в более тяжелые ситуации, например под Тяньцзинем в марте 1926 г. Тогда противник зашел в тыл русским частям и отрезал бронепоезда.

⁴²⁵ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 147. Л. 119.

⁴²⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 26. Л. 7, 8.

⁴²⁷ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 147. Л. 119.

Однако Нечаев, лично возглавив контратаку, отбросил противника, предотвратил катастрофу и сам разбил наголову неприятеля, и это лишь один из многих эпизодов его боевой биографии. Таким образом, вина за случившееся целиком ложится на Чехова как главного командира и Сидамонидзе. Они не смогли удержать команды бронепоездов и пехоту от паники, не командовали пехотой при контратаке 105-го полка и сами впали в панику, отдав приказ о бегстве. А накануне они медлили с отходом своих частей, особенно Чехов, в чьем подчинении были бронепоезда. Кроме того, они стянули в один район все бронепоезда без достаточно сильного пехотного прикрытия, вместо того чтобы распределить их по железнодорожной линии в условиях стремительного отхода войск Северной коалиции. В итоге потеряли четыре новых бронепоезда со всем вооружением, в два раза усилившие броневые силы Фына, и всю материальную часть 109-й пехотной бригады. А главное – общие потери ранеными, убитыми и пленными достигли 300 человек, из которых около сотни приходится на убитых, так как тяжелораненых во время боя и паники вынести не удалось. Они, чтобы не достаться кровожадному противнику, стрелялись сами, или их добивали фыновцы. Особенно позорным было то, что из оставшихся людей 200 человек пришли без оружия, бросив его в панике⁴²⁸.

Причина такого разгрома не только в бесталанности Чехова и Сидамонидзе, но и в отсутствии у русских единого командования. По оценке немецких экспертов, «успехи 1924—26 гг. связаны с тем, что командование русскими было сосредоточено в одних руках. Бронепоезда приносили существенную пользу русскому отряду, так как дополняли огневой силой наступление пехоты. Но как только бронепоездам давали самостоятельное поручение или их направляли для совместных действий с китайской пехотой, они терпели неудачу. Бронепоезда являлись очень ограниченным вспомогательным родом оружия, которому китайцы наивно придавали чрезвычайно большое значение»⁴²⁹.

Чтобы компенсировать потери, Чжан Цзучан снял с должности своего военного советника Макаренко и направил в Цинанфу для руководства строительством двух бронепоездов, так как он уже имел в этом опыт⁴³⁰. Когда они были готовы, он поставил во главе их Макаренко.

После катастрофы уцелевшие части прибыли в Цинанфу, но через неделю и их снова вызвали на фронт.

Русские продолжали покидать разваливающуюся группу. В ноябре 1927 г. из Циндао от Пурина пришло сообщение: «В последнее время здесь было много бывших русских чинов армии Чжан Цзучана. Почти все они обращались к старшим русской колонии и к иностранным резидентам с просьбами о предоставлении им какой-нибудь работы либо средств на проезд в Шанхай или Харбин, куда они направляются в поисках службы. Ныне они имеют чрезвычайно жалкий вид: оборванные, больные, голодные и разочарованные во всем. Усматривается из разговоров с ними и из частных писем из Цинанфу, что неудачные бои в начале ноября на Лунхайской железной дороге сильно поколебали значение группы в глазах китайцев и нужны героические усилия, чтобы восстановить положение русского имени, бывшего при Нечаеве. Все в один голос заявляют: нет веры и доверия к начальникам, а раз это так, то надо признать, что начатая Нечаевым работа разваливается и ждать ничего хорошего впереди нельзя. Нельзя возлагать больших надежд на остающуюся Русскую группу, которая осталась почти без солдат. Они вспоминали, что когда во главе группы был Нечаев, начальник с железной волей, то она была многочисленной, так как генерал прилагал все усилия к тому, чтобы все вовремя получали жалование, и заботился о солдатах. Теперь же этого нет. Прошло 10 месяцев со времени ухода Нечаева, и за этот период никто не получал жалования. Бывшее кадровое офицерство частью пало в боях, частью ушло, частью служит рядовыми, но зато, по меткому

⁴²⁸ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 147. Л. 119, 120.

⁴²⁹ ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

⁴³⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 71.

выражению полковника Лаврова, вчерашние повара стали ныне полковниками и генералами и кричат, что они делают русское национальное дело. Это – грубая ложь. Они губят здесь русское дело и русское начинание. Среди солдат группы царит жестокое озлобление к начальствующим, особенно к Меркулову, играющему в фашизм и сорящему деньгами. Озлобление дошло до того, что в офицерское собрание 105-го полка неизвестно кем была брошена бомба, но об этом замалчивается. В Цинанфу подано до 300 заявлений об увольнении. Если удовлетворить их, то группа останется без солдат. Ходатайства, конечно, остаются неудовлетворенными. Офицерство и солдаты группы возмущенно рассказывают, что наряду с безумными тратами денег можно встретить полную нищету. Одни пользуются лимузинами, пьянствуют, в изобилии льется шампанское, а рядом солдаты не имеют даже кипятка и раненые с трудом, кое-как, плетутся в госпиталь, не имея денег на рикшу. Контрасты – слишком резкие, вызывающие всякого рода разговоры и недовольства»⁴³¹.

Действия конной бригады В. С. Семенова (октябрь – декабрь 1927 г.)

Из бригады генерал-майора Семенова писали, что она «на фронте в районе Кайфына. У нее было несколько удачных дел. Наши получили много благодарностей и денежные награды. Бригада пока действует отдельными полками»⁴³². Распыление Чжан Цзучаном русских по всему фронту лишало возможности использовать их успехи, так как китайцы-соседи обычно не поддерживали «ламеэ», а их удачные атаки, стоившие им немалой крови, обыкновенно оставались бесплодными. В донесениях бригады Семенова есть свидетельства: «В последних боях 26–27 ноября Сводный полк Конной бригады атаковал в конном строю конницу противника, тоже полк. У нас в этой атаке убиты подполковник (войсковой старшина) Чупров⁴³³, майор Нагибин, ротмистр Медвикус и поручики Киц и Урманцев. Ранены поручики Андреев и Черепанов. Еще раньше ранены майор Касаткин и поручик Якимов. Сколько потеряли солдат, пока неизвестно, но потери большие. Из числа раненых 6 солдат находятся в госпитале в Цинанфу. Много убито лошадей. Потеряна связь с другим конным полком бригады полковника Манжетного»⁴³⁴. Тот же источник вскоре сообщил: «Полк отыскался – он здорово потрепался и понес потери, но на фронте в данное время дела идут как будто хорошо»⁴³⁵.

Тихобразов доносил: «Половина бригады во главе с Семеновым – все время в боях. Был 27-го ноября конный бой с конницей Фына. Наш полк уничтожил полк противника, но и сам понес жестокие потери – 6 офицеров убитыми, включая сотника князя Урманова, а также убито 26 всадников и 28 лошадей. Были потери и до этого. При нашей численности такая убыль нас всех скоро сведет на нет. Бои идут пока с переменным успехом»⁴³⁶.

Семенов после боя 27 ноября обратился к Чжан Цзучану: «Русские войска в Вашей армии три с половиной года несут службу и ни разу не уклонились от исполнения долга». В то же время он сообщил, что их положение близко к катастрофе из-за задолженности по жалованью на девять, а по кормовым деньгам – на пять месяцев. Семенов не мог даже взять кредит на бригаду: «Вопрос с довольствием такой, что скоро нечем будет их кормить»⁴³⁷. При этом его бригада продолжала воевать. Через два дня, 30 ноября, было получено новое донесение: «У

⁴³¹ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 147. Л. 117.

⁴³² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 61.

⁴³³ Амурского казачьего войска.

⁴³⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 65.

⁴³⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 79.

⁴³⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 68.

⁴³⁷ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 18. Л. 1, 2.

нас идут жестокие бои с красными. Русские части понесли большие потери»⁴³⁸. Из офицеров был убит еще ротмистр Чирков⁴³⁹.

Через несколько дней противнику удалось переломить ход событий в свою пользу, и 5 декабря с фронта русские доносили, что «военными успехами похвастаться нельзя»⁴⁴⁰. Несмотря на это, 11 декабря 1927 г. русские офицеры отмечали, что «у Тупана будто бы опять сдвиг в сторону симпатий к русским. Это после переживаний в Сучжоуфу»⁴⁴¹. Это неудивительно, так как русские главным образом и держали тогда фронт. Но свои «симпатии» маршал не подтвердил материально, и русские говорили: «Несмотря на нашу жертвенность, мы материально еле-еле перебиваемся»⁴⁴².

Нечаевцы были тогда в подавленном состоянии и из-за того, что их долго не сменяли на фронте. Семенов писал у Императорского канала 17 декабря 1927 г. Меркулову: «1) В настоящее время идет перегруппировка сил. Я получил приказ идти в Цинин. Сводный полк полковника Сараева присоединяется ко мне. Бригада с 8 октября – на фронте и все время в боях. Люди и лошади очень утомились, снаряжение и обмундирование – порвалось. Поэтому я прошу через Вас Тупана разрешить дать бригаде отдых на две или три недели в Цинане. Поправившись, мы принесем больше пользы, тем более что бригада производит перегруппировку и последние дни серьезных боев не было. В противном случае мы еще больше измотаемся и к серьезным боям будем ослаблены. 2) С разрешения Тупана, в деревнях имеются хун-чен-хуи, поэтому мы нигде не можем достать довольствия. Денег они не берут и ничего не дают, а брать силой запрещено Тупаном. В случае этого обязательно будут вооруженные столкновения. Я прошу, чтобы Тупан назначил в бригаду своего представителя, который бы вел переговоры с хун-чен-хуями и доставал нам от них довольствие. Никаких ведь интендантских складов не имеется, и все довольствие приходится добывать от населения»⁴⁴³.

Семенов не сгушал краски. Хун-чен-хуи соглашались дать что-либо лишь за серебро, самую надежную валюту тогда в Китае. В день на русский полк приходилось тратить 60 долларов серебром, которых у них не было⁴⁴⁴.

Из-за отсутствия фуража у русских начали умирать от голода мулы. Сами люди стали страдать из-за нехватки продовольствия и патронов.

Несмотря на это, дисциплина у русских была по-прежнему на высоком уровне, все распоряжения Чжан Цзучана выполнялись безоговорочно⁴⁴⁵.

Исполнительность наряду с отсутствием солидарности между русскими начальниками мешала наемникам выступить едино, чтобы попытаться улучшить свое положение⁴⁴⁶. 30 ноября 1927 г. Тихобразов заметил: «Наше общее обнищание заставило всех обратиться к Тупану с требованием изменить условия существования русских в лучшую сторону. Везем это челобитие и посмотрим, что будет. Если все останется по-старому – придется брать котомку на плечи и искать заработка»⁴⁴⁷. Поехали к Чжан Цзучану Меркулов и Чехов⁴⁴⁸. В результате поездки Чехов настроился на увольнение.

⁴³⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 67.

⁴³⁹ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 3. Л. 8.

⁴⁴⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 71.

⁴⁴¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.

⁴⁴² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 78.

⁴⁴³ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 7. Л. 24.

⁴⁴⁴ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 7. Л. 27.

⁴⁴⁵ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 7. Л. 28.

⁴⁴⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 61.

⁴⁴⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 68.

⁴⁴⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 76.

Тихобразов пишет 5 декабря, что он пытается найти для себя хоть какое-то место для устройства с меньшим, чем у китайцев, но регулярно выплачиваемым пособием, на которое можно было жить⁴⁴⁹.

Генерал-майор Михайлов неожиданно ушел из Русской группы в ноябре, даже не найдя себе нового занятия, и тем самым бросил важную для всех русских наемников работу, поставив их в тяжелое положение⁴⁵⁰. Однако в скором будущем Михайлов смог достойно устроиться на новой полицейской службе.

Все это говорило о том, что русские части находятся на грани краха.

Кампания января – сентября 1928 г. Расформирование отряда

Начало нового года для русских принесло много неожиданностей, отрицательно повлиявших на их службу. С фронта писали 4 января: «У нас – пора всевозможных переформирований и неожиданностей. Здесь полное затишье и противник не проявляет активности. В связи с решительными действиями Чан Кайши против коммунистов у нас говорят, что участие русских в борьбе с ним теряет смысл. Я полагаю, что В. С. Семенов должен что-то предпринять, иначе пропадет идейность борьбы»⁴⁵¹.

Затишье на фронте было связано с тем, что по негласному правилу на Новый год все враждующие стороны прекращали воевать и отдыхали⁴⁵². С Чан Кайши дело было сложнее. В конце 1927 г. он потопил в крови вспыхнувшее против него восстание коммунистов на юге Китая, в том числе в Кантоне, истребив не меньше 5 тысяч человек. Это означало кризис идеологии русских наемников, согласно которой, сражаясь против Чан Кайши, они борются против коммунистов. Понимая это, Чжан Цзучан перебросил русских с фронта Гоминьдана против Фына. Русские офицеры писали: «Что касается дальнейшего нашего участия в борьбе Китая с большевиками, а не в междоусобице, то об этом уже ведутся разговоры. Ведь мы в этом заинтересованы не меньше Харбина»⁴⁵³. Михайлов и Шильников писали 20 января об этом: «Да, после изгнания и расправы с большевиками на юге Китая положение сильно изменилось. Нам с разных сторон задают вопросы: «Что же делает Русская группа, неужели она будет стрелять в солдат Чан Кайши? Неужели генерал Шильников будет и сейчас отправлять пополнение против Чан Кайши, уничтожающего большевиков?» Есть и такие, которые говорят, что теперь Русская группа должна перейти к Чан Кайши. Приходится оправдываться, что этим вопросом сейчас занимаемся и что борьба русских идет против поддерживаемого большевиками Фына»⁴⁵⁴.

В то время даже начштаба Конной бригады Тихобразов интересовался возможностью перехода к другому маршалу, намекая на Чан Кайши⁴⁵⁵. Он и другие офицеры в январе обсуждали вопрос о переходе к южанам. Однако некоторые, в том числе и Шильников, были против, несмотря на крайне тяжелое положение, так как он был опутан долгами из-за неполучения денег. На другую работу он устроиться не мог из-за того, что имя его, главного вербовщика и поставщика «русского пушечного мяса», стало таким одиозным, что никто не хотел ему что-то поручить⁴⁵⁶.

Лидеры белоэмиграции считали, что после разгрома коммунистов Чан Кайши русские у Чжан Цзучана стали простыми наемниками и полагали, что им надо оставить эту службу и

⁴⁴⁹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 71.

⁴⁵⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 85.

⁴⁵¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 81, 82.

⁴⁵² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 85.

⁴⁵³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 85.

⁴⁵⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 95.

⁴⁵⁵ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 84.

⁴⁵⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 95.

прибыть в Маньчжурию для борьбы против коммунистов, пытавшихся установить власть над севером Китая⁴⁵⁷.

Это подогревало брожение у русских, вызванное не только событиями на китайском юге, но и невыплатами денег и плохой кормежкой. Из-за отсутствия денег белогвардейцы дезертировали десятками и сотнями. Резко снизилась боеспособность частей, теперь они уже не проявляли былого рвения и упорства, чем они отличались при Нечаеве. Недоброжелатели русских перед Чжан Цзучаном выставили это так, что те не хотят воевать, так как разложены большевиками и опасны для северян. В итоге часть русских была в начале января разоружена в Цинанфу и расформирована, а некоторые русские начальники, Чехов в том числе, 21 января попали под арест. Чехов был арестован по доносу, что он и Михайлов за время службы смогли нажиться путем разных махинаций⁴⁵⁸. Этот эпизод крайне отрицательно сказался на дальнейшем существовании Русской группы. По данным немецкого агента в Китае Кунста, «Чехов не пользовался авторитетом, не имел военной удачи и не смог удержать в своих руках дивизии, которая стала расплзаться. Так, например, кавалерийский полк выделился из 65-й дивизии и образовал кавалерийскую бригаду»⁴⁵⁹.

Об этом 20 января русские начальники сообщали так: «По совету китайцев, специально настроенных некоторыми русскими прохвостами в больших чинах, Тупан неожиданно разоружил нашу 109-ю бригаду. Эта бригада, штаб группы и 7-й Особый полк – расформированы. Госпиталь передан в китайское ведение. Комендатуры упразднены. Остается у нас лишь дивизион бронепоездов, Конвойная сотня, отряд летчиков и Конная бригада. Военное училище не определило свою судьбу, так как его временно передали китайскому учебному отряду. Были арестованы полковники Сидамонидзе и Тарасов 2-й, но их сразу же освободили. В Харбин отправлены жандармы – арестовывать подполковника Пичугина, коменданта броневой дивизии»⁴⁶⁰.

Расформирование произошло 10 января 1928 г. По данным самих наемников, «в серьезных боях 7-й полк не участвовал и на фронте был недели две. Полк экзамена не выдержал, и командование ходатайствовало об его возвращении в Цинанфу ввиду того, что на фронте из 700 штыков в течение одной недели разбежались 300. Состояние полка в боевом отношении Чжан Цзучан знал. Хозяйственная неразбериха, как то: хищение, плохое питание, подставные лица для получения жалования и т. п. – все это стало известно китайскому командованию. Когда на смотре перед расформированием части Чжан Цзучан задавал вопросы – получал ли он такие-то деньги такого-то числа, командир полка полковник Квятковский отвечал, что получал Михайлов. Когда на вопрос «Эти 5 тысяч ты получал?» он ответил «Так точно», Чжан Цзучан спросил, куда он их дел, тот ответил: «Купил лошадей». – «Сколько?» – «Пять». – «Сколько стоило?» – «600 долларов». – «Остальные деньги где?» В ответ детский лепет и «на мелкие расходы».

Расформирование 109-й бригады имело более существенную подоплеку. Ею командовал генерал Сидамонидзе, бывший в Гражданскую войну командиром полка в Уфимской дивизии. Бригада состояла из 105-го и 106-го пехотных полков. Первый полк был с самого начала Нечаевского отряда. Таким образом, этот полк был фундаментом всей Русской группы. В боевом отношении полк был блестящим и имел много славных боевых страниц. Он был богат и в хозяйственном отношении. Другой полк, которым ранее командовал полковник Сидамонидзе, был сформирован полтора года назад. Никаких особых боевых заслуг он не имел, был ранее

⁴⁵⁷ ГА РФ. Ф. 5826. Оп. 1. Д. 138 об. Л. 93.

⁴⁵⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 88.

⁴⁵⁹ ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

⁴⁶⁰ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 85.

в Особом отряде генерала Чехова, который себя никакими лихими действиями не проявил. Сидамонидзе был ставленником Меркулова, Михайлова и Чехова.

При вхождении 106-го полка в 65-ю дивизию полк этот был слабым как в боевом, так и в хозяйственном отношении. Это подтверждалось тем, что в боях под Нанкином в январе – марте 1927 г., в апреле и мае в боях под Сахочи, Пученом, Пукоу этот полк был намного слабее 105-го полка, о чем Нечаеву неоднократно докладывал Макаренко и на что не раз жаловался 105-й полк. Сидамонидзе не всегда докладывал правду об его состоянии. Мнение Нечаева о Сидамонидзе было таким: «Может быть, лично он – храбрый офицер, но совершенно нераспорядительный в бою и человек без всякого гражданского мужества, всегда сваливающий какую-нибудь неудачу на соседа, только не на себя». Мнение это оказалось правильным, так как в упорных боях у города и станции Сучефу в конце декабря 1927 г. Чжан Цзучан три дня не мог найти бригаду Сидамонидзе, которая должна была быть в непосредственной близости. Это дало повод Чжан Цзучану назвать генерала Сидамонидзе и его бригаду «бегущими».

Первым, кто уговаривал Чехова при катастрофе на Лунхайской ветке у станции Люхэ бросить бронепоезда и бежать, был Сидамонидзе. Вторично его пассивное поведение у Сучефу дало Чжан Цзучану уверенность в полной непригодности Сидамонидзе в роли самостоятельного начальника, как не обладающего оперативной смелостью и утратившего личную храбрость. Будучи в тяжелом положении у станции Сучефу, капитан Ютин, бывший раньше личным ординарцем Нечаева, находившийся при штабе бригады, должен был применить матерную брань, чтобы вывести Сидамонидзе из состояния прострации, иначе вся бригада попала бы в плен. Был ночной налет противника, напавшего на расположение бригады и захватившего в плен 20 русских. Неизвестно, было ли охранение и проверялось ли оно кем-нибудь. Солдаты, видя таких славных начальников, при первом появлении противника и без всякого давления с его стороны стали просто отходить. Причина Чжан Цзучану была неизвестна, но он все сваливал на начальников, и если жалование и всякое другое денежное довольствие не выдавалось, то, по его мнению, что «русские не хотят воевать». В прежние годы, когда русские воевали под командой Нечаева, жалование выплачивалось ежемесячно, как и другие виды денежного довольствия, а после боев всегда выдавались награды. В те времена у солдат всегда были 200–300 долларов на человека, был «фацай», то есть побочный доход. Поэтому при наступлении на города противника люди наступали как львы. С приходом Сидамонидзе хозяйственное состояние 106-го полка, а потом и 109-й бригады стало ужасным. Довольствием людей начальство не интересовалось, горячая пища выдавалась теперь лишь раз в день, заботы о нижних чинах не стало никакой. Сидамонидзе приезжал в бригаду только раз в неделю. Денежное довольствие перестало существовать: командование бригады об этом даже не хлопотало, так как не хотело лишний раз показываться на глаза маршалу, опасаясь, что тот будет его ругать за «славные боевые действия».

В начале января 1928 г. бригада прибыла в Цинанфу, где расположилась в казармах. Печей – нет, одеял – нет, ботинок и сапог – нет. Печки раньше были – для каждой части зимой 1927 г. было куплено и выдано достаточное количество печей. Все это было расхищено и распродано. На барахолке стали открыто продаваться маузеры по 10 долларов за штуку. В последнее время бригада входила в подчинение броневой дивизии Чехова. После катастрофы на Лунхайской дороге, где бригада потеряла свои полевые орудия, все пулеметы и обозы, Чехов был отстранен от должности и уволен со службы. Уезжая из Цинанфу в Тяньцзинь, он выдал некоторым лицам из броневой дивизии авансы в виде жалования за восемь месяцев по январь 1928 г., а солдаты и младшие офицеры так и не получили деньги за десять месяцев. Генерал Чехов, его начштаба полковник Попов, интендант подполковник Пичугин были вызваны в Цинанфу для того, чтобы разобраться в хозяйстве, так как заменивший Чехова генерал-майор Мрачковский получил чрезвычайно много претензий на деятельность предыдущего комдива.

Чжан Цзучан оценил положение 109-й бригады и 7-го полка в Цинанфу, учел их полную боевую негодность, перепроизводство офицеров – из-за леса майоров не видно солдат, хозяйственные хищения и прочее расценил как повод к их расформированию. Кроме этого, со стороны некоторых старших начальников были угрозы Чжан Цзучану, что пахло бунтом. Поэтому Чжан Цзучан оставил на службе лишь здоровые части. Из расформированных частей и желающих дальше служить были составлены новые боевые единицы и пополнены старые. Несмотря на это, отношение Чжан Цзучана к русским самое благожелательное, но ведение дела Меркуловым, генералами Чеховым, Михайловым и Сидамонидзе его не удовлетворило. Поэтому у него не было другого выхода, как расформировать эти части и убрать негодных лиц. Меркулов остался советником заместителем Чжан Цзучана по русским делам и принял в свое ведение 2-й арсенал. Его влияние и доверие к нему сходят на нет. Солдаты и офицеры его ненавидят. Расчет уволенных солдат и офицеров делается казначеем Чжан Цзучана, а правильность бумаг и службы будут удостоверяться бывшим штабом группы. Это показывает, что дубань не доверяет Меркулову и денежный расчет будет производить сам. Авангардная группа Нечаева на июль 1926 г. состояла из 105-го пехотного полка и ряда других частей. Это были две артиллерийские батареи по два орудия каждая, полевая и горная – 60 человек. Кроме этого, был конный полк из 335 человек, два бронепоезда с командами в 180 человек и юнкерская (комендантская) рота в 60 штыков. Штаб составлял 7 человек; команда ординарцев – 25 человек. Всего 1445 человек. Полк состоял из двух батальонов в 660 человек, технического батальона (пулеметная команда и минометная рота) – 120 человек. Чины – 1 генерал, 4 полковника, 8 подполковников, 15 майоров, остальные – по должностям и комплектованию. На содержание группы тратилось в месяц 40 тысяч мексиканских долларов: жалованье – 25 тысяч, на довольствие, фураж и хозяйственные потребности – 15 тысяч. Теперь же по спискам всего 2600 человек, из них бойцов – 1200. Содержание их в месяц стоит 170 тысяч мексиканских долларов. По чинам имеются: генералов – 7, полковников – 20, подполковников – 57, майоров – 160. В общем – 600 офицеров на 2600 человек, или 1 офицер на 6 солдат. Реально же, в боевом отношении на одного офицера приходился один нижний чин. Чжан Цзучан снова желает привлечь к возглавлению группы Нечаева. Это лишь вопрос времени.

К концу января инструкторский русский офицерский отряд или Юнкерское училище также был расформирован⁴⁶¹. По данным наших офицеров от 24 января, «положение у нас все ухудшается. Школа расформировывается, так как она отказалась идти ротой в учебный полк. Пока ее забыли, и она продолжает, в общей суматохе, свое существование по инерции, но это долго не продлится»⁴⁶².

В то время отношение русских к Меркулову стало просто нетерпимым. Он, будучи человеком невоенным, решил прибрать руководство частями себе. В итоге Тихобразов и другие офицеры подали рапорта об увольнении⁴⁶³. Они приняты не были, так как уход этих офицеров означал конец Русской группы и Меркулов остался на прежнем месте советника.

После неудачи у Сучжоуфу в армии Северной коалиции началось повальное дезертирство, которое не остановили самые крутые меры. Даже части генерала Чу Юпу, считавшиеся самыми надежными, стали переходить к противнику. Донесения об этом с тех пор стали обычными. Так, в начале марта 1928 г. корнет Ребров, посланный с разъездом в деревню Вансиндя между Шанхаем и Цинанфу, доложил, что ее жители перешли на сторону противника и открыли по его людям огонь. Кроме того, разъезд задержал часть войск Сун Чуанфана, когда они переходили к южанам⁴⁶⁴.

⁴⁶¹ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 89.

⁴⁶² ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 91.

⁴⁶³ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 94.

⁴⁶⁴ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 16. Л. 23.

Положение усугублялось тем, что в боях и от эпидемий конная бригада потеряла много лошадей и впервые после осени 1924 г. у наемников в январе 1928 г. появились «пешие кавалерийские части»⁴⁶⁵.

Видя неспособность Чжан Цзучана решить проблемы, нечаевцы сами пытались их устранить. Тихобразов, например, инициировал переговоры с администрацией уездов для решения вопроса с продовольствием. Иногда они кончались удачно и им удавалось получать продукты на занятые в высших инстанциях деньги⁴⁶⁶.

Зимой остро встал вопрос о размещении войск на постой, чем было очень недовольно население, и Чжан Цзучан запретил без разрешения своим войскам, в том числе и русским, занимать квартиры самовольно⁴⁶⁷.

При всех тяготах службы продолжались изнурительные бои против Фына и Чан Кайши. Многие русские в это тяжелое для них время проявляли героизм. Так, за проявленное во время новогодних праздников мужество в боях подпоручик Меньков, разжалованный в 1926 г. за потерю казенных денег из поручиков в солдаты, снова стал поручиком⁴⁶⁸.

В начале января в ряде крепостей, где русские стояли гарнизонами, наемники попали в окружение, как это было с 53 русскими в Таминфу. Русским конникам, чтобы избежать плена, пришлось наступать на уже занятые врагом пункты, например город Кочен. Во время движения под откос свалилась машина с русским командным составом, но, по счастливой случайности, никто серьезно не пострадал. Однако это задержало движение отряда⁴⁶⁹. К общим бедам добавилось то, что из-за предательства китайцев и собственного пьянства в крепостях Шануцун и Вынкуйфу под городом Цаочжоу в январе – феврале 1928 г. в плен попала большая часть 2-го конного полка, в чем во многом был виноват его командир полковник Манжетный. В первой крепости в плен попали 105 русских наемников, в том числе 13 офицеров. Среди них был есаул, на должности которого находился подполковник Духовской, и 3 майора; 26 вахмистров, в том числе Иван Лобанов, отличившийся год назад в избиении рикш, 20 старших унтер-офицеров, 16 младших унтер-офицеров и 30 всадников. Кроме того, в плен вместе с ними попали 22 китайца, в том числе 1 младший унтер-офицер, а также 144 лошади и 8 мулов⁴⁷⁰.

В крепости Вынкуйфу (Вейкуйфу) 15 января 1928 г. был убит майор Стрелков, после чего 1 февраля в плен попали 37 русских солдат и офицеров и 1 китаец с 32 лошадьми и 2 мулами⁴⁷¹. По другим данным, в плен в этой крепости попали 53 русских⁴⁷².

В начале февраля того же года оттуда прибыл китаец, бежавший при сдаче крепости противнику. Оказалось, что захваченных русских отправили в глубь Китая, все они живы, но были ранены хорунжий Зыков, 2 вахмистра и 3 солдата⁴⁷³.

По данным коммунистов, при взятии Фыном Цаочжоу в плен попали 300 русских, а при продвижении к городу Тайань, по данным китайцев, монгольская кавалерия Фына к северу от него окружила и уничтожила белогвардейский кавалерийский отряд Шаньдунской армии⁴⁷⁴.

⁴⁶⁵ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 3. Л. 5.

⁴⁶⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 7. Л. 30.

⁴⁶⁷ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

⁴⁶⁸ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 3. Л. 4.

⁴⁶⁹ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

⁴⁷⁰ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 28–32.

⁴⁷¹ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 48 об., 51.

⁴⁷² ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

⁴⁷³ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 8. Л. 5.

⁴⁷⁴ *Материалы по китайскому вопросу*. М., 1928. № 11, 12. С. 284; *Смирнов С.* Русские эмигранты в китайской армии (1920–1928 гг.) // *Белая армия. Белое дело*. 2003. № 13. С. 95.

По китайским правилам попавшие в плен продолжали получать деньги, их снимали лишь с приварочного и провиантского довольствия⁴⁷⁵. Жалование при этом высылали семьям пленных. Но деньги выдавались, только если было точно известно, что пленный не сдался добровольно⁴⁷⁶.

Посланный в конную бригаду в Фансиен офицер Трухин доносил 19 февраля Тихоброву об ее кризисе. Он писал: «Люди морально сильно потрепаны печальной историей со 2-м полком и разоружением пехоты в Цинанфу и непрерывным, более чем 2-месячным мотанием в условиях походно-бивачной жизни в зимнем холоде и при голодном пайке, особенно в Енчжоу-фу. Когда пошли из Дун-чана, то солдаты в разговоре выражали неудовольствие, говоря: «Куда опять погнали, заведут так же, как и 2-й полк» и т. д. В общем, войско наше «потеряло сердце». Большинство офицеров и солдат переутомились службой и разочаровались в ней. Слышал от солдат, что «это дело нужно только для начальства, ему до нас мало дела»⁴⁷⁷. Офицеры были растеряны произошедшими событиями и деморализованы. Трухин доносил, что в частях – беспорядок, офицеры не знают, кто из солдат находится в тылу на базе в Цинанфу, а кто находится в их распоряжении⁴⁷⁸.

Ко всем негативным явлениям добавлялось то, что многие китайцы не желали служить под начальством русских и выражали им неповиновение⁴⁷⁹. Это стало не последней причиной, по которой наемники стремились освободиться от китайцев в своих рядах. Русские резонно не доверяли китайцам, которые часто переходили к противнику. Так, в марте 1928 г. Савранский донес, что китайские солдаты вступают в разговоры с солдатами врага, что им было категорически воспрещено⁴⁸⁰. Это было первым шагом к измене, и, естественно, данный факт не добавлял доверия русских к китайцам.

Хотя многие отмечали положительные изменения, произошедшие у русских с их реформированием и очищением от китайцев к концу 1927 г.⁴⁸¹, но это была запоздалая мера, она не могла радикально улучшить их положение.

К весне 1928 г. Шаньдунская армия испытывала крах. На судьбе русских это отразилось непосредственно. Они больше года не видели денег, и среди них все больше росло недовольство⁴⁸². Нередко на целый полк в месяц выделяли лишь 700 долларов, хотя только на льготное довольствие ежедневно приходилось тратить 60 долларов. Китайцы задолжали одному русскому полку 10 тысяч долларов, из которых на конец января было погашено только 3300⁴⁸³. Ситуация с деньгами стала неуправляемой.

Это объяснялось тем, что финансовая часть у китайцев находилась в зачаточном состоянии и порядок выдачи денег почти отсутствовал. Когда деньги все же поступали, оказывалось, что на них «заприходованных приказом приходных документов нет»⁴⁸⁴. К весне 1928 г. задолженность перед русскими привела к катастрофе. Из полков доносили, что не только нет денег, но и «вконец износилась обувь»⁴⁸⁵. В. С. Семенов доносил в штаб тупана: «Прошу прислать сапог. Многие ходят босыми»⁴⁸⁶. Не хватало не только обуви, но даже сахара, чая, почтовых

⁴⁷⁵ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 5.

⁴⁷⁶ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 8. Л. 6.

⁴⁷⁷ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

⁴⁷⁸ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 7. Л. 8.

⁴⁷⁹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

⁴⁸⁰ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁴⁸¹ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 7. Л. 23.

⁴⁸² ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 2. Д. 7. Л. 9.

⁴⁸³ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 2. Д. 7. Л. 6, 7.

⁴⁸⁴ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

⁴⁸⁵ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 16. Л. 33.

⁴⁸⁶ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

конвертов, уздечек для лошадей и подков для мулов⁴⁸⁷. Тогда Семенов просил Чжан Цзучана выдавать деньги хотя бы частично, но серебром или индексировать потери от инфляции.

Дело в том, что, несмотря на редкость выплат, русским стали выдавать бумажные шаньдунские доллары, которые за время войны потеряли прежнюю стоимость, и получалось, что они получают в три или три с половиной раза меньше денег. Семенов докладывал: «Семьи наши голодают, нет даже кормовых денег», и он просил выдавать хотя бы раз в месяц что-то, иначе им грозит голодная смерть, так как даже фронтовым частям стали выдавать очень мало продуктов. По словам Семенова, «мы желаем продолжать службу, никто не отказывается от исполнения долга, но для этого необходимо русские части поставить в условия, в которых они могли бы существовать»⁴⁸⁸. Некоторые русские командиры проявляли и в таких условиях чудеса смекалки и находчивости. Например, подполковник Карманов даже в таких условиях умудрялся хорошо кормить свой дивизион⁴⁸⁹.

Но без денег чуда быть не могло, и 21 марта было подано коллективное прошение солдат-конников на увольнение. Офицеры отказались его удовлетворить и применили в отношении «бунтовщиков» кнут и пряник. Они, с одной стороны, успокоили солдат тем, что офицеры сами обратятся к Чжан Цзучану, так как все заинтересованы в выдаче денег. Кроме того, солдат укоряли в том, что такими действиями они вредят интересам всей Русской группы, создавая о ней в глазах китайцев неблагоприятное впечатление. При этом они говорили, что все пожелания солдат должны проходить через офицеров. С другой стороны, офицеры обещали при повторении инцидента строго наказать солдат. Ограничились тем, что разжаловали некоторых вахмистров⁴⁹⁰. Однако у офицеров положение было не лучше. Еще летом 1927 г. один из них писал: «Как должен жить я с семьей, не получая 8-й месяц жалования, когда всецело поглощен работой? Я давно уже потерял лицо и не сдерживаю слова. Я серьезно подумываю уйти. Дальше так жить не могу, не могу допустить, чтобы кредитор, зеленщики, прачки и другие пришли к нам и начали бить меня и мою жену»⁴⁹¹. Другой офицер писал об этом так: «Вообще, скверно. Как бы не стали убегать в конном строю»⁴⁹². Положение было такое, что Семенов писал: «Поеду к командующему фронтом с ультиматумом: или деньги – или мы будем грабить население»⁴⁹³.

Неудивительно, что среди нечаевцев в то время отмечались случаи умопомешательства. Так, в марте 1928 г. на базу Русской группы в китайской армии для такого лечения был отправлен вахмистр Федурин⁴⁹⁴.

Угрозы и успокаивания солдат лишь приглушали недовольство и вызывали дезертирство, «пьянство с горя» и неисполнение служебных обязанностей. Прибывший в конце марта 1928 г. к наемникам Чжан Цзучан с неудовольствием отметил у них «грязные дворы и казармы»⁴⁹⁵.

К тому времени Русская группа находилась в состоянии развала. Отчаявшиеся наемники уходили сотнями. Им сразу не могли выплатить всех денег, и они долго не могли уволиться. По данным от 20 января 1928 г., русские командиры писали, что «жалование уволенным дадут не за все время, а за $\frac{1}{7}$ и $\frac{1}{6}$, так как всего дают уволенным 100 тысяч долларов»⁴⁹⁶.

⁴⁸⁷ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 8. Л. 3, 5, 7.

⁴⁸⁸ ГА РФ. Ф. 7043. Оп. 1. Д. 25. Л. 2.

⁴⁸⁹ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 6.

⁴⁹⁰ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.

⁴⁹¹ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 16. Л. 27.

⁴⁹² ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 7. Л. 1–4.

⁴⁹³ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 8. Л. 7.

⁴⁹⁴ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

⁴⁹⁵ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 57.

⁴⁹⁶ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 85.

И все же некоторые смогли получить 30 процентов своего жалования серебром, но у многих полученных за такую опасную, кровавую и трудную работу денег хватило только на билет от Цинанфу до Харбина⁴⁹⁷.

Такая ситуация часто наблюдалась из-за воровства русских и особенно китайских начальников. В то же время, по данным немецкого агента в Китае Кунста, некоторые увольнявшиеся солдаты получали по 700 золотых марок, очень хорошую сумму даже по меркам Европы. Но большинство солдат уже на другой день потеряли свои деньги «в диком пьянстве и игорных притонах, были обкрадены своими товарищами или китайскими солдатами в темных улицах. Другие были обворованы рикшами, которые везли их в лагерь в 5 верстах от города: пьяные солдаты засыпали в колясках рикш, откуда их выбрасывали в ближайшие канавы и освобождали от тяжелого серебряного мешка. Как не вспомнить о старой немецкой ландскнехтской поговорке «Молодой – солдат, старый – нищий» или о знаменитом испанском выражении «солдат удачи»: «Он проиграл солнце, пока оно взошло».

Меркулов при расчете с уволенными офицерами заявил: «Вы обманули солдат, а потому получите 30 % жалования». Эти 30 % были скоро выплачены части офицеров, после чего наступил промежуток в 4–5 недель ввиду того, что Чжан Цзучан проиграл 700 тысяч долларов США. Только в начале апреля начались выплаты денег, и то маленьким группам».

Это был лишь предлог для наживы. По данным Кунста, тогда на «2800 человек отряда солдат было 2200, офицеров – 600. Маршал Чжан Цзучан был крайне удивлен, узнав, что около 300 офицеров находится в тыловых учреждениях, как то: в Юнкерском училище – 25 офицеров, в так называемом штабе группы – 30 офицеров, в комендантском управлении – 18 офицеров, в комендантских управлениях других городов, в госпитале, конвое и так далее – остальные. Так, перепроизводство офицеров, главным образом штаб-офицеров в тылу, о котором он не знал, возмутило его. Поэтому он желал заплатить всем, в том числе и офицерам, но не тыловым. Старшим группы в то время был Н. Д. Меркулов, который, казалось бы, должен был защищать интересы русских. К нему они обращались, но он отвечал: «Я Вами не командовал, а потому этот вопрос меня не касается». – «Командовать не командовали, но собирались!» – отвечали офицеры. Фактически с декабря 1927 г. по 6 января 1928 г. до расформирования, которое произошло через полтора месяца, все были подчинены Меркулову, так что офицеры были правы, но ввиду полного развала никто никому не подчинялся»⁴⁹⁸.

Те лица, которых не могли уволить и рассчитали не полностью, разлагающе действовали на остающихся в строю, и поэтому было приказано удалить из расположения частей всех, не числящихся в них по спискам⁴⁹⁹. Они направлялись в тыл, где болтались без дела на базе отряда. До получения расчета они продолжали числиться в наемниках⁵⁰⁰.

Обман при расчете вызвал массовое дезертирство солдат, бежавших без уплаты жалования. Боясь остаться вообще без солдат, офицеры уговаривали их остаться. Китайцы даже выплатили увольняющимся солдатам все деньги серебром, надеясь, что они изменят свое решение. Но ни за какие коврижки не раз обманутые солдаты служить не хотели, что вызвало большое недовольство Чжан Цзучана.

Китайцы стимулировали уход русских и тем, что «сократили штаты» разваливавшейся Русской группы – перевели офицеров на более низкие оклады и понизили в чине. Но многие смирились и с этой пощечиной. Так, подполковник Францелев согласился стать майором и получать пониженный оклад, но с условием, что погоны будет носить подполковника. Чтобы оставить в отряде достойных офицеров, шли на махинацию, давая им два оклада. Так, под-

⁴⁹⁷ ГА РФ. Ф. 7044. Оп. 1. Д. 22. Л. 89.

⁴⁹⁸ ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

⁴⁹⁹ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁵⁰⁰ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 33.

полковник Храмов, переведенный в майоры, в ведомостях проходил как «Храмов I» и «Храмов II», то есть в списки был внесен лишний человек⁵⁰¹.

В русских частях оставалось несколько сотен человек вместо прежних тысяч. Всех конников свели в 1-й Отдельный охранный отряд. О том, сколько людей там было, свидетельствует число бывших при нем лошадей и мулов – 289 и 10 соответственно. В отдельной конно-горной батарее было 20 лошадей и 8 мулов⁵⁰². Оставалось несколько сотен человек в броневых и авиационных частях. Командование пыталось всеми силами прекратить отток наемников. Так, например, было заявлено о том, что увольняющимся не будет выплачиваться надбавок за службу и индексации по зарплате⁵⁰³. Как таковой, в прежнем значении Русской группы не существовало. Но, по данным Кунста, «Чжан Цзу Чан не обескуражен потерей Русской группы, так как заказал себе прекрасный гроб, с которым поехал на фронт с намерением «или разбить южан, или умереть»⁵⁰⁴.

Положение осложнялось тем, что русские из-за отсутствия грузовых машин были лишены возможности даже подвозить на фронт самое необходимое – патроны, сапоги и подковы⁵⁰⁵. Многие пытались перевестись на бронепоезда. Там задержки в деньгах были намного меньше, чем в других русских частях, и до конца зимы 1928 г. жалование у них было на порядок выше. Объясняется это тем, что там финансовая часть была поставлена лучше и командиры меньше воровали, или, скорее всего, Чжан Цзучан больше всего из своих войск почитал бронепоезда. А. А. Тихобразов считал, что в этом виноваты не только китайцы, но и В. С. Семенов, который якобы злоупотреблял деньгами. Последний в ответ на это написал ему: «Наши завидуют броневикам, что они получают деньги, а мы – нет. Объяви, что я разрешаю всем, кто хочет, переводиться туда, и я буду выгонять всех, кто будет на эту тему чесать язык»⁵⁰⁶.

⁵⁰¹ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 9. Л. 4.

⁵⁰² 506 ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 37, 47.

⁵⁰³ ГА РФ. Ф. 7046. Оп. 1. Д. 1. Л. 53.

⁵⁰⁴ ГА РФ. Ф. 5871. Оп. 1. Д. 179. Л. 1–6.

⁵⁰⁵ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 9.

⁵⁰⁶ ГА РФ. Ф. 7045. Оп. 1. Д. 8. Л. 9.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Клерже Георгий Иосифович (1883, Эриванская губерния – 1938, Шанхай) – окончил 2-й Московский кадетский корпус, в 1903 г. – Павловское военное училище по 1-му разряду. Выпущен подпоручиком в 155-й Кубанский пехотный полк. С 1904 г. служил в составе 15-го Тифлисского гренадерского полка, участвовал в подавлении беспорядков в Тифлисе в 1905–1906 гг. В 1909 г. окончил Николаевскую академию Генерального штаба по 1-му разряду и был направлен на службу в Кавказский военный округ. На начало Первой мировой войны военный агент в Турции. Бежал оттуда в Россию, избежав ареста. В 1915 г. участвовал в Сарыкамышской операции начальником штаба правой арьергардной колонны. В 1918 г. возглавлял Смешанную Персидскую казачью бригаду в Иране. Позднее был обвинен в том, что «своими демагогическими речами взбунтовал два полка и перешел с ними на сторону красных». Выехав на восток России, до прихода белых скрывался в Перми под вымышленным именем. С 1919 г. – помощник начальника Ставки Колчака в Омске. С 1921 г. – начальник штаба войск атамана Семенова, генерал-лейтенант. В конце 1921 г. перешел на службу к Чжан Цзолину и в 1922–1927 гг. являлся, с перерывами, военным советником маньчжурского диктатора. Позднее, в 1931–1933 гг. – редактор вечерней газеты «Мукден». С 1935 г. жил в Шанхае. Там он занимал пост вице-председателя организационного совещания при Кафедральном соборе. В январе 1938 г. арестован и расстрелян японцами.

2.

Чжан Цзучан родился в Шаньдунской провинции. Служа подрядчиком на КВЖД, сблизился с хунхузами и сам возглавил крупную банду. Во время Русско-японской войны вел активные действия против японцев на стороне русских, за что получил чин русского офицера. В годы Синьхайской революции стал на сторону Юань Шикая, участвовал в карательном походе на Кантон. Вернувшись в Пекин, стал завсегдатаем игорных притонов и публичных домов. В 1922 г. привлечен Чжан Цзолином на службу, возглавив китайских пограничников на станции Пограничная. Способствовал устройству русских белых в Китае при отходе их из России. С 1924 г. – глава Шаньдунской провинции. Погиб после поражения в китайской гражданской войне.

3.

Шильников Иван Федорович (1877, по другим данным – 1882, станица Титовская Забайкальского казачьего войска – 1934, Харбин) – окончил Иркутское военное училище, служил в Забайкальском казачьем войске. Участник Русско-японской войны 1904–1905 гг. После служил в 1-м Читинском казачьем полку, с которым воевал в Первую мировую войну. Имел много наград за боевые заслуги. До 1920 г. – участник Белого движения на Дальнем Востоке. Начал в 1918 г. белое партизанское движение на западной линии КВЖД. До конца осени 1918 г. служил у атамана Семенова, который произвел его в генерал-майоры, но после ссоры с ним перешел к Колчаку. В пограничной зоне Забайкалья по реке Аргунь основал казачьи посты, из которых при установлении здесь советской власти образовались небольшие белые партизанские отряды. После ухода белых из Приморья организовал антисоветский отряд на станции Маньчжурия и в прилегающем к ней селении Абагатуй, возглавив белоповстанческий Забайкальский фронт. За это был арестован китайскими властями, обвинен в государственном преступлении против Китая и приговорен к тюремному заключению. Вышел из тюрьмы по амнистии. Автор книги «1-я Забайкальская дивизия в Великой Европейской войне». Главный вербовщик русских в армию Чжан Цзучана, его военный советник. Его дочь работала жокеем на ипподроме на скаковых лошадях. Скончался от рака 7 мая 1934 г. Похоронен со всеми воинскими почестями в Харбине.

4.

Семенов Валентин Степанович (?—1938) – начал службу в Приморском Драгунском полку в 1908 г. Участник Первой мировой войны. Во время Гражданской войны в 1918 г. – полковник, комендант штаба генерала Плешкова. Принимал активное участие в формировании антисоветских отрядов на Дальнем Востоке Глебова и Орлова. Участник свержения советской власти в Приморье. В августе 1918 г. совместно с чехословацкими и японскими войсками участвует в боях против красных, кончившихся освобождением от них Приморья. В Приморье из русских добровольцев заново сформировал Приморский драгунский полк. До падения власти белых в Приморье в январе 1920 г. полтора года боролся против партизан. Когда зимой 1920 г. белые бежали из Приморья, В. С. Семенов укрылся в японских казармах в Раздольном. Весной того же года, после вооруженного выступления японцев в Приморье, переехал в Харбин. В 1920–1925 гг. состоял на службе во внутренней охране КВЖД. В армии Чжан Цзучана – не позднее 1926 г., командует кавалерийским полком. За храбрость его быстро произвели в генерал-майоры, наградили рядом военных и гражданских орденов Китая. Приступил к командованию кавалерийской бригадой. Успешно сражался в 1926–1928 гг. против хунхузов, частей Фына и Гоминьдана. После расформирования Русского отряда в конце декабря 1928 г., последним командиром которого он являлся, в начале 1929 г. Семенов устроился в Харбине конторщиком кузнечного цеха на КВЖД. После конфликта на КВЖД в том же году коммунисты настояли на его увольнении, как «видного контрреволюционера». Больше двух лет перебивался случайными заработками. В конце 1931 г. вступил в Русскую фашистскую партию, а немного позднее устроился на службу в Главное полицейское управление Харбина. Завербован советской разведкой, раскрыт японской жандармерией из-за предателя-чекиста Люшкова и после пыток казнен.